В. Богровъ.

КРИТИКО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ТЕОРІИ ЦѢННОСТИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. „Печатный Трудъ“, Надеждинская ул., 38.
1911.

3 к

Прил. №

„Прил 38"

| экз.

Критико-историческій очеркъ теоріи цѣнности.

Заглавіе настоящаго очерка опредѣляетъ двойную цѣль, которую онъ преслѣдуетъ: разсмотрѣніе проблемы цѣнности съ критической и исторической точки зрѣнія. Эти два способа изслѣдованія стоятъ по отношенію другъ къ другу въ извѣстномъ противорѣчіи. Временная послѣдовательность, которую имѣетъ въ виду исторія, далеко не всегда соотвѣтствуетъ развитію логическаго содержанія, которое составляетъ проблему критическаго обзора. Жизненная дѣйствительность нигдѣ не обнаруживаетъ намъ простого, прямолинейнаго прогресса, ибо эволюція происходитъ въ видѣ причудливаго движенія, слагающагося изъ столкновенія разнообразныхъ теченій и принимающаго самыя неожиданныя направленія. Въ исторіи нѣтъ „формъ“, которыя согласно Гегелевской идеѣ, „разумно“ переходили бы изъ одной стадіи развитія въ слѣдующую высшую и, равномѣрно катясь по полотну исторической дѣйствительности, послѣдовательно миновали бы на своемъ пути опредѣленныя философомъ станціи. Процессъ развитія есть движеніе чрезвычайно сложное, подчасъ прямое, нерѣдко обратное, то ритмическое и легко поддающееся наблюденію, то неувѣренное, капризно отклоняющееся въ противоположныя стороны, то вдругъ замирающее въ неподвижности въ качествѣ потенціальной энергіи. Подобно тому, какъ корни растенія широко развѣтвляются подъ

почвой для того, чтобы на поверхности слиться въ единый, стройный стебель растенія, такъ историческія исканія научной истины направляются одновременно въ различныя стороны для того, чтобы на противорѣчивыхъ взглядахъ и сужденіяхъ обосновать новое рѣшеніе проблемы, болѣе общее и безусловное.

Обращаясь къ предмету нашего изслѣдованія, мы можемъ убѣдиться, что зачатки тѣхъ идей, которыя въ вопросѣ о цѣнности господствуютъ въ настоящее время, существовали уже въ самыя раннія времена жизни экономической науки. Вмѣстѣ съ тѣмъ до сихъ поръ сохранились и нѣкоторыя заблужденія и ошибки, въ которыя впадала прежняя экономическая теорія. Поэтому соблюдать въ изложеніи матеріала послѣдовательность его историческаго возникновенія значило бы въ извѣстной степени отказаться отъ второй задачи нашей—расположенія его по цѣнности содержанія, и, наоборотъ, сдѣлать нашимъ единственнымъ масштабомъ относительную истинность воззрѣній отдѣльныхъ ученыхъ, значило бы пренебречь точной исторической послѣдовательностью. Такимъ образомъ мы должны съ самаго начала въ извѣстномъ смыслѣ ограничить, вѣрнѣе выяснить, нашу задачу и указать, что нашей цѣлью является лишь намѣтить главнѣйшіе этапы въ эволюціи теоріи цѣнности. Поэтому въ настоящей статьѣ не могутъ быть проведены съ абсолютной послѣдовательностью ни требованія историзма, ни требованія критицизма. Что касается первыхъ требованій, то мы должны будемъ отказаться отъ хронологической послѣдовательности въ изложеніи отдѣльныхъ ученій, а также не сможемъ представить тѣхъ общихъ культурныхъ, политическихъ, хозяйственныхъ и другихъ отношеній, изъ которыхъ эти ученія выросли. Съ другой стороны мы нарушимъ требованія критицизма, останавливаясь не на ученіяхъ отдѣльныхъ экономистовъ, а часто даже вообще не на существовавшихъ у отдѣльныхъ экономистовъ теоріяхъ, а только на цѣлыхъ *направленіяхъ* въ ученіи о цѣнности. Подчасъ

эти направленія создавались могучимъ разумомъ единичныхъ людей (напр. теорія Маркса), подчасъ же они представляютъ итоги экономическаго мышленія цѣлой эпохи.

Однако, именно потому, что мы не намѣрены останавливаться на воззрѣніяхъ отдѣльныхъ экономистовъ, а сосредоточиваемъ свое вниманіе на типическихъ направленіяхъ въ ученіи о цѣнности, взятыхъ въ цѣломъ, мы пріобрѣтаемъ возможность удовлетворить основнымъ и общимъ требованіямъ какъ критики, такъ и исторіи.

Теченіе времени явно отмѣчаетъ *крупные* этапы въ эволюціи идей и понятій и потому налагаетъ свой отпечатокъ и на тѣ общія направленія въ наукѣ, о которыхъ намъ придется говорить. При болѣе крупныхъ подраздѣленіяхъ намъ удастся соблюсти историческую послѣдовательность и, переходя отъ одного направленія къ другому, отъ одной „теоріи“ къ другой, мы одновременно будемъ передвигаться отъ одного вѣка къ другому, отъ одной исторической эпохи къ другой. Вмѣстѣ съ тѣмъ, переходя отъ простого неопредѣленнаго, частнаго истолкованія явленій цѣнности къ болѣе сложному, опредѣленному и общему пониманію ихъ въ позднѣйшее время, мы будемъ подвигаться отъ полу-истинъ къ истинамъ и приближаться къ тѣмъ взглядамъ, которые являются съ научной точки зрѣнія болѣе правильными.

Такимъ образомъ историческая и критическая задачи, не находящія общаго разрѣшенія въ отношеніи пестраго идейнаго матеріала небольшого промежутка времени, примирятся при разсмотрѣніи значительныхъ частей этого многообразія, представляемыхъ цѣлыми идейно-историческими направленіями.

Разработка чрезвычайно богатаго матеріала по данному вопросу могла быть выполнена нами пока только поверхностнымъ образомъ. Назначеніе настоящей статьи дать лишь краткій и сжатый „обзоръ“ или „очеркъ“ теоріи цѣнности, и мы будемъ считать нашу

задачу исполненной, если намѣтимъ наглядно тотъ конечный пунктъ, къ которому нынѣ приближается пониманіе экономической цѣнности въ результатѣ исторической эволюціи ея теоріи.

Понятіе и значеніе „цѣнности“.

Высоко поднимая научное разсмотрѣніе надъ уровнемъ повседневности, мы склонны считать его свободнымъ отъ всякаго рода недоразумѣній, происходящихъ отъ взаимнаго непониманія сторонъ или неясной постановки вопроса. Однако, преимущество науки лишь относительное, не абсолютное. И здѣсь, нерѣдко, вмѣсто споровъ по существу ведутся безполезные словесные турниры, и недостаточно хладнокровное и безпристрастное стремленіе къ истинѣ часто приводитъ къ поспѣшнымъ обобщеніямъ, основаннымъ на понятіяхъ неясныхъ и неточно формулированныхъ. Какъ все человѣческое, такъ и наука грѣховна, что обнаруживается также и въ области ученія объ интересующемъ насъ вопросѣ. Съ перваго момента своего возникновенія политическая экономія поняла всю важность для нея вопроса о цѣнности и вмѣстѣ съ тѣмъ до самаго послѣдняго времени она не постаралась выяснить сущности этого понятія. Однако, послѣднее далеко не является чѣмъ либо само собой разумѣющимся, имѣющимъ для всѣхъ одинаковое значеніе. Слова „цѣнность“ „valeur“, „value“, „valor“, Wert“ примѣнимы въ равной мѣрѣ какъ для указанія на значеніе вещи для даннаго лица или на субъективную цѣнность ея, такъ и для указанія на ея пригодность для различныхъ внѣшнихъ цѣлей, ея объективную цѣнность; вмѣстѣ съ тѣмъ они служатъ и синонимами „цѣны“ или опредѣленнаго мѣнового отношенія благъ. Вмѣсто того, чтобы точнымъ научнымъ анализомъ вызвать дифферен-

ціацію этихъ понятій и тѣмъ способствовать усовершенствованію терминовъ языка, наука восприняла въ свою терминологію выраженія обыденной рѣчи во всей ихъ неопредѣленности и тѣмъ самымъ расшатала и затемнила свое изслѣдованіе. „Цѣнность“ у А. Смита, вся заслуга котораго основана на точной формулировкѣ экономическихъ понятій, употребляется *въ восьми* различныхъ значеніяхъ: въ общемъ смыслѣ „цѣнности“ и въ значеніи „цѣны“; первая, какъ „потребительная“ и „мѣновая“, вторая—въ неопредѣленныхъ варіаціяхъ „реальной“, „номинальной“, естественной“ и „рыночной“ цѣны. Такъ его „price“ нерѣдко употребляется въ смыслѣ „value“, не разграничены также въ своихъ значеніяхъ „worth“ „real value“ „natural value„ и пр. Эта неопредѣленность въ терминологіи привела къ значительнымъ недоразумѣніямъ и заблужденіямъ въ экономической наукѣ, которыя отразились на всемъ дальнѣйшемъ ходѣ развитія теоріи цѣнности. Мы не будемъ останавливаться на подобномъ же смѣшеніи понятій, встрѣчающемся у всѣхъ предшественниковъ и современниковъ Смита. Ихъ ошибки, подчасъ гораздо болѣе крупныя, все же способны были причинить меньшій вредъ наукѣ, чѣмъ заблужденія, освященныя именемъ Адама Смита. Остановимся еще на опредѣленіи цѣнности у Маркса. Этотъ ученый, отличавшійся особенной силой отвлеченнаго мышленія и построившій всю свою соціально-экономическую систему на идеѣ экономической „цѣнности“ товаровъ, не смотря на это не придерживается одного опредѣленнаго толкованія этого понятія. Такъ „мѣновая цѣнность“ является у Маркса съ одной стороны идеальнымъ мѣновымъ отношеніемъ между товарами, пропорціональнымъ количеству общественно-необходимаго труда, заключеннаго въ нихъ, съ другой же стороны „мѣновая цѣнность“ понимается имъ, какъ потенціальная способность товара къ фактическому обмѣну внѣ вышеуказанной пропорціи, т. е. какъ его способность имѣть рыночную цѣну. Подобное смѣшеніе понятій находитъ вполнѣ свое выра-

женіе въ неопредѣленности нѣмецкаго слова „Wert“, колеблющагося въ своемъ значеніи отъ предѣловъ метафизическаго понятія до выраженія конкретнаго мѣнового эквивалента. Употребляя слово „цѣнность“ въ соединеніи со всевозможными опредѣленіями, какъ „потребительная“, „мѣновая“, „трудовая“ и пр, ограничивающими его содержаніе, Марксъ не пытается ни разу дать болѣе точнаго истолкованія самаго подлежащаго своихъ предложеній. Такимъ образомъ, ученый, который всегда подвергалъ осмѣянію традицію и шаблонъ въ наукѣ и возставалъ противъ ея „вульгарностей“ или предложеній, принимаемыхъ безъ достаточной критики, въ вопросѣ о цѣнности впалъ въ самую грубую изъ подобныхъ „вульгарностей“ — вульгарность обыденной рѣчи. Самое удивительное, что этотъ пробѣлъ оставался совершенно незамѣченнымъ для изслѣдователей. Теоретическое разсмотрѣніе вопроса о цѣнности признавалось наукой совершенно законченнымъ, и Милль полагалъ, что послѣ него, врядъ ли, кто нибудь сумѣетъ прибавить что либо новое къ теоріи цѣнности. И приходится признать, что эта увѣренность на нѣкоторое время какъ бы загипнотизировала изслѣдователей, ибо до самаго послѣдняго періода не возникалъ вопросъ о томъ, что за явленіе представляетъ собою „цѣнность“ и можетъ ли она существовать для изслѣдованія въ качествѣ опредѣленнаго единаго объекта. Послѣдній вопросъ Готтль называетъ „критическимъ вопросомъ о цѣнности“ (Gottel. Der Wertgedanke, ein verhülltes Dogma der Nationalokonomie S. 45); въ отвѣтѣ на него онъ видитъ необходимое условіе для того, чтобы экономическая наука могла наконецъ прійти къ „самосознанію“ въ изслѣдованіи данной проблемы. Дѣйствительно, исходя изъ предпосылки объ опредѣленномъ и общемъ для всѣхъ людей понятіи „цѣнности“, экономисты полемизировали другъ съ другомъ, не замѣчая, что они всѣ правы со своей точки зрѣнія, ибо причиной контроверзъ и несогласій является различіе въ пониманіи каждаго.

изъ нихъ основного догмата. Когда дѣло доходило до формулировки понятія „цѣнности“, то это дѣлалось всегда безъ должной объективности, вслѣдствіе чего каждый изслѣдователь подставлялъ подъ понятіе „цѣнности“ то значеніе, которое могло оправдать его собственную теорію, т. е. другими словами, не предметъ опредѣлялъ изслѣдованіе, а изслѣдованіе—предметъ. Такъ, Шоръ говоритъ, что „все кажущееся разнообразіе въ опредѣленіяхъ понятія цѣнности проистекаетъ изъ стремленія авторовъ предвосхитить въ своихъ опредѣленіяхъ какую нибудь теорію цѣнности“. (Шоръ. Основныя проблемы теоріи политическ. экон. Стр. 5). Вслѣдствіе этого было бы совершенно напраснымъ трудомъ пытаться вывести значеніе понятія „цѣнности“ изъ сопоставленія тѣхъ толкованій его, которыя мы находимъ въ многочисленныхъ экономическихъ теоріяхъ. Понятіе „цѣнности“ нуждалось въ самостоятельномъ объективномъ анализѣ, который единственно способенъ былъ бы установить разъ на всегда его содержаніе и сдѣлалъ бы для всѣхъ обязательнымъ выработанное опредѣленіе. Это являлось равнымъ образомъ требованіемъ какъ теоріи, такъ и практики, ибо произволъ въ значеніи, придаваемомъ одному и тому же термину, приводитъ во всѣхъ случаяхъ къ самымъ пагубнымъ послѣдствіямъ. Заслуга нѣмецкихъ экономистовъ состоитъ въ томъ, что они первые ясно сознали необходимость выясненія и опредѣленія понятія „цѣнности“. Цѣлый рядъ изслѣдователей, начиная съ проф. Рау и Шеффле посвятили свои труды этому вопросу, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ не избѣгли противоположной крайности. Они ввели въ понятіе цѣнности такія мелкія подраздѣленія, которыя вслѣдствіе своей отвлеченности и маловажности способны были только затемнить общій смыслъ даннаго понятія. Такъ, по мнѣнію Бемъ-Баверка, Нейманъ въ своемъ изслѣдованіи понятія цѣнности занимается скорѣе филологіей, чѣмъ политической экономіей. Конечнымъ результатомъ всего этого анализа

является слѣдующее опредѣленіе экономической цѣнности: *цѣнность есть значеніе, придаваемое нами вещи, какъ фактору удовлетворенія нашихъ потребностей.* Такимъ образомъ цѣнность благъ является психической функціей той зависимости, въ которой мы находимся отъ вещей внѣшняго міра, когда стремимся къ удовлетворенію своихъ потребностей. Постараемся выяснить смыслъ отдѣльныхъ элементовъ этого опредѣленія. Цѣнность есть „*значеніе*“—это приводитъ насъ къ взгляду на цѣнность, какъ на величину чисто психологичечкаго свойства. Напрасно Бемъ-Баверкъ считаетъ необходимымъ отдѣлить цѣнность въ упомянутомъ смыслѣ отъ иной ея формы—„объективной“ цѣнности. Намъ кажется, что Шмоллеръ въ своемъ „Grundriss'ѣ“ справедливо сомнѣвается въ основательности такого дѣленія. Это разграниченіе „субъективной“ и „объективной“ цѣнности можетъ имѣть нѣкоторое значеніе лишь для нѣмецкаго языка, гдѣ слово „Wert“ столь неопредѣленно по своему смыслу. Примѣры „объективныхъ цѣнностей“, приводимые Бемъ-Баверкомъ въ дѣйствительности съ явленіемъ цѣнности ничего общаго не имѣютъ. Такъ, пригодность вещи служить для питанія („Nährwert“), или ея способность являться источникомъ тепла („Heizwert“), или ея удобрительныя качества („Düngwert“), относимыя Бемъ-Баверкомъ къ разряду „объективныхъ цѣнностей“, суть не что иное, какъ извѣстныя свойства предметовъ, являющіяся цѣнностями лишь въ томъ случаѣ и въ тотъ моментъ, когда они становятся объектомъ человѣческихъ желаній. „Объективное“ существуетъ внѣ насъ, а въ природѣ отсутствуютъ элементы, соотвѣтствующіе „объективнымъ цѣнностямъ“ и ни одному химику не удастся открыть въ веществѣ съѣстного продукта, или топлива, или удобренія субстанціи „цѣнности“. Въ особенности ясно выступаетъ неосновательность и искусственность такого подраздѣленія въ вопросѣ о „мѣновой“ цѣнности („Tauschwert“), которую Бемъ-Баверкъ выдѣляетъ также въ разрядъ „объективныхъ“ цѣнностей,

видя въ ней заложенное въ товарѣ свойство выступать на рынкѣ въ качествѣ эквивалентовъ и тѣмъ дѣлать возможнымъ торговый обмѣнъ. Однако, мы имѣемъ еще меньше права объектировать „обмѣноспособность“ товаровъ, чѣмъ объективировать всѣ вышеупомянутыя свойства; ибо, если въ первомъ случаѣ мы по крайней мѣрѣ находили въ предметахъ опредѣленныя физическія и химическія свойства, дающія основаніе, хотя и недостаточное, присваивать имъ индивидуальную внѣшнюю „цѣнность“, то „обмѣноспособности“ не отвѣчаетъ рѣшительно никакой объективный признакъ. Способность къ обмѣну лежитъ не въ вещи, а въ человѣкѣ. Уголь способенъ воспламеняться помимо человѣческой воли, пища допускаетъ потребленіе инымі ораганизмами, кромѣ человѣческаго, удобреніе почвы совершается въ большинствѣ случаевъ естественнымъ путемъ, и поэтому всѣ эти процессы какъ бы существуютъ и внѣ человѣка; но, гдѣ въ природѣ наблюдается товарный обмѣнъ, происходящій самъ по себѣ, которымъ не управлялъ бы и не завѣдывалъ бы человѣкъ? Обмѣнъ требуетъ, какъ необходимаго условія, предварительной оцѣнки человѣкомъ вещи, а также заключенія его о томъ, что данная вещь является предметомъ желанія другихъ людей; а потому начало обмѣна должно быть отнесено не къ существованію какой то объективной сущности вещи—товара, а къ моменту проникновенія человѣка въ психологію окружающихъ его людей и свою собственную. Несомнѣнно, что всѣ приведенныя свойства вещей стоятъ въ нѣкоторой связи съ явленіемъ цѣнности, ибо въ извѣстныхъ случаяхъ они обусловливаютъ ее, именно, когда данное качество вещи является объектомъ человѣческаго желанія, въ другихъ же случаяхъ сами обусловливаются цѣнностью—когда вещь безполезная пріобрѣтаетъ для человѣка „мѣновую“ цѣнность вслѣдствіе того, что она представляетъ объектъ желанія другихъ людей. Однако, существованіе такого соотношенія не даетъ еще права отождествлять явленія, находящіяся только

въ зависимости другъ отъ друга. Ни въ одномъ языкѣ кромѣ нѣмецкаго мы не находимъ такого произвола въ употребленіи слова „цѣнность“, а потому вмѣсто того, чтобы слѣдовать обыденной рѣчи и создавать въ угоду ей категоріи вещей, наука должна вырабатывать свою классификацію, вытекающую изъ сущности предмета, и требовать, чтобы „вульгарное“ пониманіе слѣдовало за ней. Явленіе, подразумѣваемое подъ „цѣнностью“ можетъ быть только одно и природа его всецѣло психологическаго характера.

Цѣнность есть значеніе, придаваемое нами вещи; этимъ мы хотимъ сказать, что это значеніе вполнѣ относительно или субъективно. То значеніе, которое приписываетъ вещи одинъ человѣкъ, не должно обязательно придаваться ей другимъ, ибо „цѣнность“, выражая идеальное отношеніе человѣка къ извѣстному предмету зависитъ всецѣло отъ способности даннаго лица уразумѣть степень пригодности даннаго предмета для удовлетворенія извѣстныхъ его потребностей. Воззрѣніе будто бы „цѣнность“ можетъ быть только единой, ибо опредѣляется не индивидуальнымъ отношеніемъ человѣка къ вещи, а „общественнымъ разумомъ“, является результатомъ взгляда на общество, какъ носителя какой то спеціальной „соціальной психологіи“. Это воззрѣніе должно быть навсегда отброшено, какъ пережитокъ метафизическаго представленія, которое предполагаетъ существованіе какого-то возвышающагося надъ индивидуумами соціальнаго цѣлаго. Въ дѣйствительности не „цѣлое“ опредѣляетъ форму отдѣльныхъ частей, а наоборотъ, части слагаются въ то или иное „цѣлое“. Объясненіемъ соціальной психологіи можетъ служить лишь психологія отдѣльныхъ членовъ соціальнаго цѣлаго, т.-е., отдѣльныхъ индивидуумовъ, а потому и въ интересующемъ насъ вопросѣ слѣдуетъ искать основаній цѣнности не во вторичномъ, общественномъ явленіи, а въ первичномъ, индивидуальномъ. Дѣйствительно, для каждаго даннаго общества извѣстной эпохи существуетъ извѣстная

близость, извѣстное сродство, среднихъ оцѣнокъ для опредѣленныхъ вещей. Однако, причиной этого явленія служитъ подобіе всѣхъ его членовъ по ихъ психическому развитію, а не воздѣйствіе какой либо внѣ ихъ существующей нормы. Вмѣстѣсъ тѣмъ цѣнность вещи не только субъективна въ смыслѣ разнообразія оцѣнокъ различныхъ людей, но и для одного и того же человѣка цѣнность вещи является относительной, ибо никакого опредѣленнаго разъ на всегда, абсолютнаго, отношенія предметовъ къ нашимъ потребностямъ существовать не можетъ. Хлѣбъ является полезнымъ для человѣка лишь тогда, когда онъ голоденъ, всякое впечатлѣніе теряетъ свою яркость и свой интересъ по мѣрѣ того, какъ количество ему подобныхъ впечатлѣній прибываетъ у насъ. Поэтому, когда Марксъ говоритъ, что „самое вещество товара, напримѣръ, желѣза, пшеницы, алмаза и т. п. представляетъ... потребительную цѣнность“ или „полезность какой-нибудь вещи обращаетъ ее въ потребительную цѣнность“, то онъ грѣшитъ противъ обоихъ выставленныхъ нами положеній. Во-первыхъ, онъ матеріализируетъ цѣнность, тогда какъ она есть явленіе чисто психологическое; во-вторыхъ, онъ ставитъ ее въ зависимость отъ „полезности“, понимаемой, какъ какое-то абсолютное свойство, равное для всѣхъ людей и лежащее въ „самомъ веществѣ товара“. Доказывая крайнюю субъективность нашего отношенія къ вещамъ, мы возражаемъ противъ искусственнаго нивеллированія всѣхъ людей подъ одинъ шаблонъ, обыкновенно принадлежащій данному экономисту, и упрощеннаго разсмотрѣнія каждаго даннаго человѣка, какъ величины опредѣленной, и неизмѣнной. Какъ бы такое искусственное упрощеніе ни было удобно для экономиста, оно не соотвѣтствуетъ фактамъ, а потому должно быть отвергнуто. Намъ, конечно, не приходится разъяснять, что подъ именемъ „вещи“ мы разумѣемъ не только матеріальные предметы, но и силы природы, продукты умственнаго труда, однимъ словомъ—„объек-

ты", въ широкомъ, философскомъ значеніи этого слова.

Наконецъ, наша формула въ полномъ видѣ, гласящая, что *цѣнность есть значеніе, придаваемое нами вещи, какъ фактору удовлетворенія нашихъ потребностей*, заключаетъ въ себѣ нѣкоторое ограниченіе всего вышесказаннаго. Экономическая цѣнность предполагаетъ значеніе не всѣхъ вещей и не всякой вещи во всѣхъ отношеніяхъ, а лишь значеніе предметовъ, могущихъ служить факторами удовлетворенія нашихъ потребностей. Иными словами, объектами экономической цѣнности являются лишь *хозяйственныя вещи*. Подъ послѣдними нужно разумѣть всѣ тѣ вещи, „которыя могутъ быть введены человѣкомъ въ сферу его исключительнаго обладанія съ цѣлью удовлетворенія своей потребности". (Flatow. Studie über den Wertbegriff. Zeitschrift für die gesamte Staatswiss. B. 45 S. 265). Это опредѣленіе предполагаетъ два необходимыхъ условія для того, чтобы вещь могла считаться хозяйственной: во-первыхъ, она должна быть пригодной для удовлетворенія потребностей, во-вторыхъ, она должна входить въ сферу человѣческаго господства. Отношеніе наше къ вещамъ, какъ „полезностямъ", весьма измѣнчиво: драгоцѣнный для дикаря булыжникъ является для насъ чуть ли не совершенно безполезнымъ, и наоборотъ, цѣлый рядъ силъ и даровъ природы, изъ которыхъ первобытный человѣкъ не умѣлъ извлекать никакой пользы, въ современной жизни является могущественнымъ и обильнымъ источникомъ благъ. Второе условіе указываетъ на недостаточность теоретическаго признанія за вещью свойствъ „полезности", а требуетъ возможности превратить потенціальную способность вещей въ дѣйствительную. Такъ, пусть мы признаемъ огромный запасъ солнечной энергіи достаточнымъ, чтобы снабдить механической силой въ произвольномъ количествѣ всѣхъ обитателей земного шара, однако, мы не можемъ цѣнить солнечный лучъ, какъ механическій двигатель, ибо мы не сумѣли

еще овладѣть имъ, приспособить его къ желаемой цѣли. Огромное количество влаги, заключенное въ океанѣ, способно было бы оплодотворить любую пустыню, однако, въ виду технической неспособности нашей исполнить такое дѣло, океанъ не представляетъ для насъ цѣнности въ этомъ отношеніи. Такимъ образомъ, второе условіе „хозяйственности“ вещей ограничиваетъ первое: недостаточно, чтобы вещь удовлетворяла общему требованію, являлась потенціальной полезностью, но важно, чтобы эта полезность могла найти свою реализацію для человѣка. Осуществленіе вещью ея хозяйственнаго назначенія дѣлаетъ ее для насъ хозяйственнымъ благомъ. Такимъ образомъ, мы можемъ сказать, что цѣнность присуща вещамъ только какъ благамъ. Это заключеніе позволяетъ намъ сократить наше опредѣленіе въ томъ смыслѣ, что—*цѣнность есть хозяйственное значеніе благъ.*

На этомъ мы бы могли закончить анализъ понятія цѣнности, если бы наше разсужденіе не привело насъ къ вопросу, который, находясь въ непосредственной связи съ явленіемъ цѣнности, не можетъ быть здѣсь оставленъ безъ разсмотрѣнія, хотя намъ впослѣдствіи и придется вновь возвращаться къ нему. Это вопросъ о цѣнности свободныхъ благъ. Въ современной экономической наукѣ господствуетъ дѣленіе всѣхъ благъ на „свободныя“ или „нехозяйственныя“ и „несвободныя“ или „хозяйственныя“. Отличительнымъ признакомъ свободныхъ благъ служитъ то, что „они не входятъ въ сферу хозяйства въ строгомъ смыслѣ, они не становятся объектами собственности, ихъ не сохраняютъ, не копятъ, не производятъ, не покупаютъ, какъ другія блага, которыя вслѣдствіе всего этого именуются „хозяйственными“. (Wieser. Artikel „Gut“ Handw. d. Staatswissenschft.). Для старой школы экономической теоріи, занимавшейся лишь динамикой хозяйства и при томъ интересовавшейся лишь ея внѣшними проявленіями, такое дѣленіе быть можетъ и представлялось достаточно обоснованнымъ. Но если мы

встрѣчаемъ подобное же подраздѣленіе благъ въ экономическихъ изслѣдованіяхъ новѣйшаго направленія, то должны признать въ немъ только фактъ традиціонаго преемства, ничѣмъ не могущаго быть оправданнымъ. Всѣ перечисленные признаки „свободныхъ“ благъ съ одной стороны не всегда принадлежатъ имъ, съ другой стороны принадлежатъ не только имъ, но и „хозяйственнымъ“ благамъ. Такъ утвержденіе, что они „не становятся объектами собственности“—явно неправильно, ибо въ отношеніи къ свободнымъ благамъ возможна монополія, какъ искусственная, такъ и естественная, какъ и по отношенію къ остальнымъ вещамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ странно отрицать фактъ господства нашего надъ вещью, которая является предметомъ нашего потребленія. Воздухъ, вдыхаемый нами, вода потребляемая нами и пр. всецѣло принадлежатъ, намъ въ то время, какъ мы ихъ усваиваемъ. Правда, свободныя блага люди „не сохраняютъ, не копятъ, не производятъ, не покупаютъ“, однако, такія свойства присущи и многимъ инымъ благамъ, относимымъ къ числу „хозяйственныхъ“; если, напр, люди не вступаютъ въ обмѣнъ своими личными правами, не производятъ благъ, извлекаемыхъ непосредственно изъ природы, или нерѣдко отказываются бережливо относиться къ своему имуществу, то это нисколько не можетъ видоизмѣнить сущности ихъ богатствъ. Идея „свободы“ блага основана на старомъ родовомъ представленіи о вещахъ, ибо вмѣсто того, чтобы оцѣнивать извѣстную совокупность блага, въ которой человѣкъ заинтересованъ, разсматривается весь запасъ вещей даннаго рода, значительная часть котораго остается дѣйствительно внѣ сферы человѣческаго господства. Такъ, огромная масса воздуха, окружающая насъ, конечно, для насъ безразлична, ибо мы не находимъ для нея употребленія въ дѣлѣ удовлетворенія нашихъ потребностей. Это насъ приводитъ къ тому положенію, которое было выставлено нѣсколько выше въ качествѣ необходимаго условія цѣн-

ности: вещь становится хозяйственной лишь при возможности реализаціи заложенной въ ней потенціальной полезности. Поэтому, дѣйствительно „вещи“ допускаютъ дѣленіе на хозяйственныя, служащія человѣку, и нехозяйственныя или свободныя, не находящія полезнаго для него примѣненія. Но поскольку вещь является благомъ, т.-е., уже осуществляетъ свое полезное назначеніе, она не можетъ почитаться „нехозяйственной“ или „свободной“. Съ нашей точки зрѣнія понятіе „нехозяйственнаго блага“ представляетъ типическое contradictio in adjecto; та вещь, которая признана нами за благо никакъ не можетъ быть въ то же время „нехозяйственной“—она осуществляетъ конечную цѣль хозяйственной дѣятельности, служа удовлетворенію нашихъ потребностей. Такимъ образомъ, принимая дѣленіе „вещей“ на хозяйственныя и нехозяйственныя, мы никакъ не можемъ признать правильнымъ аналогичное дѣленіе „благъ“. Это возраженіе не только чисто формальнаго свойства, но оно имѣетъ непосредственное отношеніе къ интересующему насъ вопросу о цѣнности, ибо теоретики обыкновенно отказываются признавать за „свободными благами“ роль носителей цѣнности. Одни изъ нихъ основываются при этомъ на соображеніи, будто-бы производство „свободныхъ благъ“ не стоитъ никакого труда, другіе, будто-бы вслѣдствіе неограниченнаго количества такихъ благъ, мы не чувствуемъ себя „зависимыми“ отъ утраты каждой единицы ихъ. И то, и другое соображеніе вытекаетъ изъ того опредѣленія „свободныхъ благъ“, которое нами было приведено выше и которое какъ мы видѣли, является совершенно неправильнымъ. Однако, кромѣ этого мы должны еще указать, что пользованіе всякимъ благомъ предполагаетъ извѣстную затрату труда, хотя бы въ видѣ элементарной затраты физіологической энергіи при потребленіи вещи; и что, сколь-бы велико ни было количество предметовъ, пользованіе ими всегда должно быть ограниченнымъ, вслѣдствіе ограниченности объема самой человѣческой потребности.

Блага причисляемыя нами къ разряду „свободныхъ "всегда проходятъ до момента ихъ окончательной ассимиляціи человѣкомъ болѣе или менѣе длинный рядъ превращеній или перемѣщеній, требующихъ извѣстныхъ усилій съ его стороны. Вмѣстѣ съ тѣмъ они всегда сохраняютъ нѣкоторое значеніе въ качествѣ факторовъ удовлетворенія; какъ бы ни было велико количество благъ, потребленіе имѣетъ мѣсто лишь до того предѣла, пока оно отвѣчаетъ существующей въ насъ потребности. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ „цѣнность свободныхъ благъ" можетъ только количественно отличаться отъ цѣнности не свободныхъ благъ, но отнюдь не можетъ вообще отрицаться за ними. Такимъ образомъ, мы считаемъ доказаннымъ положеніе, что цѣнность есть хозяйственное значеніе благъ безразлично „свободныхъ" или „несвободныхъ" и, что нашей задачей при оцѣнкѣ вещи является опредѣленіе ея способности служить факторомъ удовлетворенія нашихъ потребностей.

Если мы обратимся къ конкретнымъ формамъ, въ которыхъ „цѣнность" для насъ проявляется, то мы должны будемъ различать два рода соотношенія между вещами и человѣческими потребностями: непосредственное и посредственное. Нѣкоторыя блага употребляются нами для непосредственнаго удовлетворенія нашихъ потребностей, и дѣятельность, которая необходима для осуществленія хозяйственнаго назначенія такого рода благъ есть—потребленіе. Другія же вещи пригодны лишь для созданія вещей иного рода, которыя уже способны удовлетворить нашу потребность, а потому полезность ихъ не непосредственна, а посредственна; дѣятельность же, которая необходима съ нашей стороны для того, чтобъ данное благо оправдало свое значеніе—есть производство, обмѣнъ или извлеченіе дохода. Такимъ образомъ и цѣнность, или значеніе вещей, можетъ быть двоякаго рода: непосредственная и посредственная. Если именовать цѣнность по роду дѣятельности, которая требуется для

осуществленія вещами ихъ хозяйственнаго назначенія, то „непосредственной“ цѣнностью является потребительная цѣнность, „посредственной“ же — производственная, мѣновая, доходная цѣнность. Непосредственная или потребительная цѣнность является основнымъ или конечнымъ моментомъ въ оцѣнкѣ вещей, ибо единственнымъ мыслимымъ импульсомъ для человѣческой дѣятельности можетъ служить стремленіе къ удовлетворенію своихъ потребностей. Конечно „потребность“ и „потребленіе“ понимаются экономической наукой въ самомъ широкомъ смыслѣ, а не въ видѣ узкой полосы физіологическихъ, матеріальныхъ потребностей. „Потребность“ предполагаетъ всю совокупность физическихъ, умственныхъ, этическихъ, эстетическихъ запросовъ, „потребленіе“—всякое использованіе предмета въ качествѣ фактора непосредственнаго удовлетворенія. Для послѣдняго не имѣетъ значенія уничтожается ли предметъ или нѣтъ, а также воспринимаемъ ли мы какую-либо новую матеріальную сущность или нѣтъ. Поэтому скупецъ, любующійся видомъ груды накопленнаго золота, „потребляетъ“ свое богатство наравнѣ съ тѣмъ, который употребляетъ этотъ металлъ для изготовленія украшеній или полезныхъ предметовъ; столь же различна будетъ потребительная полезность куска стараго пергамента для археолога, различающаго на немъ древнія письмена и для невѣжды, употребляющаго его на растопку печи. Лишь въ смыслѣ такого широкаго понятія, потребленіе является руководящимъ и основнымъ моментомъ, въ хозяйственной дѣятельности человѣка, процессомъ, вслѣдствіе котораго всѣ вещи пріобрѣтаютъ свое экономическое значеніе для человѣка. Поэтому непосредственная или потребительная цѣнность является наиболѣе общимъ видомъ цѣнности, она лежитъ въ основаніи всякой оцѣнки блага. Всякая посредственная цѣнность можетъ быть приведена къ непосредственной, но не наоборотъ.

Не имѣя возможности приспособить себя къ окру-

жающимъ условіямъ въ такой степени, чтобы удовлетворять существующими въ природѣ вещами свои потребности, человѣкъ стремится приспособить природу къ самому себѣ. Проводя находимые имъ предметы черезъ рядъ послѣдовательныхъ стадій, на каждой изъ которыхъ вещь видоизмѣняется въ своей формѣ, человѣкъ приспособляетъ продукты для своего потребленія, При этомъ ему приходится преодолѣвать не только сопротивленіе неодухотворенной части природы, но также бороться съ неблагопріятными для него соціальными явленіями. „Съ того момента, какъ люди соединились въ соціально-хозяйственный, основанный на раздѣленіи труда, организмъ, за каждымъ естественнымъ факторомъ производства, участвовавшимъ въ созданіи дохода, стоитъ на заднемъ планѣ человѣкъ, и къ этому человѣку долженъ обращаться тотъ другой человѣкъ, который желаетъ пользоваться этимъ факторомъ— будетъ ли этотъ факторъ капиталомъ, землей или рабочей силой. Путь къ природѣ идетъ черезъ личность ея владѣльца (Stolzmann. Die soziale Kategorie in der Volkswirtschaftslehre S. 222 цит. по франку). Такимъ образомъ приспособленіе окружающей природы направлено отчасти на естественныя, отчасти на соціальныя проявленія ея и оно имѣетъ значеніе постольку, поскольку достигаетъ своей конечной цѣли служить удовлетворенію нашихъ потребностей. Въ качествѣ носителей подобныхъ посредственныхъ цѣнностей выступаютъ, средства производства, предметы обмѣна и источники дохода. Не находя въ природѣ готовымъ того разнообразія благъ, котораго онъ ищетъ, человѣкъ создаетъ его искусственнымъ комбинированіемъ наличныхъ силъ и средствъ. Изощреніе человѣческаго остроумія въ этомъ направленіи достигло такого высокаго развитія, что для насъ стало возможнымъ производить самыя чудесныя метоморфозы надъ предметами. Однако, наша производительная дѣятельность продолжаетъ возростать по своей успѣшности не только вслѣдствіе увеличенія запаса познаній и исскуства, но также

вслѣдствіе болѣе единодушнаго единенія производителей между собой, вслѣдствіе прогресса въ общественной кооперації. Внѣшнія условія и личныя способности людей заставляютъ ихъ дифференцироваться на самые различные роды производителей и раздѣлять трудъ и обязанности между собой такъ, чтобы результатъ дѣятельности былъ наиболѣе успѣшенъ. Вмѣстѣ съ расширеніемъ производства, конечно, увеличивается количество орудій и матеріаловъ, предназначаемыхъ для него или число вещей, обладающихъ посредсвенной цѣнностью средствъ производства. Однако, процессъ дифференціаціи производителей можетъ быть цѣннымъ лишь въ томъ случаѣ, если онъ сопровождается интеграціей людей въ качествѣ потребителей, ибо крайняя спеціализація дѣятельности каждаго члена общества обязательно предполагаетъ возможность взаимнаго пользованія однимъ человѣкомъ продуктами труда другого. Такой возможности и способствуетъ процессъ товарнаго обмѣна. Каждая вещь, признаваемая за благо людьми не владѣющими ею, пріобрѣтаетъ благодаря обмѣну способность доставлять обладателямъ ея предметы другого рода. Она какъ бы является также средствомъ производства, хотя новая вещь создается ею не абсолютно, а лишь для своего хозяина. Вполнѣ понятно, что наша оцѣнка извѣстной вещи не можетъ обойти этой ея весьма благодѣлельной способности, что и создаетъ за предметами второй родъ посредственной цѣнности, основанной на ихъ значеніи въ качествѣ объектовъ обмѣна. Наконецъ, вся совокупность соціально-экономическихъ отношеній между людьми выдвигаетъ цѣлый рядъ вещей, которыя не служа ни для производства, ни для обмѣна, въ элементарномъ значеніи этихъ словъ, обладаютъ свойствомъ приносить ихъ хозяину извѣстный доходъ. Самый фактъ владѣнія капиталомъ, въ какой бы то ни было формѣ, доставляетъ собственнику возможность извлекать изъ него новыя блага. Это не достигается процессомъ производства, ибо собственникъ не спо-

собствуетъ видоизмѣненію окружающихъ его вещей, это не есть также обмѣнъ, ибо собственникъ сохраняетъ за собой предметъ своего владѣнія. Извлеченіе дохода возможно лишь при господствѣ частной собственности и есть использованіе своего исключительнаго права владѣнія вещью, являющейся объектомъ желаній другихъ людей. Впрочемъ и природное неравенство между людьми можетъ обезпечить за однимъ человѣкомъ обладаніе опредѣленными, личными свойствами, которыя для него будутъ играть роль источника дохода. Такова третья категорія благъ, обладающихъ посредственной цѣнностью. Конечно, одна и та же вещь можетъ оцѣниваться различными субъектами съ различныхъ точекъ зрѣнія. Такъ, извѣстный запасъ зерна можетъ являться для крестьянина предметомъ потребленія, для булочника средствомъ производства, для хлѣботорговца объектомъ обмѣна, для капиталиста источникомъ дохода; библіотека для ученаго обладаетъ потребительной цѣнностью, для книготорговца мѣновой, для библіотекаря цѣнностью источника дохода. Особенно любопытно это разнообразіе оцѣнки относительно того природнаго личнаго дара, который является столь важнымъ факторомъ общественной и экономической эволюціи, а именно трудовой дѣятельности человѣка. Трудъ, какъ факторъ непосредственнаго удовлетворенія потребности нашего организма, не терпящаго безусловнаго покоя,—обладаетъ потребительнымъ значеніемъ; направленный на созиданіе новыхъ благъ, онъ становится ихъ необходимымъ составнымъ элементомъ, и слѣдовательно представляется намъ средствомъ производства; вынесенная на рынокъ или „биржу труда“ рабочая сила является предметомъ обмѣна. Наконецъ, совокупность нашихъ спеціальныхъ способностей, индивидуализирующихъ нашъ трудъ и являющихся причиной различія нашего дохода, разсматривается нами, какъ источникъ дохода.

Мы полагаемъ, что наше разсмотрѣніе содержанія понятія „цѣнности“ и конкретныхъ формъ, въ кото-

рыя цѣнность выливается, способно въ достаточной степени уяснить предметъ настоящаго изслѣдованія. Выводя цѣнность изъ опредѣленнаго психологическаго отношенія человѣка къ вещамъ, предполагая зависимость оцѣнки отъ индивидуальности субъекта и его состоянія, мы опредѣлили двоякаго рода субъективное значеніе, которое можетъ быть приписано вещамъ—непосредственное и посредственное. Объективированіе цѣнности является по нашему мнѣнію ни на чемъ не основаннымъ и способнымъ лишь привести къ смѣшенію понятій. Поэтому говоря либо о цѣнности вообще, либо объ отдѣльныхъ формахъ ея проявленія—потребительной, мѣновой, производственной, доходной цѣнности, мы всегда будемъ имѣть въ виду не какія либо ебъективныя явленія, а указанную нами субъективную оцѣнку вещей съ той или иной точки зрѣнія. Этимъ мы достигнемъ точнаго отграниченія предмета нашего изслѣдованія и избѣжимъ тѣхъ неясностей, которыя столь часто возникали, напримѣръ, вслѣдствіе отождествленія „мѣновой цѣнности“ съ „цѣной“ или „производственной“ цѣнностью, понимаемой, какъ матеріальныя свойства средствъ производства. Поставляя себѣ задачей прослѣдить въ общихъ чертахъ эволюцію теоріи цѣнности, мы имѣемъ въ виду эволюцію ученія о томъ именно явленіи, которое было опредѣлено нами выше, а потому считаемъ себя въ правѣ вовсе не изслѣдовать всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ теорій, которыя хотя и причислялись экономистами прошлаго къ теоріямъ „цѣнности“, однако въ дѣйствительности относятся къ совершенно инымъ явленіямъ. Такимъ образомъ, никакія разногласія въ опредѣленіи понятія „цѣнности“ не смогутъ лишить настоящее разсмотрѣніе его значенія, ибо оно оперируетъ надъ вполнѣ опредѣленной величиной, которая даже если будетъ лишена обозначенія „цѣнности“, всежесохранитъ за собой значеніе индивидуальнаго и реальнагоэкономическагоявленія, исторіяразвитія котораго всегда должна будетъ представлять значительный интересъ.

Одной изъ весьма важныхъ причинъ, по которой точное выясненіе содержанія понятія цѣнности сдѣлалось лишь весьма поздно предметомъ научнаго изслѣдованія, является отсутствіе у экономистовъ старой школы сознанія того значенія, которое имѣетъ для экономической науки это понятіе. Какъ бы по обязанности касалась старая теорія психологическаго факта „цѣнности", главнымъ образомъ признавая его при процессѣ потребленія, и тотчасъ же переходила къ изученію внѣшней стороны хозяйства, въ частности явленій производства, обмѣна и распредѣленія благъ Прогрессъ въ области научнаго экономическаго изслѣдованія выдвигаетъ явленіе цѣнности все впередъ, на первый планъ, что объясняется видоизмѣненіемъ задачъ, поставленныхъ себѣ теоріей. „Развитіе каждой области естествознанія" говоритъ Гексли (Huxey. The progress of science P. 64) „представляетъ три ступени, послѣдовательныя въ логическомъ отношеніи. На первой изъ нихъ опредѣляется физическій характеръ и родъ явленія. Это есть „естественная исторія", въ непосредственномъ смыслѣ слова, и здѣсь насъ не занимаетъ ничто кромѣ наблюденія и опыта. На второй ступени опредѣляются постоянныя отношенія даннаго явленія, которыя и выражаются въ правилахъ или законахъ. Третья ступень—есть объясненіе этихъ частныхъ законовъ черезъ выведеніе ихъ изъ наиболѣе общихъ законовъ матеріи и движенія". „Эти положенія съ равнымъ правомъ могутъ относиться къ развитію каждой науки, ибо они отвѣчаютъ общей идеѣ эволюціи, которая есть переходъ отъ неопредѣленной, безсвязной однородности къ опредѣленной, связной разнородности". (Спенсеръ. Основныя начала. Стр. 227). Въ экономической теоріи періодъ до Адама Смита является тѣмъ первымъ этапомъ развитія науки, который Гекслей называетъ, „естественной исторіей", и слава Адама Смита основывается главнымъ образомъ на принадлежащей ему заслугѣ окончательнаго отдѣленія области политической экономіи отъ области

остальныхъ наукъ, яснаго опредѣленія ея предмета и формулированія ея задачъ. Хотя Смитъ не сдѣлалъ никакихъ новыхъ широкихъ обобщеній или открытій, но онъ окончательно совершилъ тотъ шагъ, который вывелъ изслѣдованіе изъ области неясныхъ метафизическихъ разсужденій, преслѣдующихъ больше узкія практическія цѣли, чѣмъ научныя, къ систематическому изученію общественнаго хозяйства или „богатства народовъ". Его изслѣдованіе придало научному исканію ту необходимую „опредѣленность", о которой и говорятъ Гекслей и Спенсеръ, и дало ему возможность обратиться къ дальнѣйшей задачѣ—собиранію и разработкѣ относящагося къ его области метеріала. Значительная часть всего послѣдующаго періода вплоть до современной эпохи была посвящена этому дѣлу собиранія и частной обработки огромной и безконечно сложной массы данныхъ по вопросу объ общественномъ хозяйствѣ. Всестороннее наблюденіе дѣйствительности, изслѣдованіе фактовъ историческаго прошлаго, приложеніе новыхъ методовъ изслѣдованія, въ частности статистическаго, столь важнаго для выясненія закономѣрности въ общественныхъ явленіяхъ, устраненіе всякихъ ненаучныхъ тенденцій въ видѣ метафизическихъ предпосылокъ или узко практическихъ тенденцій,—всѣ эти задачи преслѣдовала и продолжаетъ въ настоящее время преслѣдовать экономическая наука. Накопленіе огромнаго запаса фактическаго матеріала изъ настоящаго и прошлаго хозяйственной жизни народовъ дало возможность политической экономіи вступить на путь обобщеній и выведенія законовъ, касающихся отдѣльныхъ сторонъ и процессовъ общественнаго хозяйства. Этой дифференціацей изслѣдованія, несравненнымъ увеличеніемъ разнородности элементовъ его, характеризуется переходъ науки на вторую высшую ступень ея развитія, совершившійся въ послѣ—смитовскую эпоху. Однако именно это разнообразіе и богатство новыхъ данныхъ и частныхъ выводовъ, сдѣланныхъ изъ нихъ,

выдвинуло необходимость объединенія матеріала, пріобщеннаго къ экономическому изслѣдованію. Политическая экономія долго не могла найти общаго принципа, который далъ бы философское обоснованіе всѣмъ частямъ ея и опредѣлилъ бы схему ея съ точки зрѣнія логическаго развитія одной и той же идеи. Только разрѣшеніе этой задачи могло бы привести экономическую науку къ третей высшей ступени развитія, ибо оно способствовало бы установленію на ряду съ опредѣленностью и разнородностью,—той связности, которая характеризуетъ высшую стадію эволюціи, которая есть интеграція цѣлаго при дифференціаціи частей его или, какъ говоритъ Гекслей, „объясненіе частныхъ законовъ черезъ выведеніе ихъ изъ наиболѣе общихъ законовъ матеріи и движенія“. Однимъ словомъ политическая экономія не имѣла своей философіи, а потребность въ ней достигла высшаго предѣла Намъ кажется, что идеѣ экономической цѣнности суждено сыиграть роль философскаго принципа въ экономической наукѣ, такъ какъ эта идея одна можетъ способствовать объединенію всѣхъ ея отдѣльныхъ частей и положеній, которое и понимается подъ „интеграцией цѣлаго“. Правъ поэтому Бемъ-Баверкъ, когда говоритъ, что ученіе о цѣнности стоитъ, такъ сказать, въ центрѣ всѣй политико-экономическей науки. Почти всѣ важныя и трудныя проблемы, въ особенности великіе вопросы о распредѣленіи доходовъ, о земельной рентѣ, о заработной платѣ, о процентѣ на капиталъ залегаютъ въ немъ своими корнями („greifen mit ihren Wurzeln aut sie zuruck“) („Böhm, Bawerk. Grundzüge des wirtschaftl. Güterwertes. Iahrb. f. Nationalok. u Statist. B. XIII. N. F. 18). И то, что Бемъ-Баверкъ въ 80-хъ годахъ могъ утверждать больше въ качествѣ предположенія, чѣмъ научнаго убѣжденія, благодаря дальнѣйшей плодотворной разработкѣ теоріи цѣнности становится все болѣе и болѣе неоспоримой истиной, ибо находитъ подтвержденіе въ фактахъ дѣйствительности.—Изслѣдуя потребленіе, главный, конечный про-

цессъ человѣческой хозяйственной дѣятельности, мы замѣчаемъ въ немъ рядъ явленій нуждающихся въ объясненіи. Прежніе экономисты обращали очень мало вниманія на эту сторону хозяйственной дѣятельности, которая представлялась имъ относящейся больше къ области физіологіи, чѣмъ экономической науки. Въ настоящее время мы находимъ цѣлыя монографіи, посвященныя этому вопросу, и не только не рѣшились бы по примѣру старой теоріи обойти его молчаніемъ, какъ нѣчто само собой разумѣющееся, но вынуждены предпослать изслѣдованіе потребленія всѣмъ остальнымъ частямъ теоріи, ибо потребленіе есть основной процессъ во всякомъ хозяйствѣ.

Степень удовлетворенія, доставляемаго предметомъ, является единственнымъ субъективнымъ измѣреніемъ желаемости вещи для человѣка. По мѣрѣ развитія человѣческой жизни, какъ въ отношеніи ея интенсивности, такъ и экстенсивности, т. е. углубленія психическаго содержанія ея и увеличенія количества точекъ соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ, процессъ такого взвѣшиванія или измѣренія окружающаго становится все болѣе сложнымъ и труднымъ. Непосредственная оцѣнка перестаетъ удовлетворять насъ, мы должны продолжать анализъ предмета и воздѣйствія его на насъ до самыхъ отдаленныхъ послѣдствій и нерѣдко отдаемъ предпочтеніе вещи непосредственно менѣе цѣнной за ея преимущества въ будущемъ. Мы перестаемъ быть, подобно дикарямъ, рабами своихъ элементарныхъ чувствъ и помышлять лишь о насыщеніи и военныхъ успѣхахъ, а располагаемъ наши побужденія въ многочисленные ряды, по степени ихъ интенсивности. Наши желанія нерѣдко сталкиваются на одномъ какомъ либо объектѣ, различно относящемся къ нашимъ интересамъ физіологическимъ или духовнымъ. На ряду съ физическими потребностями въ насъ выступаютъ моральныя запросы, умственные интересы, нами руководятъ соціальныя идеи въ видѣ стремленія къ соблюденію приличій, моды, къ под-

держанію своего достоинства, своей чести и пр. и пр. Поэтому побужденія предваряющія потребленіе и направляющія его на опредѣленный предметъ, обыкновенно весьма сложны, хотя и имѣютъ всегда своей конечной цѣлью извлеченіе наибольшей степени удовлетворенія при помощи данной вещи. Мы видимъ такимъ образомъ, что потребленію долженъ предшествовать выборъ, основывающійся на опредѣленіи абсолютной и относительной цѣнности вещи. Зависимость этого выбора отъ предварительной оцѣнки вполнѣ выражена въ филологическомъ происхожденіи нѣмецкаго „Wert“ — цѣнность, отъ древняго „var“ — выбирать; „цѣнное есть избранное нами“ и наоборотъ — избранное нами цѣнно (ср. Schmoller. Grundr. der Allgemein. Yolkswirtschaftslehre. B. II. C. 102). Очевидно, что въ изученіи основнаго экономическаго процесса,—потребленія, первое мѣсто должно занимать изслѣдованіе характера отношенія человѣка данной исторической эпохи и даннаго состоянія къ вещамъ, какъ носителямъ цѣнности. Такое изслѣдованіе, конечно, предполагаетъ пониманіе законовъ, руководящихъ человѣческой оцѣнкой вообще. Такимъ образомъ потребленіе находитъ свое окончательное объясненіе въ принципахъ, установленныхъ ученіемъ о цѣнности.

Стремясь пополнить запасы своего богатства, человѣкъ вступаетъ въ мѣновыя отношенія съ другими людьми. Эти отношенія возможны лишь въ томъ случаѣ, если одна и та же вещь можетъ являться объектомъ желаній различной интенсивности для различныхъ людей. Понимая „эгоизмъ“ въ самомъ широкомъ смыслѣ, какъ стремленіе къ личному удовлетворенію, мы можемъ утверждать, что *эгоистическое* побужденіе всегда руководитъ всѣми человѣческими дѣйствіями, ибо ихъ общей цѣлью всегда является доставленіе удовлетворенія высшаго или низшаго порядка. Поэтому и вступленіе въ обмѣнъ возможно лишь въ томъ случаѣ, если каждый изъ контрагентовъ разсчитываетъ на достиженіе

какой-либо матеріальной или духовной выгоды, большей чѣмъ та, которая извлекается имъ изъ обладанія прежнимъ благомъ. Обмѣнъ обусловливается такъ же, какъ и всякое движеніе въ природѣ, отсутствіемъ равновѣсія силъ, которыя въ данномъ случаѣ обладаютъ чисто-психологическимъ характеромъ. Поэтому совершенно напрасно искать эквивалентности какихъ либо матеріальныхъ, объективныхъ свойствъ товаровъ; послѣдняя можетъ проявляться лишь въ области психики лицъ, вступившихъ въ обмѣнъ. Психологическіе мотивы, обусловливающіе обмѣнъ, могутъ разсматриваться съ точки зрѣнія ихъ наличности и съ точки зрѣнія ихъ интенсивности. Дѣйствительно, для того, чтобы извѣстный актъ обмѣна совершился, необходимо, во-первыхъ, присутствіе опредѣленнаго желанія или потребности вообще и, во-вторыхъ, интенсивность желанія должна достигнуть такой степени, чтобы между контрагентами могло установиться соглашеніе на счетъ количествъ отчуждаемыхъ благъ или цѣны ихъ. Сводя эти оба условія во-едино мы можемъ сказать, что осуществленіе обмѣна зависитъ отъ соотношенія между потребностями, удовлетворенными опредѣленнымъ благомъ, и ищущими удовлетворенія посредствомъ иного блага, при чемъ обладателями каждаго рода благъ являются различныя лица. Но установленіе такого соотношенія, происходящее въ нашемъ разумѣ, есть ничто иное, какъ сопоставленіе цѣнностей наличныхъ и ожидаемыхъ. Законы, управляющіе образованіемъ цѣнностей, въ дальнѣйшемъ руководятъ и явленіями обмѣна, и существующія на рынкѣ товарныя цѣны суть не что иное, какъ равнодѣйствующія субъективныхъ оцѣнокъ, побуждающихъ продавцевъ и покупателей, вступать въ мѣновыя сдѣлки. Еще болѣе отдаленной отъ непосредственнаго потребленія является производительная дѣятельность человѣка. Она имѣетъ цѣлью такое видоизмѣненіе окружающихъ насъ вещей, которое дѣлаетъ возможнымъ пользованіе ими въ качествѣ средствъ для удо-

влетворенія опредѣленныхъ потребностей. Однако, всякое производство требуетъ извѣстной затраты благъ, будь то вещей или труда, а потому не всякое производство, осуществимое технически, является осуществимымъ и экономически, а только то, результатъ котораго покрываетъ всѣ понесенныя жертвы Въ замкнутомъ, изолированномъ хозяйствѣ процессъ такого взвѣшиванія совершается наиболѣе просто, ибо, являясь самъ или совмѣстно съ ограниченнымъ кругомъ своей семьи, какъ производителемъ, такъ и потребителемъ произведенныхъ благъ, хозяинъ не выходитъ за предѣлы разсмотрѣнія своихъ личныхъ, ближайшихъ потребностей и сообразуетъ съ ними приносимыя для производства жертвы. Въ сложномъ хозяйствѣ капиталистической эпохи зависимость производства отъ потребленія является болѣе отдаленной и цѣпь связующихъ ихъ звеньевъ болѣе сложной. Современный производитель, изготовляя вещи непосредственно для него самого безполезныя, словно забываетъ о самомъ себѣ и дѣйствуетъ изъ чисто альтруистическихъ побужденій. Однако, истинный смыслъ этой самоотверженности выступаетъ тогда, когда происходитъ неожиданное паденіе цѣнъ произведенныхъ продуктовъ, и пониженіе прибыли капиталиста-предпринимателя вызываетъ у него припадки отчаянія и жестокое раскаяніе въ затѣянномъ предпріятіи. Капиталистическое хозяйство конечно не устраняетъ личнаго разсчета, а только усложняетъ его. Современное производство опирается на извѣстныя народнохозяйственныя явленія, ибо оно удовлетворяетъ личные интересы производителя-потребителя только черезъ посредство обслуживанія потребностей остальныхъ людей. Поэтому разсчеты современнаго производителя не могутъ оставаться замкнутыми въ тѣсномъ кругѣ собственнаго хозяйства, а должны преломляться чрезъ соціальную среду, основываясь на размѣрахъ общественнаго потребленія и соотношеніи спроса и предложенія въ области производимаго то-

вара. Горе тому фабриканту или заводчику, который не умѣетъ вычислить мѣста, которое займетъ затраченная имъ цѣнность, послѣ того, какъ она пройдетъ всѣ стадіи производственной обработки. Къ „идеальной“ „общественной“ цѣнности произведенныхъ товаровъ производитель и приспособляетъ издержки, качество и количество производства съ неизмѣннымъ разсчетомъ извлеченія наибольшей выгоды или, иными словами, созданія для себя новой цѣнности по возможности превосходящей затраченную. Поэтому, вполнѣ основательно стремленіе общественныхъ реформаторовъ объединить и урегулировать народное хозяйство въ такой степени, что бы соразмѣреніе затрачиваемыхъ и извлекаемыхъ изъ производства цѣнностей представлялось наиболѣе простымъ и, слѣдовательно имѣло наибольшій шансъ на правильность, чѣмъ должна быть устранена нынѣ существующая „анархія“ въ производствѣ. Очевидно, что процессъ производства такъ же предполагаетъ въ основаніи своемъ идею о цѣнности вещей и подчиненъ въ конечномъ порядкѣ законамъ, управляющимъ ею.

При идеальномъ равенствѣ условій для всѣхъ лицъ, вступающихъ въ обмѣнъ и производство, результаты этихъ процессовъ были бы одинаковы для всѣхъ участниковъ ихъ. Однако, мы наблюдаемъ огромное неравенство въ распредѣленіи благъ и, тогда какъ нѣкоторыя группы лицъ имѣютъ возможность удовлетворять самымъ отдаленнымъ и второстепеннымъ потребностямъ своимъ, другія могутъ покрывать лишь самыя важныя, жизненныя нужды. Причина этого лежитъ не въ какомъ либо случайномъ явленіи, доставившемъ благополучіе нѣкоторымъ субъектамъ хозяйства, а коренится въ постоянно и непрерывно происходящей неравномѣрности распредѣленія общественнаго дохода. Однако, констатированіе этого факта не можетъ окончательно удовлетворить теоріи, а недовольство этимъ явленіемъ и призывы къ справедливости или возмущенію имѣютъ больше морально-агитаціонное,

чѣмъ научное значеніе. Исканіе первопричинъ такого разнообразія въ процессѣ распредѣленія привело науку къ открытію цѣлаго ряда условій соціальнаго и естественнаго свойства, которыя создаютъ вышеуказанныя неравенства. Такъ какъ стремленіе къ новому благу всецѣло зависитъ отъ количества благъ, находящихся въ обладаніи даннаго лица; такъ какъ возможность сбыта товара для различныхъ людей неодинакова; такъ какъ способность дать истинную оцѣнку вещи вполнѣ индивидуальна; такъ какъ обладаніе извѣстными родами благъ обезпечивается естественно или искусственно за опредѣленными лицами или цѣлыми группами ихъ,—то и результаты обмѣна складываются болѣе благопріятно для однихъ людей и менѣе благопріятно для другихъ. Человѣкъ вынуждается экономическимъ могуществомъ своего контрагента къ производству или обмѣну, которые болѣе выгодны для его контрагента, чѣмъ для него самаго и доставляютъ контрагенту извѣстное количество избыточной выгоды, (ср. Hobbson. The economics of distribution P. 22 „force is the ulultimate determinant of the market price“). Конкретнымъ выраженіемъ этой избыточной выгоды и вмѣстѣ съ тѣмъ показателемъ экономическаго превосходства различныхъ классовъ и лицъ, извлекающихъ ее, является рента, которая, вопреки взгляду старой школы, одинаково допустима во всѣхъ сферахъ хозяйственной дѣятельности и получается въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Однако, анализъ экономическаго господства, какъ основного фактора распредѣленія доходовъ, доказываетъ намъ, что оно есть не что иное, какъ выраженіе нѣкотораго соотношенія субъективныхъ цѣнностей, придаваемыхъ различными людьми однимъ и тѣмъ же вещамъ. Экономическое могущество основывается на дивергенціи цѣнности одной и той же вещи для различныхъ лицъ, создающей возможность для контрагентовъ менѣе вынуждаемыхъ къ обмѣну, производить давленіе на тѣхъ, для которыхъ обмѣнъ является настоятельной необходимостью.

Не только въ силу физическаго преобладанія, не только посредствомъ правового государственнаго покровительства, но также вслѣдствіе всякаго естественнаго привиллегированія образуются тѣ личныя и классовыя монополіи, которыя создаютъ эти различія въ субъективныхъ оцѣнкахъ товаровъ и тѣмъ самымъ обезпечиваютъ за одними людьми экономическое превосходство надъ другими. Совокупность факторовъ, вызывающая въ настоящее время неравенство распредѣленія общественнаго дохода быть можетъ въ будущемъ по измѣненіи условій соціальной жизни и сближеніи людей по степени ихъ индивидуальнаго развитія, приведетъ къ болѣе равномѣрному распредѣленію благъ. Однако, основаніемъ экономическаго могущества, хотя и уравненнаго для всѣхъ членовъ общества, всегда останется зависимость отдѣльныхъ субъектовъ хозяйства отъ вещей, какъ факторовъ удовлетворенія ихъ потребностей, и извѣстное соотношеніе этихъ субъективныхъ оцѣнокъ между собой. Въ области распредѣленія, какъ и въ области потребленія, обмѣна и производства только идея цѣнности способна дать конечное, наиболѣе общее объясненіе относящихся сюда явленій.

Такимъ, образомъ, мы видимъ, что дѣйствительно всѣ дѣйствія человѣка, относящіяся къ области хозяйства, находятъ въ идеѣ о цѣнности наиболѣе общее объясненіе, и поэтому ученіе о ней способно послужить объединенію всѣхъ частей экономической теоріи. *„Цѣнность“ есть философскій принципъ науки о хозяйствѣ*, на которомъ должны быть основаны тѣ обобщенія, которыя освѣщаютъ частныя истины и законы науки съ точки зрѣнія высшихъ законовъ „матеріи и движенія“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, установленіе общей точки зрѣнія на всю совокупность хозяйственныхъ процессовъ выясняетъ систему, въ которой экономическая теорія должна вести свое изслѣдованіе для того, чтобы распредѣлить его въ порядкѣ логическаго развитія этой общей философской идеи. Не только старые экономисты,

но и большинство новѣйшихъ теоретиковъ руководствуются при составленіи плана своего изслѣдованія больше соображеніями удобства изложенія или оцѣнкой внѣшней стороны хозяйственнаго процесса и, начиная съ явленій производства, заканчиваютъ свое разсмотрѣніе явленіями потребленія. Намъ кажется, что такое случайное дѣленіе, основанное на внѣшнихъ признакахъ, должно уступить мѣсто такой системѣ разсмотрѣнія, которая распредѣляетъ матеріалъ по степенямъ его сложности и приводитъ насъ отъ наиболѣе элементарныхъ и общихъ явленій къ наиболѣе сложнымъ и спеціальнымъ. Поэтому, изслѣдованіе хозяйственныхъ явленій должно открываться ученіемъ о цѣнности, раскрывающимъ общій смыслъ экономическихъ процессовъ и обнаруживающимъ природу и законы элементарной хозяйственной силы въ состояніи полнаго равновѣсія.

Ученіе о цѣнности имѣетъ своимъ предметомъ статику общественнаго хозяйства. Въ дальнѣйшемъ, разсмотрѣніе должно поставить себѣ цѣлью установленіе законовъ хозяйственной дѣятельности, слѣдовательно, обратиться къ динамикѣ общественнаго хозяйства. Во главѣ этой второй части изслѣдованія долженъ быть поставленъ анализъ процесса потребленія, какъ наименѣе сложной и наиболѣе общей формы хозяйственной дѣятельности, обнаруживающей самымъ непосредственнымъ образомъ моментъ цѣнности, какъ руководящей ею силы. Далѣе должно слѣдовать изученіе обмѣна, какъ простѣйшаго изъ явленій, нарушающихъ процессъ непосредственнаго потребленія, но способствующаго большему развитію такового вообще. Въ процессѣ производства экономическая оцѣнка благъ проявляется въ наиболѣе сложной формѣ, ибо производство предполагаетъ сравненіе существующихъ въ настоящемъ общественныхъ цѣнностей съ ожидаемыми въ будущемъ, почему законы, управляющіе производствомъ должны являться болѣе сложными, чѣмъ законы, дѣйствующіе въ области потребленія и

обмѣна. Наконецъ, вся совокупность экономическихъ условій, существующихъ въ извѣстную эпоху, создаетъ опредѣленныя формы распредѣленія благъ или доходовъ. Поэтому изученіе законовъ распрѣделенія требуетъ обязательно предварительнаго знакомства съ законами, руководящими потребленіемъ, обмѣномъ и производствомъ. Здѣсь соотношенія субъективныхъ цѣнностей выступаютъ въ качествѣ результата и показателя экономическаго могущества отдѣльныхъ субъектовъ хозяйства и разъясняютъ намъ сущность и причины извлеченія неравномѣрной ренты. Это и будетъ въ общихъ чертахъ тотъ порядокъ разсмотрѣнія экономическихъ явленій, который непосредственно вытекаетъ изъ обоснованія ихъ идеей хозяйственной цѣнности. Быть можетъ ни одна экономическая система изъ цѣлаго ряда практическихъ соображеній не станетъ точно слѣдовать этому идеальному *порядку* однако, это не можетъ нисколько умалить теоретическаго значенія высказанныхъ соображеній Таково то значеніе, которое имѣетъ идея о цѣнности для экономической науки или научная цѣнность цѣнности экономической.

Вполнѣ понятенъ тотъ живой интересъ, который удѣляется въ настоящее время разсматриваемому вопросу и который отвѣчаетъ вполнѣ назрѣвшей научной потребности въ построеніи философіи экономики. Впрочемъ, это увлеченіе проблемой о цѣнности имѣетъ и своихъ противниковъ, выступающихъ обыкновенно въ лицѣ приверженцевъ старой экономической доктрины. Они обыкновенно указываютъ на то обстоятельство, что, если даже разработка вопроса о цѣнности и можетъ представлять извѣстное значеніе, то во всякомъ случаѣ она является задачей психолога, а не экономиста. По ихъ мнѣнію включеніе цѣнности, какъ психическаго факта, въ кругъ явленій „хозяйственныхъ“ подрываетъ самостоятельность, которая должна быть признана за психологическимъ разсмотрѣніемъ съ одной стороны и экономическимъ съ дру-

гой. Первое изъ этихъ соображеній неосновательно потому, что принимаетъ неправильный масштабъ для разграниченія двухъ областей изслѣдованія. „Принципомъ разграниченія долженъ служить не столько объектъ, сколько точка зрѣнія“, какъ правильно указываетъ Шоръ (Основн. проблемы теоріи политич. экономіи). Дѣйствительно, одно и то же явленіе можетъ сдѣлаться предметомъ самыхъ разнообразныхъ наукъ, при чемъ каждая изъ нихъ будетъ изслѣдовать ту сторону его, которая относится къ ея сферѣ. Такъ, фактъ человѣческой смерти разсматривается физіологіей съ естественно-научной точки зрѣнія — выясняются причины, вызвавшія ее (болѣзнь, старость, увѣчія и пр.), констатируются видоизмѣненія, наступившія въ организмѣ и пр.; наука о правѣ обсуждаетъ событіе смерти члена сообщества, съ точки зрѣнія законныхъ причинъ и послѣдствій ея, изслѣдуется не явилась-ли смерть слѣдствіемъ преступленія, не была-ли она вызвана безправнымъ положеніемъ даннаго индивида или цѣлыхъ классовъ лицъ, разсматривается вопросъ о моментѣ открытія наслѣдства и личности наслѣдниковъ и пр.; наука о хозяйствѣ стремится указать на причины и послѣдствія смерти въ хозяйственной жизни общества и при помощи статистики изслѣдуетъ зависимость экономическаго прогресса страны отъ смертности народонаселенія и обратную зависимость. Совершенно такъ же и явленіе цѣнности можетъ стать предметомъ разсмотрѣнія различныхъ наукъ, въ томъ числѣ психологіи и политической экономіи, при чемъ изслѣдованіе каждой изъ нихъ будетъ отличаться по исходной точки зрѣнія. Какъ мы увидимъ ниже, экономическій анализъ явленія цѣнности совершенно отличенъ отъ психологическаго, и мы напрасно стали бы искать въ какомъ-либо руководствѣ по психологіи отвѣтовъ на интересующіе насъ вопросы. Психологія занимается установленіемъ общихъ законовъ духовной дѣятельности человѣка и въ задачу ея отнюдь не входитъ изслѣдовать конкретныя

формы, которыя эта дѣятельность принимаетъ въ различныхъ случаяхъ дѣйствительной жизни, въ частности при стремленіи человѣка къ удовлетворенію своихъ потребностей. Поэтому психологію „цѣнность“ интересуетъ лишь какъ одно изъ проявленій нашихъ ощущеній или чувствъ, тогда какъ для политической экономіи она есть явленіе, обусловливающее всѣ хозяйственные процессы и, какъ таковое, требующее весьма внимательнаго разсмотрѣнія. Такъ физика устанавливаетъ общіе законы, управляющіе явленіями природы, а астрономія, пользуясь обобщеніями механики, примѣняетъ эти законы къ изслѣдованію небесныхъ тѣлъ, ихъ образованія и движенія. Поэтому мы и полагаемъ, что монополизированіе изслѣдованія о цѣнности за психологической наукой ни на чемъ не основано, ибо дѣлая „цѣнность“ предметомъ своего разсмотрѣнія, психологія преслѣдуетъ совсѣмъ иныя цѣли, чѣмъ политическая экономія. А тотъ спеціальный интересъ, который этотъ вопросъ имѣетъ для экономической теоріи, заслуживаетъ полнаго признанія.

Второе обвиненіе—въ подрывѣ самостоятельности экономической науки вслѣдствіе сближенія ея съ психологіей, также не заслуживаетъ вниманія. Прогрессу человѣческаго знанія наиболѣе способствуетъ сотрудничество всѣхъ наукъ въ дѣлѣ исканія истины. Возможность одной науки опереться на выводы другой, получившіе уже должное признаніе, не подрываетъ, а, наоборотъ, укрѣпляетъ науку и расширяетъ ея кругозоръ. Всѣ науки стремятся достичь той степени точности, когда возможно примѣнить математическій методъ къ изслѣдованію. Физика и химія, ботаника и зоологія, физіологія и психологія дополняютъ другъ друга и смѣло открыто взаимно пользуются полученными выводами тамъ, гдѣ приходится обосновать объясненіе глубже и шире. Почему же должно отказать экономической наукѣ въ правѣ пользоваться законами психологіи и видѣть признакъ ея „самостоя-

тельности“ въ отчужденности отъ всего остального знанія? Фактъ пріобщенія психологіи для полноты объясненія экономическихъ процессовъ вполнѣ естествененъ, ибо всякое соціальное явленіе можетъ быть вполнѣ уяснено лишь черезъ разсмотрѣніе слагающихъ его силъ—индивидуальныхъ побужденій. Поэтому не только экономическое, но вообще всякое соціологическое изслѣдованіе не можетъ и не должно пренебрегать выводами психологіи, что конечно не дѣлаетъ ни экономиста или соціолога—психологомъ, ни науки политической экономіи или соціологіи—психологіей.

Наконецъ, указаніе на неопредѣленность абстрактнаго психологическаго изслѣдованія является въ извѣстной степени справедливымъ. Однако, признаніе его недостатковъ можетъ лишь оправдать стремленіе усовершенствовать его. Психологическая наука за послѣднее время сдѣлала въ этомъ отношеніи чрезвычайно большіе успѣхи и по точности своихъ обобщеній можетъ во всякомъ случаѣ поспорить съ политической экономіей. Однако, какъ мы видѣли, чисто психологическая сторона явленій, разсматриваемыхъ теоріей хозяйства, вовсе и не представляетъ изъ себя основной цѣли ея изслѣдованія. Поскольку же успѣхъ самаго экономическаго разсмотрѣнія зависитъ отъ большаго или меньшаго совершенства психологическихъ обобщеній, постольку, конечно, ему приходится считаться съ недостатками психологическаго знанія, какъ и вообще съ недостатками всѣхъ тѣхъ наукъ, съ которыми политическая экономія тѣсно связана. Эту несовершенную помощь все же приходится предпочесть полному отсутствію ея.

Такимъ образомъ, считая достаточно выясненнымъ понятіе цѣнности и то значеніе, которое оно имѣетъ для хозяйственной науки, мы переходимъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ направленій въ изслѣдованіи явленія цѣнности, приведшихъ экономическое ученіе къ болѣе полному и всестороннему освѣщенію даннаго вопроса.

Теоріи „естественныхъ“ цѣнностей.

Временемъ начальнаго образованія экономической науки была эпоха господства раціоналистической философіи. Идеалы и положенія послѣдней въ концѣ XVIII вѣка оказывали на все современное знаніе самое рѣшительное вліяніе, отпечатокъ котораго сохранился въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ на всемъ теченіи человѣческой мысли. Исторія, соціологія, право, этика, эстетика и даже естествознаніе придерживались долгое время метода и предпосылокъ раціоналистической философіи. Конечно, и политической экономіи не удалось избѣжать этого вліянія, тѣмъ болѣе, что эта наука обладала въ разсматриваемый періодъ той неустойчивостью и воспріимчивостью ко всякимъ воздѣйствіямъ, которая присуща юному возрасту. Безграничное упованіе въ силу человѣческаго разума, вѣра въ свободу и равенство людей, непритворный оптимизмъ въ вопросахъ о будущемъ человѣчества придали экономическому изслѣдованію тотъ увлекательный размахъ, который заставляетъ безудержно стремиться узнать и охватить все сразу для того, чтобъ доказать возможность торжества добра и справедливости. Основными предпосылками экономической науки являлись переработанные догматы соціальной и моральной философіи того времени (Ср. Hasbach. Die allgemeinen philosophischen Grundlagen der von A. Smith u. F. Quesney begründeten politischen Oekonomie). Изслѣдованіе хозяйственной дѣятельности людей предполагаетъ въ то время, что извѣстныя свойства

присущи людямъ и считаетъ ихъ всеобщими и элементарными (эгоизмъ и общественность); оно опредѣляетъ тѣ права, которыя должны быть признаны безусловными (свобода и собственность) и выражаетъ непоколебимую вѣру въ правильность построеній человѣческаго разума, проникнутыхъ безграничнымъ оптимизмомъ (дедукція и всеобщее благо). Таковы основныя убѣжденія, въ которыхъ воспитывалась молодая наука. Нѣкоторыя изъ положеній, привитыхъ ей въ тотъ періодъ, упорно держатся до самаго послѣдняго времени, не считаясь ни съ логическими доводами, ни съ показаніями фактовъ. Вспомнимъ объ утопическихъ теоріяхъ, которыя вѣруютъ въ то, что свободная игра естественныхъ силъ и инстинктовъ, заложенныхъ въ насъ самою природой, должна привести человѣчество къ добру и приписываютъ всѣмъ явленіямъ, нарушающимъ это „естественное“ состояніе роль „злого“ и „несправедливаго“ начала въ исторіи. Эта ненаучная точка зрѣнія находитъ свое объясненіе въ упорствѣ человѣческой природы, не желающей отказаться отъ симпатичныхъ ей идеаловъ и потому цѣпко держащейся за полезный силлогизмъ, quamquam absurdum.

Что касается интересующаго насъ вопроса, то, конечно, идея „естественности“ отразилась также и на созданной въ ту эпоху теоріи цѣнности. Однако, прежде, чѣмъ разсматривать эту теорію по существу, намъ необходимо доказать, что экономистамъ классической школы и ихъ ближайшимъ предшественникамъ вообще не было чуждо то представленіе о цѣнности, которое мы установили выше. Экономическая наука, являвшаяся въ тѣ времена въ значительной степени практической доктриной, не успѣла еще погрузиться въ отвлеченныя проблемы, занимающія современную теорію, и потому мы стали бы тщетно искать точной и ясной постановки ихъ. Политическая экономія стремилась дать въ своемъ изслѣдованіи отвѣтъ на вопросы, предлагаемые ей быстро раз-

вивающейся торгово-промышленной дѣятельностью, а также считала долгомъ своимъ руководить еще неопытной въ государственномъ хозяйствѣ политикой. Такимъ образомъ, наука была проникнута въ то время всецѣло практической тенденціей, что весьма мѣшало ей углубить и развить свое изслѣдованіе и заставляло ее больше скользить по поверхности разсматриваемыхъ явленій, давая имъ чисто внѣшнее „механическое“ объясненіе“. Вслѣдствіе этого мы находимъ, что классики удѣляютъ гораздо болѣе вниманія изслѣдованію „цѣнъ“ и „объективныхъ цѣнностей“, чѣмъ изученію того явленія, которое подъ „цѣнностью“ понимается нами. Однако, присматриваясь ближе къ ихъ теоріямъ, мы все же можемъ открыть, что понятіе цѣнности, какъ чего-то абсолютнаго, заложеннаго въ сущность товаровъ и необходимаго для ихъ обмѣноспособности, обще всѣмъ экономистамъ даннаго періода. „Реальная цѣнность“ у Смита и Рикардо, „valeur estimative“ у Тюрго, „le prix qui precède toujours les achats et les ventes“ у Кенэ, „дѣйствительныя“, „истинныя“ и прочія цѣнности, суть болѣе или менѣе опредѣленныя выраженія для субъективной цѣнности. Дѣйствительно, Смитъ противопоставляетъ „реальную цѣнность“—„номинальной“. Послѣдняя есть, по его мнѣнію, мѣновое отношеніе между товарами, способное измѣняться въ зависимости отъ перемѣнъ въ цѣнности каждаго изъ обмѣниваемыхъ продуктовъ или неравномѣрной перемѣны въ цѣнности ихъ обоихъ. Такимъ образомъ одновременное равномѣрное измѣненіе въ цѣнности обмѣниваемыхъ товаровъ не можетъ оказать вліянія на ихъ номинальную цѣнность. Однако, въ послѣднемъ случаѣ все же фактъ перемѣны дѣйствительной цѣнности ихъ на лицо и требуетъ опредѣленной экономической регистраціи. Послѣднее и совершаетъ Смитъ, допуская за предметами рядомъ съ номинальной и „реальную“ цѣнность, чѣмъ и выражаетъ свое признаніе существованія цѣнности также и помимо обмѣна. Тюрго, основывая цѣнность вещей на затратѣ труда,

потребовавшагося для ихъ производства, выясняетъ, что таковая затрата пріобрѣтаетъ свое значеніе мѣрила цѣнности лишь благодаря цѣнности, придаваемой человѣкомъ своей силѣ. Эта цѣнность и есть „valeur estimative“, опредѣляющая въ конечномъ порядкѣ наше отношеніе ко всѣмъ благамъ. Прудонъ указываетъ, что „всѣ безъ исключенія люди сознаютъ разницу между дѣйствительной цѣнностью и рыночной цѣной“ и усматриваетъ въ первой необходимое условіе для второй, хотя и далеко не всегда одинаково относящееся къ ней по своей величинѣ. Новѣйшіе приверженцы классической теоріи, какъ напр., Дитцель, не только подтверждаютъ, что „цѣнность“ являлась предметомъ разсмотрѣнія старой экономической школы, но даже стараются приписать классикамъ заслугу окончательнаго разрѣшенія этого вопроса. Однако, экономисты того періода, вслѣдствіе свойственной имъ тенденціи сосредоточивать свое вниманіе на внѣшней сторонѣ явленій, никогда не дѣлали цѣнности какъ фактъ психическаго порядка, непосредственнымъ предметомъ своего наблюденія, а старались установить внѣшнюю, объективную сторону ея, чтобы надъ нею уже производить свои наблюденія. Такое внѣшнее проявленіе „цѣнности“ было найдено въ „естественной цѣнѣ“ („natural price“) товаровъ, отвѣчающей справедливой, средней, общеполезной цѣнѣ ихъ. Позднѣйшіе изслѣдователи, уклонившіеся отъ непосредственныхъ традицій эпохи раціонализма, видоизмѣнили характеръ своей терминологіи, однако продолжали придавать „среднимъ рыночнымъ цѣнамъ“ значеніе „естественныхъ, справедливыхъ“ величинъ. Изслѣдуя свойства этихъ общественныхъ „естественныхъ цѣнъ“, экономисты опредѣляли вмѣстѣ съ тѣмъ законы индивидуальной „реальной цѣнности“, ибо предположеніе общаго благополучія, какъ результата свободной игры экономическихъ силъ, требовало согласія, тождества общественно полезнаго съ индивидуальнымъ. Теорія „естественныхъ“ или „среднихъ“ цѣнъ трактуетъ у

экономистовъ разсматреваемаго періода о томъ же самомъ явленіи, какъ и современная теорія цѣнности, почему мы и опредѣлили этотъ періодъ въ разработкѣ интересующаго насъ явленія, какъ періодъ „естественныхъ цѣнностей".

Наиболѣе общимъ условіемъ для того, чтобы вещь могла пріобрѣсти цѣнность, считалось экономистами присутствіе за ней извѣстной полезности, т. е. способности служить удовлетворенію нашихъ потребностей. „Рикардо вполнѣ сходится съ новѣйшими учеными въ томъ, что такъ же придаетъ полезности значеніе первой „conditio sine qua non" для образованія „цѣнности" говоритъ Дитцель въ своей апологіи классической теоріи цѣнности (Dietzel. Die Klassische Werttheorie Jahrbuch. für Nationalökon. u. Statistik N. F. XX S. 565). На эту, необходимую для цѣнности, „полезность" вещей указываютъ и физіократы, именующіе ее „valeur usuelle", и Пети, Локъ, Смитъ, Кантильонъ, называющіе ее „intrinsic value", внутренней цѣнностью вещей. Только присутствіе полезности способно сдѣлать вещь цѣлью хозяйственной дѣятельности и оправдать существованіе за ней извѣстной цѣны въ торговомъ оборотѣ. Хотя съ перваго взгляда и представляется, будто въ этомъ утвержденіи классическая школа вполнѣ сходится съ современнымъ пониманіемъ, однако, присматриваясь къ нему ближе, мы находимъ уже въ толкованіи этого элементарнѣйшаго изъ условій цѣнности признаки тѣхъ противорѣчій, которыя проникаютъ всю классическую теорію цѣнности. „Полезность", о которой говорятъ всѣ представители этого направленія, есть свойство принадлежащее не каждой отдѣльной вещи, а всей совокупности однородныхъ предметовъ. Исходя неизмѣнно изъ общихъ предпосылокъ о свойствахъ человѣческой природы и присущихъ намъ „естественныхъ" потребностяхъ, экономисты старались опредѣлить тѣ категоріи вещей, которымъ столь же естественно присуща способность удовлетворять наши потребности. Однако,

и разсмотрѣніе всѣхъ людей, во всей ихъ совокупности, какъ носителей извѣстныхъ потребностей, и приданіе цѣлымъ категоріямъ предметовъ свойствъ полезности, является совершенно произвольнымъ. Какъ люди, являющіеся представителями одного и того же человѣческаго рода, такъ и вещи, относящіяся къ одному и тому же роду предметовъ, могутъ быть носителями совершенно различныхъ свойствъ: первые въ зависимости индивидуальнаго склада характера, вторыя въ зависимости отъ того употребленія, для котораго ихъ предназначаетъ человѣкъ. „Полезность", подразумѣваемая теоретиками классической школы, является всецѣло продуктомъ раціоналистической эпохи: отвлеченная и безусловная она придается опредѣленнымъ категоріямъ вещей, служащихъ приписываемому имъ естественному назначенію. Вполнѣ правильна характеристика такимъ образомъ понятой полезности, какъ „родовой полезности" благъ. Въ дѣйствительности вещи обладаютъ способностью удовлетворять наши потребности совершенно индивидуально. Полезна не „вода" вообще, а лишь, то количество ея, которое потребляется нами для нашихъ нуждъ; вода же ниспадающая на насъ въ видѣ дождя, нерѣдко является источникомъ большихъ непріятностей. Старая экономическая школа не уяснила себѣ такого индивидуальнаго значенія благъ для человѣка, и, придерживаясь идеи „родовой" полезности, считала общимъ условіемъ для цѣнности принадлежность даннаго предмета къ категоріи вещей, признанной „полезной". Поэтому никакъ нельзя согласиться съ современными приверженцами классическаго направленія, которые считаютъ, что вопросъ о значеніи „полезности" благъ былъ разрѣшенъ старой школой. Это утвержденіе было бы справедливо, если бы за одними и тѣми же словами не стояли часто совершенно различныя понятія и если бы смутное, неопредѣленное предчувствіе истины могло быть сочтено за ея открытіе.

Однако, ссылка на такую родовую полезность ве-

щей, какъ на единственный принципъ для объясненія цѣнности, не могла удовлетворить изслѣдователей. Съ одной стороны рядъ вещей, обладающихъ огромной полезностью, совершенно игнорируется въ хозяйствѣ; это относится къ т. наз. свободнымъ благамъ. Съ другой стороны, нѣкоторые предметы безразличные для народнаго благополучія, оцѣниваются несоразмѣрно высоко; таковы предметы роскоши. Вмѣстѣ съ тѣмъ предметы первой необходимости, какъ хлѣбъ, мясо и проч., оказываются по своей „естественной“ цѣнѣ стоящими значительно ниже многихъ предметовъ, предназначенныхъ для удовлетворенія второстепенныхъ потребностей. Кромѣ того было замѣчено, что вещи, производимыя при помощи затраты капитала, оцѣниваются выше или наравнѣ съ затратой, потребовавшейся для ихъ производства, и только случайно и временно ниже ея. Всѣ эти наблюденія заставили экономистовъ ввести извѣстныя ограниченія въ установленный ими принципъ полезности, въ силу которыхъ послѣдній представлялъ изъ себя общее условіе, одинаково дѣйствительное всегда и для всѣхъ вещей, а дальнѣйшія условія обладали болѣе частнымъ, спеціальнымъ значеніемъ. Факторами, ограничивающими зависимость цѣнности отъ полезности являлись—„рѣдкость“ благъ и „издержки производства“ товаровъ.

Еще въ половинѣ XVIII ст. итальянскій экономистъ Галіяни въ своемъ трактатѣ „О монетѣ“ выдвинулъ значеніе „рѣдкости“ на ряду съ „полезностью“, какъ взаимно дополняющихъ другъ друга условій образованія цѣнности вещей. Онъ указываетъ, что блага, обладающія величайшей полезностью, какъ воздухъ и вода, не обладаютъ цѣнностью, вслѣдствіе своего изобилія. Но и наоборотъ, не достаточно одного факта рѣдкости для созданія цѣнности, ибо таковая зависитъ также отъ присущей вещамъ способности служить для удовлетворенія человѣческихъ потребностей. Рѣдкость и полезность суть два различныя

свойства, которыя только своимъ сочетаніемъ въ вещи могутъ дать начало элементу цѣнности, подобно тому, какъ химическое соединеніе водорода съ кислородомъ даетъ воду. Ученіе Галіяни было воспринято Тюрго и Кондильякомъ, однако, при этомъ значительно усовершенствовано и близко подведено къ психологическому разсмотрѣнію цѣнности, единственно способному установить истинные законы ея. Тюрго и Кондильякъ отказываются видѣть въ „рѣдкости“ факторъ независимый отъ полезности и *наряду* съ ней творящій цѣнность. Даже когда „рѣдкость“ выступаетъ въ качествѣ самостоятельнаго объекта нашихъ желаній, когда мы преслѣдуемъ цѣль присвоенія извѣстныхъ вещей за то одно, что онѣ рѣдки, то и тогда „рѣдкость“ не является самостоятельнымъ факторомъ цѣнности, а представляетъ изъ себя только одинъ изъ видовъ полезности. Тюрго и Кондильякъ придаютъ рѣдкости значеніе второстепеннаго фактора, подчиненнаго принципу полезности. Тюрго указываетъ, что „valeur estimative“, субъективная цѣнность вещи, складывается на основаніи соображеній человѣка о пригодности вещи для удовлетворенія данной потребности, оцѣнки ея прочности и достоинства, а также возможности произвольно возстановить ее въ случаѣ утраты. Послѣднее свойство является зависящимъ отъ „рѣдкости“ данной вещи, ибо предметъ поддается тѣмъ труднѣе возстановленію, чѣмъ рѣже встрѣчается въ природѣ. Вслѣдствіе этого, цѣнность предмета и должна быть тѣмъ выше, чѣмъ больше его рѣдкость; однако, послѣдняя, какъ видно, всегда остается лишь однимъ изъ частныхъ проявленій полезности, заставляющимъ насъ беречь данную вещь болѣе или менѣе. Кондильякъ также видитъ въ рѣдкости факторъ подчиненный полезности, ибо по его мнѣнію она можетъ вліять лишь на размѣръ цѣнности, но отнюдь не на самый фактъ ея существованія. Изъ двухъ разнородныхъ благъ равной полезности мы, по мнѣнію Кондильяка, цѣнимъ выше вещь болѣе

рѣдкую. „Цѣнность основывается въ первомъ порядкѣ на нашихъ сужденіяхъ о полезности вещей, и она больше или меньше въ зависимости отъ того, считаемъ ли мы ихъ болѣе или менѣе полезными и при равной полезности рѣдкими или находящимися въ изобиліи". (Цит. по Zuckerkandl. Zur Theorie des Preises S. 57). Такъ же, какъ „рѣдкость" самостоятельно не способна создать цѣнности, „изобиліе" не можетъ ея уничтожить. Свободныя блага должны обладать нѣкоторой цѣнностью, ибо если ихъ полезность несомнѣнна, то изобиліе въ нихъ не способно устранить этого факта, а можетъ лишь низвести цѣнность до весьма малой величины. Только та вещь не имѣетъ никакой цѣнности, которая ни на что не годна. Смитъ и Рикардо восприняли разработанное въ этомъ видѣ понятіе рѣдкости, однако не только не сумѣли продолжить и усовершенствовать плодотворное изысканіе французовъ, но отчасти даже сузили изслѣдованіе этого вопроса. Явленіе „рѣдкости" въ собственномъ смыслѣ пріобрѣтаетъ для нихъ второстепенное значеніе, такъ какъ они относятъ его только къ благамъ, не допускающимъ произвольнаго умноженія. А подобныя блага мало интересовали коммерческую экономію той эпохи, ибо они признавались явленіями случайными, исключительными, и законы, руководящіе ими, не заслуживающими особенно внимательнаго разсмотрѣнія. Естественный порядокъ предполагаетъ всемогущество труда, абсолютную свободу конкурренціи и подвижность капитала, а при такихъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи о „рѣдкости", какъ естественномъ недостаткѣ въ вещахъ. „Рѣдкость" въ этомъ смыслѣ является вспомогательнымъ факторомъ, служащимъ для объясненія цѣнности въ тѣхъ случаяхъ, когда не дѣйствуетъ иной болѣе общій принципъ, разсмотрѣніе котораго намъ предстоитъ впереди. Мы говоримъ о законѣ спроса и предложенія.

Представленіе о рѣдкости, сложившееся въ разсматриваемый нами періодъ, является несостоятель-

нымъ съ точки зрѣнія современной науки. Ошибочнымъ является какъ соотношеніе, устанавливаемое между „рѣдкостью“ и „полезностью“, такъ и взглядъ на „рѣдкость“, какъ на непосредственный факторъ цѣнности. Хотя уже Тюрго и Кондильякъ обратили вниманіе на противорѣчія, существующія при опредѣленіи сущности и роли явленія „рѣдкости“ въ хозяйствѣ, однако, они не сумѣли устранить этихъ противорѣчій. Такъ, Тюрго, причисляя „рѣдкость“ къ одному изъ видовъ полезности, продолжаетъ смотрѣть на нее какъ на индивидуальный факторъ цѣнности, ибо приписываетъ ей способность придавать вещи особое, вполнѣ опредѣленное полезное свойство. Таково же воззрѣніе и Кондильяка, когда онъ согласно вышеприведенной выдержкѣ утверждаетъ, будто при равной полезности благъ цѣнность ихъ можетъ падать или возрастать въ зависимости отъ того, являются ли они рѣдкими или находятся въ изобиліи. Въ дѣйствительности „рѣдкость“ не подчинена полезности, какъ думали Тюрго и Кондильякъ, и не существуетъ въ качествѣ независимаго фактора цѣнности на ряду съ ней, какъ полагалъ Галіяни, а всецѣло и нераздѣльно слита съ полезностью благъ. Всякая „полезность“ необходимо предполагаетъ—„рѣдкость“; такъже и рѣдкость можетъ существовать лишь въ отношеніи къ „полезностямъ“. Онѣ слиты во-едино, какъ представленіе о предметѣ слито съ идеей объ его измѣреніяхъ. Никакой „полезности“ не можетъ существовать за той вещью, которая не обладаетъ извѣстной степенью „рѣдкости“, ибо вслѣдствіе ограниченности человѣческой потребности непомѣрное изобиліе вещей того-же рода дѣлаетъ извѣстную часть ихъ ни на что не годною. Но идея „рѣдкости“ такъ же невозможна въ примѣненіи къ вещамъ, не обладающими никакой „полезностью“, ибо даже самое малое по своей абсолютной величинѣ количество такихъ вещей, въ хозяйственномъ отношеніи все же является избыточнымъ, лишнимъ. Такимъ образомъ,

„рѣдкость“ и „полезность“ могутъ быть разсматриваемы въ теоріи политической экономіи лишь какъ нѣкоторая единая, нераздѣльная величина, какъ болѣе или менѣе „рѣдкая полезность“, какъ большее или меньшее обиліе „благъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ воздѣйствіе „рѣдкости“ и „полезности“ или, какъ мы выразились „обилія благъ“ на цѣнность совершается не непосредственно или самостоятельно, какъ это представляла себѣ теорія, а посредствомъ вліянія на объемъ человѣческой потребности. Вліяніе „рѣдкости“ и „полезности“ на цѣнность можетъ быть объяснено лишь изъ сущности человѣческой потребности и анализа тѣхъ законовъ, которымъ она подчинена. Большее или меньшее изобиліе благъ, находящихся въ нашемъ распоряженіи, способно дать удовлетвореніе большей или меньшей долѣ существующей въ насъ потребности, что и заставляетъ насъ придавать каждой слѣдующей единицѣ этого блага меньшую или большую цѣнность. Такимъ образомъ, фактъ большей цѣнности одной вещи, чѣмъ какой либо иной, свидѣтельствуетъ и о большей „рѣдкости и полезности“ первой, чѣмъ второй, а равная цѣнность ихъ предполагаетъ и равное отношеніе количествъ данныхъ благъ къ существующимъ въ насъ потребностямъ. Поэтому допущеніе Кондильякомъ возможности равной „полезности“, но различной „рѣдкости“ и слѣдовательно, и различной цѣнности ихъ, основано на грубомъ непониманіи отношенія, существующаго между явленіями „рѣдкости“ и „полезности“ съ одной стороны и послѣдними и „цѣнностью“ съ другой стороны. Этому заблужденію весьма способствовала та неопредѣленность въ пониманіи полезности, на которую мы указывали выше. Изслѣдованіе вопроса о цѣнности со всѣми относящимися къ нему явленіями можетъ быть успѣшнымъ лишь при существованіи яснаго представленія о различіи въ полезности отдѣльныхъ единицъ благъ одного и того же рода. Это представленіе при господствѣ идеи „родовыхъ“ полезностей совершенно

отсутствовало. А при такихъ условіяхъ стремленіе установить правильное отношеніе между „рѣдкостью“ и „полезностью“ должно быть признано безнадежнымъ, ибо „естественная“ „родовая“ полезность вещей никакого опредѣленнаго отношенія къ количеству данныхъ вещей имѣть не можетъ. Впрочемъ, непригодность „рѣдкости“ въ качествѣ самостоятельнаго и непосредственнаго фактора цѣнности настолько очевидна, что была сознана уже экономистами той же эпохи, которые въ этой части своей теоріи чувствовали всегда извѣстную неувѣренность.

Далѣе, ошибкой экономистовъ старой школы являлось то, что они придавали „рѣдкости“ значеніе нѣкоторой абсолютной величины. Толкованіе „рѣдкости“, какъ чисто внѣшняго, количественнаго отношенія между вещами является неправильнымъ. „Рѣдкость“ не опредѣляется сравненіемъ числовыхъ величинъ, полученныхъ путемъ ариѳметическаго подсчета вещей даннаго рода, а вытекаетъ изъ сравненія степеней потребностей, допускающихъ удовлетвореніе при помощи извѣстнаго количества даннаго блага. Это и есть то общій всѣмъ благамъ знаменатель, который позволяетъ намъ соизмѣрять вещи, съ внѣшней стороны своей недопускающія никакого сравненія. Такимъ образомъ, „рѣдкость“ является понятіемъ вполнѣ относительнымъ, обозначающимъ отношеніе даннаго количества вещей къ размѣрамъ извѣстной потребности, удовлетворенію которой онѣ служатъ. Мы не можемъ сказать, какое благо является для Робинзона болѣе рѣдкимъ—десять ли ведеръ питьевой воды, пять фунтовъ хлѣба или его дождевой плащъ, если не знаемъ срока, для котораго предназначаются данныя количества благъ, и интенсивности отдѣльныхъ потребностей Робинзона, иными словами, если не знаемъ общей величины каждой изъ потребностей, которой служитъ данная часть запаса. Извѣстно, какъ непропорціонально быстро въ сравненіи съ остальными благами растетъ цѣнность хлѣба, при самомъ незначительномъ

уменьшеніи его количества. Это объясняется свойствами той потребности, которую онъ удовлетворяетъ. Самый малый ущербъ въ пищевыхъ продуктахъ уже создаетъ за ними значеніе рѣдкаго блага. Очевидно, что при правильной постановкѣ изслѣдованія „рѣдкости", требуется предварительное выясненіе сущности человѣческой потребности и законовъ, согласно которымъ она измѣняется. „Рѣдкость" есть явленіе, зависящее не только отъ количества благъ, но и отъ размѣра удовлетворяемой ими потребности, при чемъ она измѣняется обратно пропорціонально съ первымъ и прямо пропорціонально со вторымъ. Теорія перваго періода обратила вниманіе лишь на внѣшнія условія явленія рѣдкости, изслѣдованіе же потребности оставлялось безъ разсмотрѣнія, а потому понятіе „рѣдкости", установленное ею, является узкимъ и неполнымъ.

Если мы постараемся установить общій недостатокъ, присущій разсматриваемому нами направленію въ изслѣдованіи полезности и рѣдкости, какъ факторовъ цѣнности, то мы должны будемъ опредѣлить его, какъ систематическое пренебреженіе субъективной стороной упомянутыхъ явленій. Рѣдкость и полезность анализируются лишь со стороны ихъ объективныхъ проявленій, и воздѣйствіе ихъ на цѣнность предполагается фактомъ чисто внѣшняго характера. Въ дѣйствительности главная связь этихъ явленій съ цѣнностью чисто психологическаго свойства и выясненіе ея требуетъ подробнаго разсмотрѣнія сущности человѣческой потребности. Только въ опредѣленномъ отношеніи къ послѣдней „рѣдкость" и „полезность" могутъ пріобрѣсти присущій имъ смыслъ и служить объясненіемъ явленія цѣнности. Этого то процесса проэктированія рѣдкости и полезности на индивидуальную психику теорія не сумѣла обнаружить и объяснить. Временами наука подходила весьма близко къ открытію этой связи, однако, все же не могла разгадать ее и продолжала бродить словно въ лабиринтѣ,

стучась въ стѣну, отдѣляющую ее отъ свѣта, но не умѣя найти къ нему дорогу.

Понятіе „рѣдкости“ въ переводѣ на языкъ англійской коммерческой экономики обозначалось терминомъ „спроса и предложенія“, ибо это выраженіе подходило гораздо больше къ изслѣдованію, ставящему себя первой цѣлью разсмотрѣніе явленій рынка. Относительно характера экономической теоріи того періода въ Англіи вполнѣ справедливо замѣчаніе Цуккеркандля, указывающаго, что „наука стремилась лишь опредѣлить внѣшнія событія и перемѣны, съ которыми связаны извѣстные размѣры цѣнъ и опредѣленныя измѣненія въ нихъ и довольствовалась, когда эта послѣдовательность казалась установленной. (Zuckerkandl. Zur Theorie d. Preises S. 63). Однако, такое суженіе задачъ не лишаетъ насъ права включить теорію англійскихъ экономистовъ въ наше разсмотрѣніе ученій о „цѣнности“. Представленіе о „естественномъ порядкѣ“, господствовавшее въ то время, устраняло мысль о возможности противорѣчія между индивидуальнымъ и общественнымъ, субъективно желательнымъ и общественно полезнымъ, и находило въ дѣйствительности примиреніе этихъ явленій. “Реальная цѣнность“ или, что то же самое, субъективная цѣнность, при нормальномъ ходѣ хозяйства должна была сливаться съ „естественной цѣнностью“ или средней рыночной цѣной на товары. Причиной же или факторомъ такого совпаденія выступало явленіе „спроса и предложенія“, которое, такимъ образомъ, относится въ равной мѣрѣ, какъ къ „цѣнности“, такъ и къ „цѣнѣ“. Впрочемъ, не во всѣхъ случаяхъ образованія „естественныхъ“ цѣнъ или цѣнностей роль „спроса и предложенія“ бывала одинаковой. Согласно мнѣнію Рикардо, „спросъ и предложеніе“ имѣютъ значеніе главнаго и независимаго фактора цѣнности лишь для благъ абсолютно рѣдкихъ, т.-е., не допускающихъ воспроизведенія путемъ труда. Сюда относятся вещи индивидуальныя, какъ древности, кар-

тины, предметы искусства и пр., и монополизированныя. Во всѣхъ этихъ случаяхъ отношеніе спроса къ предложенію или, что то же самое, рѣдкость товара, является единственнымъ факторомъ цѣнности, и въ этомъ толкованіи Рикардо, какъ мы и указывали выше, вполнѣ примыкаетъ къ ученію, установленному французскими экономистами со всѣми его достоинствами и недостатками. Однако, такая первенствующая роль „рѣдкости" представляется Рикардо исключительной, ибо большинство вещей допускаютъ воспроизведеніе помощью труда, и тогда, значеніе спроса и предложенія является лишь вспомогательнымъ, второстепеннымъ. Въ этомъ случаѣ „спросъ и предложеніе" объясняютъ лишь временныя и случайныя колебанія рыночныхъ цѣнъ (не представляющія для насъ никакого интереса), постоянный же уровень цѣнъ опредѣляется инымъ началомъ, выступающимъ въ полной своей силѣ, когда спросъ и предложеніе уравновѣшиваются, нейтрализируются и перестаютъ вслѣдствіе этого вліять на цѣнность. Согласно Смито-Рикардовской идеѣ, цѣнность или „естественная цѣна" или „средняя рыночная цѣна" свободно воспроизводимыхъ благъ всецѣло опредѣляется количествомъ труда, потребовавшимся для ихъ производства. Этотъ взглядъ явится ниже предметомъ нашего разсмотрѣнія.—Болѣе широкое значеніе придаетъ явленію „спроса и предложенія" Мальтусъ. По его мнѣнію „для даннаго времени и въ данномъ мѣстѣ цѣнность извѣстнаго предмета представляетъ оцѣнку его, опредѣляемую во всѣхъ случаяхъ отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ". (Malthus. Princ. of Politic. Economics P. 109). Такимъ образомъ, Мальтусъ распространяетъ вліяніе спроса и предложенія въ равной степени на всѣ предметы, что является вполнѣ логичнымъ, ибо нѣтъ никакихъ основаній ни субъективнаго, ни объективнаго свойства для того, чтобъ согласно Смиту и Рикардо ограничивать дѣйствіе этого фактора одной категоріей благъ. Непонятно, чѣмъ такимъ воспроизводимыя блага отличаются для

цѣнящаго ихъ субъекта отъ невоспроизводимыхъ, что могло бы его заставить совершенно отбросить свой прежній масштабъ вмѣсто того, чтобъ просто приложить его и къ новому свойству оцѣниваемыхъ вещей. Въ противоположность Рикардо, Мальтусъ полагаетъ, что цѣнность всѣхъ товаровъ въ конечномъ счетѣ опредѣляется всегда отношеніемъ спроса къ предложенію, хотя въ воспроизводимыхъ благахъ трудовая затрата регулируетъ интенсивность этого отношенія. А именно, блага стоющія незначительнаго труда производятся въ большомъ количествѣ, а требующія большой затраты послѣдняго — въ ограниченномъ. Во всякомъ случаѣ, Мальтусъ въ конечныхъ своихъ выводахъ подходитъ совершенно близко къ положеніямъ Смита и Рикардо, ибо утверждаетъ, что въ концѣ концовъ цѣна товаровъ, обращающихся на рынкѣ, приравнивается къ ихъ „естественной цѣнности“, что достигается уравновѣшеніемъ спроса и предложенія. Такимъ образомъ, мы во всѣхъ этихъ случаяхъ находимъ указаніе на „спросъ и предложеніе“, какъ на опредѣленный факторъ цѣнности болѣе или менѣе непосредственно стимулирующій ее, и болѣе или менѣе широкій по своему значенію, но всегда находящійся съ явленіемъ цѣнности въ извѣстномъ причинномъ отношеніи. Намъ приходится выяснить, насколько существовавшая въ то время теорія спроса и предложенія способна была дать удовлетворительное рѣшеніе вопроса о цѣнности

Какъ было сказано, теорія спроса и предложенія есть та же теорія рѣдкости, но видоизмѣненная въ цѣляхъ объясненія явленій товарнаго обмѣна. Поэтому по отношенію къ ней дѣйствительны всѣ тѣ возраженія, которыя были сдѣланы относительно „рѣдкости“, хотя и въ нѣсколько видоизмѣненной формѣ. Представляя ихъ здѣсь уже въ совокупности, мы ограничиваемся указаніемъ, что превратное пониманіе значенія „спроса и предложенія“ основывается такъ же на ошибочномъ толкованіи даннаго явленія, какъ самостоятельнаго и непо-

средственно вліяющаго на цѣнность, и на усмотрѣніи въ немъ лишь количественнаго отношенія между товарами. Какъ первое такъ и второе заблужденіе происходятъ отъ недостаточнаго проникновенія въ сущность экономическихъ процессовъ, что и „мѣшало открыть ихъ субъективную психологическую сторону. Теорія „спроса и предложенія“ не разрѣшаетъ намъ ни вопроса о томъ, что собственно слѣдуетъ понимать подъ этими явленіями, ни способа, какимъ они вліяютъ на цѣнность. Дѣйствительно, подъ отношеніемъ количества спроса къ количеству предложенія не можетъ подразумѣваться отношеніе количествъ товаровъ, фактически вступившихъ въ обмѣнъ. Въ этомъ смыслѣ „спросъ“ всегда покрываетъ „предложеніе“, ибо очевидно, что количество купленныхъ товаровъ не можетъ быть ни больше ни меньше количества проданныхъ за тотъ же промежутокъ времени. Поэтому отношеніе осуществившагося спроса къ предложенію всегда = 1 (единицѣ). Однако, отношеніе количества товаровъ, только предназначеннаго для продажи, къ количеству, искомому для покупки, такъ же мало можетъ служить показаніемъ относительной „рѣдкости“ данныхъ вещей и пояснить ихъ цѣнность. Во-первыхъ, количество спроса было бы неограниченнымъ, если не принимать во вниманіе, что оно регулируется съ самаго начала соображеніями о цѣнности; такъ же и количество предложенія, если считать, что производитель можетъ надѣяться на произвольную цѣну. Такимъ образомъ идея о количествѣ товаровъ, имѣющихся въ спросѣ и въ предложеніи, можетъ имѣть какой-либо смыслъ только при допущеніи предварительнаго существованія цѣнности въ вещахъ. Во-вторыхъ, самый результатъ отношенія „спроса“ къ „предложенію“ намъ не даетъ никакихъ указаній на цѣнность. Дѣйствительно, какое представленіе о цѣнности данной вещи мы можемъ получить, если узнаемъ, что она имѣется въ продажѣ въ количествѣ 50 штукъ, а ищется въ количествѣ 100 штукъ? Быть можетъ такой фактъ и

послужитъ объясненіемъ, почему данная вещь цѣнится дороже или дешевле, чѣмъ другая, находящаяся въ другомъ количествѣ на рынкѣ, однако, никакихъ положительныхъ данныхъ о величинѣ самой цѣнности данной вещи мы изъ него извлечь не сможемъ. Въ третьихъ, мы встрѣчаемъ на практикѣ множество вещей, которыя при одинаковомъ отношеніи спроса на нихъ къ предложенію обладаютъ тѣмъ не менѣе совершенно различными цѣнностями и при разномъ отношеніи спроса и предложенія совпадаютъ по своей цѣнности. Такимъ образомъ, пониманіе „спроса и предложенія“, какъ чисто внѣшняго, механическаго фактора, выступающаго въ видѣ отношенія количествъ обмѣниваемыхъ товаровъ, рѣшительно не можетъ способствовать объясненію явленія цѣнности. Впрочемъ, въ чистомъ видѣ мы встрѣчаемъ такое пониманіе лишь у самыхъ раннихъ англійскихъ экономистовъ, какъ напр., у Локка. Уже Джемсъ Стюартъ замѣтилъ недостаточность такого изслѣдованія, анализируетъ подробнѣе явленіе спроса и предложенія и указываетъ, что оно можетъ быть не только простымъ, но и сложнымъ. Въ послѣднемъ случаѣ выступаетъ конкурренція покупателей и продавцовъ, которая воздѣйствуетъ на интенсивность спроса или предложенія, при чемъ конкурренція покупателей повышаетъ цѣнность, а конкурренція продавцовъ понижаетъ ея уровень. Такимъ образомъ вводится впервые элементарное представленіе объ интенсивности спроса и предложенія. Адамъ Смитъ устанавливаетъ минимальную интенсивность, низшій предѣлъ ея, необходимый для того, чтобы спросъ могъ вліять на цѣнность, чтобы онъ являлся „дѣйствительнымъ“. Эта граница опредѣляется „естественной цѣнностью“ товара. Только тѣ покупатели имѣютъ вліяніе на образованіе цѣнъ, которые предлагаютъ цѣну равную или превосходящую „естественную цѣнность“ вещи. Такъ какъ для Смита спросъ и предложеніе не являлись единственными факторами при опредѣленіи цѣнности воспроизводимыхъ благъ, то по отно-

шенію къ нимъ такое положеніе понятно. Однако „спросъ и предложеніе“ не могутъ найти указаннаго предѣла въ примѣненіи къ тѣмъ благамъ, цѣнность которыхъ всецѣло опредѣляется отношеніемъ спроса къ предложенію, въ примѣненіи къ благамъ невоспроизводимымъ. Послѣднія не имѣютъ никакой „естественной цѣнности“ внѣ этого отношенія. Особенно способствовалъ развитію идеи объ „интенсивности“ спроса и предложенія Мальтусъ. Онъ вполнѣ ясно указалъ на то, что измѣненіе цѣнъ имѣетъ мѣсто не въ случаѣ простой количественной перемѣны въ спросѣ и предложеніи, а только въ томъ случаѣ, когда покупатель готовъ принести бо́льшую жертву при пріобрѣтеніи товара или продавецъ при сбытѣ его, чѣмъ раньше. Въ первомъ случаѣ слѣдуетъ повышеніе цѣнъ, во второмъ—паденіе ихъ. Такимъ образомъ мы можемъ наблюдать, какъ пониманіе „спроса и предложенія“ отъ чисто механическаго приближается къ психологическому. Этотъ переходъ напоминаетъ аналогичное водизмѣненіе понятія „рѣдкости“. Однако, и здѣсь проникновеніе въ сущность явленія пошло недостаточно далеко для того, чтобъ лишить явленіе „спроса и предложенія“ значенія самостоятельнаго фактора цѣнности, существующаго наряду съ полезностью вещи и отдѣльнаго отъ нея. Отношеніе спроса къ предложенію въ дѣйствительности такъ же неразрывно слито съ идеей о полезности вещи, какъ мы это видѣли относительно „рѣдкости“, хотя въ данномъ случаѣ мы имѣетъ дѣло съ болѣе узкимъ проявленіемъ послѣдней, охватывающемъ лишь явленія общественнаго характера. Пусть мы признаемъ, что товаръ долженъ подняться въ цѣнѣ, если покупатель готовъ платить за него дороже, но все же мы не понимаемъ, почему онъ хочетъ заплатить за него именно столько; почему онъ вообще хочетъ заплатить за него что-нибудь. Желаемое объясненіе можетъ быть получено лишь въ томъ случаѣ, если нашъ логическій анализъ приведетъ спросъ и предложеніе къ ихъ основнымъ элементамъ и обнару-

житъ, что они суть результатъ нашего представленія о вещахъ, какъ факторахъ удовлетворенія нашихъ потребностей. Иными словами, явленіе „спроса и предложенія“ можетъ быть правильно оцѣнено лишь въ непосредственной связи съ явленіемъ „полезности“, и оба эти явленія находятъ свое объясненіе и опредѣленіе по существу на основаніи изученія законовъ, руководящихъ человѣческими потребностями. Неопредѣленность въ пониманіи явленія „спроса и предложенія“ привела экономическую теорію къ одному заблужденію, которое явится ниже еще разъ предметомъ нашего разсмотрѣнія. Мы говоримъ объ ошибочномъ представленіи „уравновѣшиванія“ силъ спроса и предложенія, которое по мнѣнію экономистовъ являлось синонимомъ „нейтрализаціи“ ихъ или взаимнаго устраненія вліянія другъ друга. Видя въ спросѣ и въ предложеніи двѣ особыя побочныя силы, дѣйствующія въ противоположныхъ направленіяхъ, теоретики считали возможнымъ такое состояніе, когда при равенствѣ этихъ противоположныхъ силъ цѣнность становилась всецѣло функціей иного явленія. При этихъ условіяхъ вліяніе этого фактора выступало въ полномъ своемъ значеніи. Такое разсужденіе является либо чисто діалектическимъ пріемомъ, либо утвержденіемъ, основаннымъ на поверхностномъ пониманіи природы разсматриваемаго явленія. Такъ какъ объемъ и интенсивность спроса и предложенія находятся въ зависимости отъ силы существующей потребности въ товарахъ, то конкретное отношеніе, въ которомъ данные товары вступятъ въ обмѣнъ между собой, будетъ всегда результатомъ равновѣсія стремленій контрагентовъ къ обмѣну.

Однако, это „уравновѣшеніе“ не явится равнозначущимъ „нейтрализаціи“ или устраненію вліянія фактора „спроса и предложенія“, ибо спросъ и предложеніе всегда основываются на существующей въ насъ силѣ потребности, безъ которой не можетъ найти объясненія ни одно экономическое явленіе.—Не правильно также

и представленіе о „противоположности“ спроса и предложенія; оно основывается на рыночномъ взглядѣ покупателя на продавца, какъ на своего противника. Въ дѣйствительности и тотъ и другой суть совершенно равные контрагенты, стремящіеся къ наивозможно большей потребительной выгодѣ, извлекаемой въ данномъ случаѣ изъ обмѣна. Оцѣнка покупателя не можетъ уничтожить оцѣнки продавца и наоборотъ; онѣ даже не способны модифицировать другъ друга, ибо существуютъ помимо самаго факта обмѣна, когда еще нѣтъ ни покупателей ни продавцовъ. Поэтому цѣнность или, какъ говорили приверженцы „естественныхъ цѣнностей“, „реальная цѣнность“. „средняя“, „естественная“, „нормальная цѣна“, должна быть всегда результатомъ отношенія, существующаго между спросомъ и предложеніемъ въ широкомъ смыслѣ этихъ понятій. Взаимное уравновѣшеніе ихъ можетъ быть понятно лишь, какъ установленіе опредѣленнаго уровня цѣнъ, но не какъ взаимное погашеніе вліянія другъ друга. Заслуга точнаго выясненія смысла и роли „спроса и предложенія“ въ хозяйственныхъ процессахъ принадлежитъ теоріи послѣдняго времени, сумѣвшей проникнуть въ сущность этого вліянія, „das Problem an der Wurzel zu fassen“ и истолковать его помощью анализа индивидуальной психики субъектовъ, стремящихся къ обмѣну. Поскольку ихъ изслѣдованіе относится къ области „цѣнности“, оно явится въ дальнѣйшемъ предметомъ нашего разсмотрѣнія.

Кромѣ естественной „рѣдкости“ и ея соціальнаго проявленія въ видѣ отношенія „спроса“ къ „предложенію“, явленіемъ, ограничивающимъ вліяніе „полезности“ на цѣнность, приверженцы „естественныхъ“ цѣнностей считали издержки производства. Идея гармоніи интересовъ требовала отъ цѣнности, чтобы она служила справедливымъ выраженіемъ интересовъ всѣхъ участниковъ извѣстнаго хозяйственнаго процесса. Въ число послѣднихъ входитъ на ряду съ потребителемъ, производитель, наряду съ покупателемъ и продавецъ.

Поэтому, Рикардо замѣчаетъ относительно оцѣнки продукта по его полезности, что „это было бы вѣрно, если бы *одни покупатели* регулировали цѣнность продуктовъ; тогда конечно можно было бы разсчитывать, что люди платили бы за предметы цѣну, соотвѣтствующую тому значенію, которое они придавали бы имъ; но мнѣ представляется дѣло такъ, что покупатели абсолютно не участвуютъ въ установленіи цѣны. Все это дѣлается соперничествомъ продавцовъ, и хотя бы покупатели на самомъ дѣлѣ готовы были дать больше за желѣзо, чѣмъ за золото, они не могли бы сдѣлать это, потому что предложеніе регулировалось бы стоимостью производства". (Циг. по Мануилову „Понятіе цѣнн. у класс." стр. 161). Остальные экономисты, расходясь съ Рикардо во взглядѣ на значеніе, придаваемое интересамъ производителей, въ принципѣ вполнѣ съ нимъ сходятся, считая цѣнность выраженіемъ не только полезности вещи для потребителя, но также и ея стоимости для производителя. Однако, въ такомъ случаѣ было необходимо указать, какимъ образомъ измѣрялась цѣнность вещи для производителя, и въ результатѣ разсужденій по этому вопросу установилось воззрѣніе, что цѣнность вещи для производителя опредѣляется издержками, которыя потребовало ея производство. При формулировкѣ этого положенія экономисты нерѣдко употребляли вмѣсто термина „издержки производства", выраженіе „трудовая стоимость", которое вслѣдствіе своей двусмысленности внесло большое разногласіе въ пониманіе ихъ взгляда. Намъ кажется, что нѣтъ никакихъ вѣскихъ основаній для того, чтобъ считать экономистовъ даннаго періода приверженцами „трудовой" теоріи цѣнности и что „трудовая стоимость" означаетъ у нихъ стоимость труда въ самомъ широкомъ смыслѣ. Главная заслуга разработки понятія „издержекъ" принадлежитъ англійскимъ экономистамъ, такъ какъ условія времени и мѣста позволили имъ наблюдать промышленную дѣятельность при высшемъ ея напряженіи и подъемѣ, какъ это было

въ Англіи въ началѣ XIX в. Изъ французскихъ экономистовъ Тюрго указываетъ, что оцѣнка вещи человѣкомъ есть не что иное, какъ отчетъ, отдаваемый имъ самому себѣ въ количествѣ труда и времени, или выражаясь коротко, въ той части его силъ, которую онъ долженъ употребить для производства цѣннаго для него блага". (Turgot Oeuvres. T. 1, p. 80). Поэтому, по мнѣнію Адама Смита, и для пріобрѣтателя вещь имѣетъ цѣнность равную тому количеству труда, которое она ему сберегаетъ и соотвѣтствующую количеству, истраченному производителемъ на ея производство. Эти положенія и наводятъ на мысль о томъ, что указанные экономисты провозглашаютъ идею „трудовой цѣнности" въ чистомъ видѣ. Однако, ближайшее разсмотрѣніе доказываетъ намъ, что они не усматриваютъ въ трудѣ конечнаго техническаго факта, дающаго объективное количественное выраженіе для цѣнности благъ, ибо обыкновенно наряду съ трудомъ они выдвигаютъ значеніе капитала и земли въ дѣлѣ созданія цѣнностей. Пока отсутствуетъ частная собственность на землю и денежный капиталъ, въ періодъ первичнаго хозяйства, Смитъ, пожалуй, и склоненъ придать труду значеніе абсолютнаго показателя цѣнности. Однако, это объясняется тѣмъ, что онъ не считалъ себя обязаннымъ къ тщательному выясненію отношеній, существовавшихъ во времена подобнаго гипотетическаго состоянія. Пригодное для поясненія извѣстной мысли, оно отнюдь не представляло достаточно опредѣленныхъ данныхъ для научнаго наблюденія. Въ современномъ капиталистическомъ хозяйствѣ собственники земли и подвижного капитала дифференцируются отъ непосредственныхъ производителей товаровъ. Весь процессъ современнаго производства оцѣнивается Смитомъ съ точки зрѣнія предпринимателя, объединившаго въ своемъ предпріятіи силы всѣхъ этихъ трехъ экономическихъ группъ, съ цѣлью созданія новыхъ благъ. Хотя человѣческій трудъ и играетъ по мнѣнію Смита роль наиболѣе необходимаго фактора производ-

ства, однако, капиталъ обладаетъ способностью увеличивать интенсивность труда, а земля или естественныя богатства присоединяютъ къ нему вліяніе природныхъ силъ. „Трудовая стоимость“ исчисляется предпринимателемъ не въ абсолютныхъ количествахъ трудовой затраты, а сообразно его издержкамъ на оплату рабочаго времени. Нетрудовые доходы капиталиста и землевладѣльца входятъ въ предпринимательскій разсчетъ въ качествѣ отчисленій дохода на капиталъ и земельной ренты, Результатъ подобнаго тройного разсчета и опредѣляетъ „естественную“ цѣнность товара, которая, какъ видно, предполагаетъ всю совокупность издержекъ предпринимателя, а не только его издержки на трудъ рабочаго, и ужъ ни въ коемъ случаѣ не „трудовую стоимость“ въ видѣ абсолютнаго количества рабочаго времени. Рикардо держался по существу воззрѣнія весьма сходнаго съ воззрѣніемъ Смита, и его совсѣмъ не по заслугамъ относятъ нѣкоторые экономисты къ приверженцамъ „трудовой теоріи“ въ чистомъ видѣ (ср. противъ такого взгляда на ученіе Рикардо Böhm-Bawerk. Referat über Rikardo. Iahrbüch. f. Nationalök. n Statist. III T. B. I S. 879) Рикардо прекрасно сознаетъ вліяніе на ряду съ трудомъ и иныхъ факторовъ на цѣнность, и его положеніе можетъ быть сведено къ тому, что при равныхъ затратахъ капитала блага оцѣниваются пропорціонально ихъ „трудовой стоимости“. Рикардо приписываетъ труду значеніе не единственнаго, а только главнаго фактора цѣнности. (Мануиловъ. Понятіе цѣнности у класс. стр. 163. „Рикардо говоритъ, что трудъ служитъ только одной, хотя и главной изъ причинъ, опредѣляющихъ покупательную силу предметовъ“). Поэтому, Рикардо и замѣчаетъ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Макъ-Келлоку, что „строго говоря, относительныя количества труда, израсходованнаго на продукты, регулируютъ ихъ относительную цѣнность въ томъ случаѣ, если ничего, кромѣ труда не истрачено на нихъ и притомъ въ равные промежутки времени“. Однако,

при томъ нужно еще замѣтить, что во всѣхъ этихъ случаяхъ Рикардо говоритъ не о трудѣ, измѣряемомъ чисто техническимъ способомъ, а о трудѣ, количество котораго опредѣляется размѣромъ вознагражденія за него. Повышеніе заработной платы лишь тогда, по мнѣнію Рикардо, не имѣло бы вліянія на цѣнность, если бы произошло повсемѣстно и во всѣхъ отрасляхъ промышленности. Въ одномъ изъ писемъ къ Мальтусу Рикардо указываетъ, что постоянными причинами, которымъ должны быть приписаны измѣненія, происходящія въ цѣнности предметовъ, являются—колебанія въ заработной платѣ и количествѣ труда, затрачиваемаго на производство. Каково бы ни было относительное значеніе этихъ факторовъ по мнѣнію Рикардо признаніе за ними постояннаго и совмѣстнаго вліянія лишаетъ его „трудовую стоимость“ смысла чисто техническаго факта и разъясняетъ ее, какъ издержки на оплату рабочаго времени. Но, если такимъ образомъ Рикардо не считаетъ труда единственнымъ факторомъ цѣнности и не толкуетъ его съ точки зрѣнія чисто технической, мы имѣемъ полное основаніе причислить его ученіе къ теоріямъ „издержекъ производства“ и его „трудовой“ принципъ, считать не болѣе, какъ извѣстнымъ пріемомъ формулировки. Мальтусъ болѣе открыто возстаетъ противъ моднаго въ его время увлеченія quasi — трудовой идеей и полагаетъ, что трудовая оцѣнка возможна лишь при извѣстныхъ гипотетическихъ условіяхъ, не существующихъ въ настоящемъ, или являющихся лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія. Мальтусъ открыто выказываетъ себя приверженцемъ идеи „издержекъ“, опредѣляя ихъ какъ „расходъ накопленнаго и непосредственнаго труда, необходимаго для производства, плюсъ такой процентъ на весь капиталъ за все время производства, какой соотвѣтствуетъ уровню обычнаго дохода“. Не вдаваясь въ критику этого научно несовершеннаго опредѣленія „издержекъ“, мы лишь можемъ сказать, что оно характеризуетъ господство-

вавшее въ то время воззрѣніе „на издержки“, будто бы слагающіяся изъ расхода на оплату труда рабочихъ, капитала, уничтоженнаго въ производствѣ и предпринимательской прибыли. Съ практической точки зрѣнія такое пониманіе казалось вполнѣ достаточнымъ и наука, не стремившаяся еще въ этотъ періодъ къ широкимъ философскимъ обобщеніямъ, довольствовалась указаніемъ на сродство между этими элементами, сродство впрочемъ больше формальнаго характера, чѣмъ дѣйствительнаго. Для установленія этого сродства экономисты пользовались все тѣмъ же неопредѣленнымъ „трудовымъ“ принципомъ, стремясь искусственно приспособить къ нему идею „капитала“ и „дохода“. Это достигалось тѣмъ, что одни изъ нихъ сводили „капиталъ“ къ накопленному труду и потому считали возможнымъ толковать доходъ капиталиста, какъ видъ заработной платы (ср. Джемсъ Милль, Макъ-Келлокъ). Другіе же экономисты (напр. Сеніоръ) объяснили доходъ, какъ вознагражденіе капиталиста за услугу, состоящую во временномъ его воздержаніи отъ удовлетворенія тѣхъ потребностей, которымъ могъ бы служить его капиталъ, употребленный на потребительныя цѣли. Такъ формулируетъ содержаніе „издержекъ“ или „стоимости“ производства и Дж. Ст. Милль въ своихъ „Основаніяхъ Политической Экономіи“: „общими элементами стоимости производства“ говоритъ онъ „будутъ заработная плата и прибыль на капиталъ“ (стр. 430) „Прибылью“ же „называется вознагражденіе капиталиста за воздержаніе“ (стр. 414). Всѣ эти варіанты въ толкованіи издержекъ и объясненіи порядка ихъ воздѣйствія на цѣнность являются предметомъ нашего разсмотрѣнія лишь постольку, поскольку характеризуютъ общій той эпохѣ взглядъ на „издержки“ какъ на факторъ цѣнности. Стоитъ ли въ производствѣ только „трудъ“ или главнымъ образомъ „трудъ“ или наряду съ нимъ и пользованіе „капиталомъ“, и въ какомъ бы видѣ не происходило распредѣленіе общаго дохода

между непосредственными и посредственными участниками производства, для насъ является существеннымъ лишь слѣдующій фактъ: „естественная цѣнность“ товара съ точки зрѣнія производителя, по мнѣнію экономистовъ разсматриваемаго періода, опредѣляется суммой благъ, затраченныхъ имъ на производство даннаго продукта, каковъ бы ни былъ характеръ этихъ благъ. Эту теорію мы и обозначили теоріей „издержекъ производства“.

Объясненіе явленія цѣнности съ точки зрѣнія теоріи „издержекъ производства“ является въ научномъ отношеніи несостоятельнымъ. Оно могло удовлетворять лишь стремленію къ недалекимъ практическимъ обобщеніямъ, ибо строило свои выводы на произвольныхъ соображеніяхъ объ естественномъ порядкѣ и началахъ справедливости. Только при такихъ условіяхъ „издержки“ могли найти себѣ признаніе фактора цѣнности; находясь въ соотвѣтствіи съ цѣнностью большинства товаровъ, обращающихся на рынкѣ, онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ указывали на уровень „справедливаго“ вознагражденія производителя. Однако, въ дѣйствительности „издержки“, какъ фактъ чисто внѣшній, техническій, не могутъ стоять въ причинной связи съ цѣнностью продукта. Соотношеніе этихъ двухъ явленій можетъ быть истолковано лишь какъ извѣстный параллелизмъ, ибо совпаденіе „издержекъ“ съ „цѣнностью“ столь же мало доказываетъ ихъ причинную связь, какъ совпаденіе показаній часовой стрѣлки съ положеніями солнца на небѣ. Въ дѣйствительности издержки, затрачиваемыя капиталистомъ для производства, предполагаютъ цѣнность продукта уже существующей, а потому никакъ не могутъ создавать ея. Разсчетъ „издержекъ“, дѣлаемый производителемъ, имѣетъ цѣлью оправдать производство даннаго рода благъ путемъ выясненія перевѣса будущей цѣнности (общественной цѣнности) надъ настоящими расходами и опредѣленія выгоды предпринимателя. При нормальномъ ходѣ хозяйства и совер-

шенной организаціи его производитель долженъ дѣйствительно окупать свои „издержки“, однако, это происходитъ не потому, что послѣднія опредѣляютъ „естественную цѣнность“ продукта, а потому, что нормальный ходъ хозяйства и совершенная организація его благопріятствуютъ правильной оцѣнкѣ экономическаго состоянія общества и даютъ возможность производителю создавать лишь такія блага, цѣнность которыхъ покрываетъ его издержки. Оправдываются ли разсчеты производителя или нѣтъ, рѣшаетъ только дѣйствительность. Не существуетъ и не можетъ существовать никакого закона, по которому издержки обязательно опредѣляли бы величину цѣнности, какъ бы такой знакъ ни казался справедливъ, ибо издержки суть фактъ технической, а цѣнность—психологическій. Этимъ заблужденіемъ объясняется и затрудненіе, которое для экономистовъ той эпохи создавалъ всегда элементъ прибыли. Несомнѣнно, что послѣдняя входитъ обыкновенно въ „цѣнность“ предметовъ, однако какимъ образомъ она могла быть присоединена къ издержкамъ, опредѣляющимъ цѣнность? Какъ величина не существующая до самаго факта обмѣна, она никоимъ образомъ не могла пріобрѣсть наряду съ остальными издержками объективнаго, реальнаго значенія. Между тѣмъ, какъ элементъ присутствующій въ цѣнности, она должна была найти свое опредѣленное мѣсто среди издержекъ. Такимъ образомъ она оказывалась обыкновенно совершенно искусственно пристегнутой къ послѣднимъ, ибо причисленіе прибыли къ издержкамъ является либо чисто діалектическимъ пріемомъ, либо игрой воображенія, сводящей капиталъ къ „накопленному труду“, доходъ съ него къ „вознагражденію за воздержаніе“, прибыль къ оплатѣ труда предпринимателя и проч. и проч. Истина скрывается въ томъ, что исканіе „прибыли“ среди предметовъ внѣшняго міра является совершенно напраснымъ трудомъ — прибыль производителя пребываетъ въ психологической оцѣнкѣ товара потребителемъ. Производитель можетъ только

предвидѣть ее постольку, поскольку онъ способенъ предвидѣть экономическое значеніе создаваемаго имъ блага для извѣстной совокупности потребителей. Ни соображенія объ „издержкахъ“, ни тѣмъ болѣе забота о „прибыли“ предпринимателя не занимаетъ тѣхъ лицъ, которыя заинтересованы въ обладаніи вещью, и поэтому „реальная цѣнность“ послѣдней является величиной, зависящей отъ явленій иного порядка, чѣмъ вышеуказанныя. Издержки производства не могутъ разсматриваться, какъ естественная сущность цѣнности, тѣмъ болѣе, если къ нимъ приходится искусственно присоединять элементъ прибыли. Кромѣ этого соображенія, основывающагося на различіи явленія „издержекъ“ и „цѣнности“ по существу своему, насъ заставляетъ отказаться отъ „теоріи издержекъ“ и другое соображеніе, къ разсмотрѣнію котораго мы и приступаемъ.

Всякое объясненіе состоитъ въ подведеніи извѣстной группы фактовъ подъ одну болѣе общую причину. Полное научное объясненіе должно состоять въ обоснованіи явленія на такомъ фактѣ, причина котораго лежитъ уже внѣ области даннаго знанія. Теорія „издержекъ“ не приводитъ насъ къ такому конечному факту и потому не можетъ быть признана удовлетворяющей научные запросы. Законъ „издержекъ“ стоитъ какъ говоритъ Бемъ-Баверкъ, „по серединѣ самаго теченія объясненія: онъ объясняетъ нѣкоторыя явленія, однако, нуждается въ дальнѣйшемъ самъ въ объясненіи при помощи иныхъ, болѣе общихъ явленій“. (Böhm-Bawerk. Wert, Kosten u. Grenznutzen. Jahr. f. Nationalök.u. Stat. III F. 3 B. S. 329). Дѣйствительно, если цѣнность продукта опредѣляется по издержкамъ, которыя потребовало его производство, то возникаетъ вопросъ, чѣмъ опредѣляется цѣнность этихъ издержекъ. Согласно данной теоріи цѣнность средствъ производства или производственныхъ благъ должна основываться въ свою очередь на цѣнности благъ, затраченныхъ на *ихъ* производство. И далѣе, отступая

отъ разсмотрѣнія одной ступени къ предыдущей намъ придется либо продолжать наше изслѣдованіе до безконечности, либо возвратиться къ исходному положенію и допустить типическій логическій кругъ въ опредѣленіи. Наши поиски не будутъ закончены, какъ полагаютъ нѣкоторые, когда мы подойдемъ къ труду, какъ производственному благу для данной категоріи вещей. Трудъ есть такое же средство производства, какъ и всѣ остальныя, ибо такъ же потребляется, такъ же котируется на рынкѣ и измѣняется въ своей цѣнности, какъ и остальныя блага. Очевидно, что согласно разсматриваемой теоріи, цѣнность труда должна опредѣляться такъ же, какъ и цѣнность другихъ благъ, стоимостью его средствъ производства, т. е. стоимостью продуктовъ, необходимыхъ для поддержанія силъ рабочаго, а это насъ вновь возвращаетъ къ безконечной цѣпи вопросовъ о причинахъ цѣнности. Лишь тогда нашъ анализъ можетъ быть успѣшенъ, когда приведетъ насъ къ разсмотрѣнію цѣнности какого либо блага, относящагося къ числу рѣдкихъ благъ, т. е. невоспроизводимыхъ трудомъ. Однако, въ такомъ случаѣ теорія „издержекъ“ не является окончательной и самостоятельной теоріей цѣнности, какъ это полагаютъ ея приверженцы, ибо въ концѣ концовъ опирается на теорію „рѣдкости“, установленную для благъ, не допускающихъ воспроизведенія. Такимъ образомъ „теорія издержекъ производства“ не можетъ разсматриваться, какъ давшая научное обоснованіе явленію цѣнности.

Мы видимъ, что экономическая наука этого періода выработала и установила какъ бы двѣ теоріи цѣнности: одна изъ нихъ относилась къ потребителямъ— это была теорія „рѣдкости“, другая къ производителямъ—это была теорія „издержекъ производства“. Остается совершенно не выясненнымъ вопросъ, чѣмъ именно разграничивается вліяніе этихъ двухъ факторовъ на цѣнность; почему, если благо можетъ быть цѣнно, не имѣя трудового происхожденія (рѣдкое благо), тѣ-же

причины не могутъ увеличить цѣнности блага, произведеннаго трудомъ. Тѣмъ не менѣе эти два фактора все же не противорѣчатъ другъ другу при оцѣнкѣ вещей. Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ существуютъ рядомъ „трудъ“ и „рѣдкость“, они оба способствуютъ въ равной мѣрѣ установленію *одной* „цѣнности“, а не двухъ различныхъ, и эта цѣнность и является „естественной цѣнностью“ блага. Она, согласно идеѣ гармоніи интересовъ, служитъ справедливымъ примиреніемъ требованій производителя и потребителя, составляя для нихъ, такъ сказать, двѣ стороны одной и той же плоскости, къ которой каждый изъ нихъ подходитъ съ противоположной стороны — производитель со стороны — „издержекъ“, а потребитель со стороны „рѣдкости“. Факторомъ, служащимъ установленію подобной гармоніи интересовъ производителя и потребителя, этого справедливаго и естественнаго порядка, является — свободная конкуренція. Лишь при условіи послѣдней можетъ восторжествовать справедливость и „естественная цѣнность“ найти выраженіе въ средней рыночной цѣнѣ, на пользу производителей, потребителей и всего общества. Намъ не приходится вдаваться въ подробное разсмотрѣніе значенія и возможности такой „свободной“ конкурренціи, ибо этотъ вопросъ не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ нашей темѣ. Мы ограничимся лишь замѣчаніемъ, что предположеніе о возможности таковой въ современномъ общественномъ хозяйствѣ является чистѣйшей фикціей. Соціальныя и экономическія условія обезпечиваютъ, такъ сказать апріори, преобладаніе за представителями извѣстныхъ классовъ населенія; большинство существующихъ благъ, окружено монополіями, охраняемыми самой природой или государственной властью; капиталъ далеко не обладаетъ приписываемой ему подвижностью, ибо будучи однажды вложенъ въ предпріятіе не можетъ быть тотчасъ же вновь извлеченъ изъ него. Наконецъ, и благотворность свободной конкурренціи

далеко не можетъ служить общимъ правиломъ, ибо нерѣдко вмѣсто того, чтобы приводить къ общему благу и устанавливать справедливость, конкуренція лишь болѣе гарантируетъ экономическое преобладаніе одной изъ сторонъ, а именно—сильнѣйшей.

Въ такомъ видѣ представляются результаты разработки проблемы о цѣнности въ разсматриваемомъ періодѣ. Мы постарались представить лишь общую тенденцію, господствовавшую въ то время въ изслѣдованіи даннаго вопроса, и это не только потому, что болѣе подробное разсмотрѣніе ученій каждаго изъ экономистовъ потребовало бы слишкомъ большой затраты времени, но также и потому, что такое общее освѣщеніе лучше всего можетъ охарактеризовать существовавшее тогда научное направленіе. Насколько типично и опредѣленно это общее направленіе, настолько же неясны и сбивчивы взгляды отдѣльныхъ экономистовъ того періода. Бемъ-Баверкъ считаетъ большой ошибкой, приписывать классическимъ героямъ большую степень ясности и самокритики, чѣмъ они въ дѣйствительности обладаютъ. Приводимъ его мнѣніе относительно даннаго вопроса. „Такая ошибка допускается часто въ наше время, именно когда требуется отыскать для какой либо современной теоріи ея историческаго предка. Тогда находится у Смита или Сея или Сеніора какое нибудь короткое замѣчаніе по этому поводу, которое, если приложить къ нему много фантазіи и тонкой логики отъ себя, *можетъ* быть направлено на тотъ же путь, который дѣйствительно избрала позднѣйшая теорія. Правда, при этомъ находятся обыкновенно также и другія замѣчанія, которыя діаметрально противоположны первому толкованію: ничего не значитъ! На все несоединимое закрываютъ глаза, помѣщаютъ вырванное замѣчаніе подъ микроскопъ, увеличиваютъ и развиваютъ его, и въ результатѣ получается, будто великій предокъ проводилъ чуть ли не со всѣми подробностями, извѣстную теорію, о которой въ дѣйствительности онъ

еще совсѣмъ и не думалъ! Это поведеніе очень почтительно относительно великихъ предковъ, но весьма неисторично. Неприкрашенная же и естественная правда та, что несмотря на всю личную геніальность классиковъ, они во многихъ вопросахъ, въ которыхъ и въ настоящее время ясно не разобрались, еще менѣе ясно оріентировались... Въ большинствѣ случаевъ, когда при первоначальномъ изслѣдованіи имъ открывались нѣсколько путей для объясненія, они оставались, въ неизвѣстности по серединѣ между ними, зачастую сами не сознавая хорошо своего колебанія. Въ такомъ именно положеніи мнѣ представляется дѣло у А. Смита относительно проблемы цѣнности". Вслѣдствіе этого и ученіе о цѣнности Рикардо признается то основаніемъ усовершенствованной въ послѣднее время теоріи издержекъ производства (ср. Дитцель), то краеугольнымъ камнемъ совершенно противоположной соціалистической теоріи трудовой цѣнности. Въ дѣйствительности Рикардо колеблется между первымъ и вторымъ пониманіемъ, хотя, какъ мы указывали, съ нашей точки зрѣнія онъ долженъ быть причисленъ скорѣе къ приверженцамъ теоріи „издержекъ". Во всякомъ случаѣ нашъ пріемъ историческаго разсмотрѣнія, сводящійся къ характеристикѣ направленія цѣлаго періода въ разработкѣ извѣстнаго вопроса, а не ученій отдѣльныхъ экономистовъ, избавляетъ насъ отъ множества нареканій, особенно легко возникающихъ относительно ученій неясныхъ и неопредѣленныхъ, принадлежащихъ къ первой стадіи развитія науки.

Подводя итогъ всему тому наиболѣе существенному, что было сдѣлано и не сдѣлано за этотъ періодъ въ области теоріи цѣнности, мы можемъ замѣтить слѣдующее. Самое понятіе цѣнности еще не было уяснено и ясно формулировано. Условія, необходимыя для возникновенія цѣнности были поняты лишь весьма несовершенно, чему способствовало объектированье явленій, служащихъ факторами цѣнности.

Такъ, полезность, которая представлялась общей предпосылкой цѣнности, понималась какъ опредѣленное свойство цѣлыхъ категорій или родовъ вещей; „рѣдкость“ и частное проявленіе ея—отношеніе спроса къ предложенію—разсматривались какъ факторы внѣшніе и совершенно самостоятельные; далѣе, издержкамъ производства, какъ явленію чисто техническому, внѣшнему, приписывалась такъ же роль фактора цѣнности благъ, воспроизводимыхъ трудомъ. Наконецъ, законы, управляющіе движеніемъ цѣнности благъ, были устанавливаемы либо совершенно произвольно, на основаніи чисто раціоналистическихъ предпосылокъ о „естественности“ и „справедливости“, либо изъ соображеній узко практическаго свойства, ищущихъ лишь приблизительныхъ эмпирическихъ обобщеній. Пренебреженіе психологической стороной изучаемыхъ явленій и породило непониманіе относительности всѣхъ существующихъ цѣнностей и той ожесточенной соціальной борьбы, которая царитъ въ дѣйствительной жизни и проникаетъ всѣ экономическія отношенія. Всѣ эти промахи являются слѣдствіями научной несдержанности и метафизическаго увлеченія, характеризующихъ эпоху раціонализма. Идея „естественныхъ цѣнностей“ является всецѣло типическимъ продуктомъ этого направленія.—Однако, это направленіе заслуживаетъ, несмотря на свое несовершенство, все же почетнаго мѣста въ исторіи ученія о цѣнности. Смѣлый полетъ разума, не боявшагося опаснаго пути дедукціи, успѣлъ подойти, хотя и поверхностно и не вполнѣ сознательно, ко всѣмъ труднѣйшимъ сторонамъ проблемы о цѣнности и, если не проникъ до самаго основанія ея, то намѣтилъ всѣ тѣ пути, по которымъ двинулось позднѣйшее изслѣдованіе. Какъ приверженцы трудовой теоріи, такъ и теоретики полезности, а вмѣстѣ съ ними и представители многочисленныхъ теорій, ищущихъ примиренія между этими двумя крайними взглядами, могутъ найти зародыши своихъ идей въ

указанномъ періодѣ. А потому, если научная критика и заставляетъ насъ признать несовершенство разсмотрѣнныхъ взглядовъ и непригодность ихъ для удовлетворенія запросовъ современной науки, то должная ширина кругозора требуетъ удѣленія имъ почетнаго мѣста въ исторіи эволюціи экономическаго знанія и подобающей имъ относительной оцѣнки. Намъ кажется, что историческое значеніе ученія „классиковъ“ вообще и въ частности ихъ теоріи цѣнности или „естественной цѣнности“, какъ мы ее обозначили, должно найти общее и единодушное признаніе.

Теоріи абсолютныхъ цѣнностей.

Разсмотрѣніе теорій „естественныхъ“ цѣнностей, главнѣйшими представителями которыхъ являются экономисты „классической“ школы, должно убѣдить насъ въ томъ, что понятіе „классицизма“ въ экономикѣ далеко не соотвѣтствуетъ тому представленію о немъ, которое выработала въ насъ культурно-историческая точка зрѣнія. Вмѣсто строгости формъ, сдержанности, доходящей до скрытности, цѣльности, основанной на совершенной гармоніи частей, вмѣсто безпрекословнаго подчиненія установленному закону, почти граничащаго съ подавленіемъ всякой индивидуальности, мы находимъ въ экономическомъ классицизмѣ совершенно противоположныя свойства. Поэтому ни методы, ни принципы экономическаго „классицизма“ не могутъ разсчитывать на свое „возрожденіе“; наоборотъ, научная эволюція требуетъ отъ знанія все большей эмансипаціи отъ нихъ и толкаетъ его къ новымъ болѣе совершеннымъ способамъ изслѣдованія. Во всѣхъ областяхъ знанія, проникнутыхъ раціоналистическими тенденціями соціальной метафизики XVIII столѣтія, послышался сперва глухой, а потомъ все болѣе громкій и открытый протестъ противъ аксіомальныхъ предпосылокъ, низводящихъ науку на степень игры воображенія и чувства. Люди поняли, наконецъ, что каждое явленіе представляетъ изъ себя продуктъ долговременной и сложной эволюціи, которая совершенно преобразуетъ какъ форму его, такъ и содержаніе; что „естественное“ намъ представляется таковымъ лишь вслѣд-

ствіе многолѣтняго, вѣрнѣе многовѣковаго приспособленія нашихъ идей къ насъ окружающимъ и въ насъ существующимъ отношеніямъ физическаго, соціальнаго, индивидуально-психологическаго, этическаго характера. Для всего того, что казалось до тѣхъ поръ простымъ и апріорнымъ, разумъ потребовалъ объясненія и болѣе глубокаго историческаго обоснованія. Такъ случилось и съ явленіемъ „цѣнности", объясненіе которой, какъ „справедливой" нормы мѣнового отношенія товаровъ, обезпечивающей всеобщее благополучіе, стало нуждаться въ подтвержденіи фактами и въ обоснованіи болѣе научными принципами, чѣмъ „предустановленная гармонія интересовъ". Недостаточность изслѣдованія, опирающагося на недоказуемыя предпосылки господства эгоизма, совершеннаго познанія экономическихъ интересовъ, свободы экономическаго самоопредѣленія, всемогущества труда и капитала, и полнаго равенства людей въ ихъ свойствахъ и стремленіяхъ, какъ субъектовъ хозяйства, сдѣлалась очевидной. Созданная старой наукой картина всеобщаго благополучія перестала считатсья изображеніемъ дѣйствательности. Гасбахъ характеризуетъ всѣ недостатки экономической науки описаннаго періода однимъ словомъ она „неисторична". „Вѣроятно", говоритъ онъ далѣе „допустятъ правильность моего сужденія относительно физіократовъ, но что касается Адама Смита, то мое утвержденіе будетъ оспариваться самымъ рѣшительнымъ образомъ. Для доказательства укажутъ на богатство историческаго матеріала, историческихъ примѣровъ, соціологическихъ наблюденій въ его экономическомъ сочиненіи. Дѣйствительно эти изслѣдованія столь обширны и цѣнны, что у Беджгота и Делатура могла даже явиться мысль о томъ, будто Смитъ имѣлъ въ виду написать исторію цивилизаціи. Однако, возражающіе упускаютъ самый существенный моментъ. Представлять историческіе примѣры и исторически мыслить и чувствовать—вещи по существу своему совершенно различныя" (Hasbach. Allgem. Philosoph.

Grundlagen. S. 175). Итакъ, методомъ новаго направленія должна была явиться не чисто абстрактная дедукція изъ произвольно установленныхъ апріорныхъ принциповъ, какъ это дѣлали поборники „естественныхъ цѣнностей“, а соединенное примѣненіе дедуктивнаго и индуктивнаго изслѣдованія къ даннымъ, полученнымъ путемъ объективнаго наблюденія фактовъ дѣйствительности. Не всѣмъ, конечно, экономистамъ удавалось въ равной степени стоять на высотѣ этой задачи, но значительный успѣхъ сказывался уже во всеобщности сознанія этой необходимости объективнаго наблюденія настоящаго и изслѣдованія прошлаго, единственно способныхъ обнаружить единообразіе въ пестрой смѣнѣ экономическихъ явленій.

Таковы были задачи, поставляемыя методу. Однако, наука преслѣдовала еще и другую цѣль, касающуюся сущности выводимыхъ ею обобщеній. Какъ мы указывали, наука перваго періода не успѣла еще эмансипироваться отъ непосредственныхъ практическихъ задачъ. Это вполнѣ понятно, ибо отдѣленіе знанія отъ жизни, изъ которой оно беретъ свое начало, возможно лишь на болѣе высокихъ стадіяхъ его развитія. На первыхъ порахъ всякая наука является больше искусствомъ, и въ молодой экономической теоріи XVIII в., хотя она уже успѣла значительно возвыситься къ тому времени надъ уравнемъ прикладного знанія, все же еще очень замѣтно царилъ коммерческій духъ. Вопросы рынка неизмѣнно выдвигались на первый планъ и объясненіе ихъ не доходило глубже, чѣмъ это было необходимо, чтобъ удовлетворить купца или промышленника. Такимъ образомъ причинные ряды, приводимые, для объясненія различныхъ экономическихъ явленій обыкновенно обрывались на какомъ-либо внѣшнемъ, осязательномъ фактѣ, ибо дальнѣйшее изслѣдованіе было безразлично для коммерсанта. Мы убѣдились, что такой же поверхностью страдаетъ и анализъ интересующаго насъ явленія цѣнности. Всѣ факты, положенные въ ея основаніе, оказываются изслѣдован-

ными лишь въ отношеніи ихъ внѣшнихъ проявленій, что создаетъ въ данномъ случаѣ не только неполноту объясненія, но неправильность его, ибо ведетъ къ непониманію самой сущности разбираемыхъ явленій. Это ограниченіе сферы теоретическаго обобщенія чисто внѣшними свойствами разсматриваемыхъ явленій и заставляетъ Цуккеркандля обозначить описанное направленіе „механическимъ“. Однако, такое обозначеніе неточно. Механика отнюдь не уклоняется отъ самаго тщательнаго изслѣдованія величины и направленія силъ, обусловливающихъ извѣстныя явленія, и экономической теоріи можно только пожелать производить свои наблюденія и дѣлать заключенія съ такой же точностью, какой достигаетъ механика въ своей сферѣ. Поэтому обозначеніе поверхностно-практическаго направленія незрѣлой экономической науки „механическимъ“ представляется либо незаслуженнымъ униженіемъ механики, либо столь же несправедливымъ возвышеніемъ коммерческой экономики. Намъ кажется, что вѣрнѣе будетъ назвать обобщенія, полученныя на основаніи чисто внѣшнихъ данныхъ и ставящія цѣлью установить лишь приблизительный эмпирическій законъ, положеніями *относительной истинности*. Они носятъ въ себѣ лишь нѣкоторый элементъ правды, вполнѣ достаточный для практическаго обихода, однако, неспособный удовлетворить запросы науки, стремящейся къ абсолютной истинѣ. Такъ, морякъ открываетъ причину морскихъ волнъ въ силѣ вѣтра, который ихъ поднимаетъ, и вполнѣ довольствуясь сдѣланнымъ наблюденіемъ, остерегается выѣзжать въ бурную погоду на море; метеорологъ же сочтетъ такое объясненіе неудовлетворительнымъ, какъ обладающее лишь относительной истинностью, и постарается выяснить конечную причину непогоды, изслѣдуя вліяніе всей совокупности астрономическихъ и климатическихъ факторовъ на погоду. Тогда какъ частное обобщеніе мореплавателя приводитъ его лишь къ извѣстнымъ полезнымъ практи-

ческимъ правиламъ, научное обобщеніе метеоролога создаетъ объясненіе, приводящее явленіе къ границамъ данной области знанія, а потому конечное, абсолютно истинное (конечно, не въ метафизическомъ смыслѣ этого слова).

Въ разработкѣ теоріи цѣнности прогрессъ научнаго изслѣдованія сказался такъ же въ требованіи конечнаго, абсолютнаго объясненія явленія экономической цѣнности. Въ этомъ смыслѣ должны быть поняты попытки теорій, являющихся предметомъ нашего дальнѣйшаго разсмотрѣнія. И здѣсь, конечно, нельзя уравнять всѣхъ теорій по степени ихъ совершенства, ибо нѣкоторыя изъ нихъ даже склонны реабилитировать старое „классическое“ воззрѣніе на цѣнность, хотя и въ видоизмѣненной формѣ. Такъ же, какъ „въ природѣ нѣтъ скачковъ“, такъ ихъ не можетъ быть въ исторіи и потому всякія рѣзкія „безусловныя“ разграниченія какихъ либо идейныхъ теченій невозможны; но это, тѣмъ не менѣе, не лишаетъ насъ права систематически группировать матеріалъ нашего изслѣдованія. Выше мы постарались указать на характерныя черты, могущія служить основаніемъ для отдѣленія новой экономической теоріи отъ старой. Въ частности, усовершенствованія, достигнутыя экономическимъ изслѣдованіемъ, коснулись и разработки интересующаго насъ вопроса о цѣнности. Преобладаніе новыхъ, указанныхъ выше, принциповъ въ разработкѣ этой проблемы и дало намъ право обозначить новыя теоріи цѣнности во всей ихъ совокупности—теоріями „абсолютныхъ цѣнностей“. Къ таковымъ мы причисляемъ: 1) трудовую теорію, 2) теорію полезности 3) теоріи компромисса. Соблюдая данный порядокъ мы и приступаемъ къ разсмотрѣнію каждой изъ нихъ.

I. Трудовая теорія цѣнности.

Трудовая теорія цѣнности имѣетъ многочисленныхъ предвозвѣстниковъ въ первомъ періодѣ развитія

экономической науки. Пети, Смитъ, Макъ-Келлокъ и Рикардо были склонны придавать труду большое значеніе въ дѣлѣ созданія цѣнностей. Однако, окончательное развитіе и ясную формулировку эта теорія получила лишь въ ученіи Родбертуса и особенно у Маркса. Хотя, послѣ выхода въ свѣтъ перваго тома „Капитала“ прошло уже около полувѣка, не смотря на то, что благодаря извѣстнымъ условіямъ ученіе Маркса получило столь широкое распространеніе, какъ можетъ быть ни одна научная доктрина, все-же теорія трудовой цѣнности остается до настоящаго времени въ томъ самомъ видѣ, какъ она была впервые создана. Напрасно объяснять это состояніе неподвижности тѣмъ совершенствомъ, которымъ будто бы обладаетъ научное построеніе Карла Маркса, ибо какъ бы ни былъ геніаленъ отдѣльный человѣкъ, время, выдвигающее соединенныя силы всего человѣчества все же оказывается могущественнѣе, чѣмъ онъ, и преобразуетъ то, что нѣкогда казалось совершеннымъ. Застой въ развитіи трудовой теоріи объясняется тѣмъ фактомъ, что лучшія научныя силы отказались отъ стремленія обосновать цѣнность на трудѣ, признавъ эту задачу безнадежной. Въ лицѣ многочисленныхъ приверженцевъ трудовой теоріи мы можемъ правда признать могущественную соціально-политическую силу, но весьма незначительную научную величину. Поэтому разсмотрѣніе трудовой теоріи цѣнности сводится почти исключительно къ разбору ученія Маркса, ученія, составляющаго вполнѣ естественно основаніе всей его соціально-экономической системы.

Прежде всего намъ необходимо указать, въ какомъ значеніи „цѣнность“ у Маркса соотвѣтствуетъ тому пониманію, которое установили мы для этого слова, чтобы не выходить изъ сферы разсматриваемаго нами явленія. Мы уже упоминали о различномъ пониманіи термина „цѣнность“, существовавшемъ до самаго послѣдняго времени; вслѣдствіе этого приходится не довѣрять слову, хотя и звучащему одинаково, но по-

нимаемому различно, а предварительно анализировать его значеніе. Въ цервой главѣ „Капитала“ Марксъ занимается опредѣленіемъ различныхъ формъ „цѣнности“, и мы сразу же можемъ убѣдиться въ томъ, что его понятія „потребительной цѣнности“ и „мѣновой цѣнности“ должны быть устранены нами изъ сферы нашего разсмотрѣнія. На стр. 2, мы читаемъ, что потребительныя цѣнности, образуютъ матеріальное содержаніе богатства. „Само товарное тѣло, напр., желѣзо, пшеница, алмазъ, есть поэтому потребительная цѣнность“; „когда рѣчь идетъ о потребительной цѣнности, предполагается всегда опредѣленное количество ея, напр., дюжина часовъ, аршинъ холста, тонна желѣза и т. д. Потребительныя цѣнности товаровъ служатъ предметомъ особой отрасли знанія—товаровѣдѣнія“. Мы понимаемъ „потребительную цѣнность“ иначе, именно, какъ значеніе данной вещи для человѣка въ качествѣ объекта непосредственнаго потребленія, почему и считаемъ ее предметомъ экономической теоріи, а не „товаровѣдѣнія“. Впрочемъ, эта условность въ обозначеніи Маркса не можетъ еще повредить содержанію его теоріи, однако, очевидно, что отличіе въ пониманіи „потребительной цѣнности“ отъ установленнаго нами достаточно рѣзко, чтобы дать намъ право исключить „потребительную цѣнность“ Маркса изъ нашего изслѣдованія. То же самое должно быть замѣчено относительно „мѣновой“ цѣнности. „Мѣновая цѣнность“ по словамъ Маркса „представляется прежде всего въ видѣ количественнаго отношенія, пропорціи, въ которой потребительныя цѣнности одного рода обмѣниваются на потребительныя цѣнности другого рода, и это отношеніе постоянно мѣняется по мѣсту и времени“. „Какой нибудь товаръ, положимъ квартеръ пшеницы, обмѣнивается на X сапожной ваксы или Y шелка, Z золота и т. д., словомъ они обмѣниваются въ разнообразнѣйшихъ отношеніяхъ на другіе товары. Слѣдовательно, пшеница, вмѣсто одной имѣетъ много мѣновыхъ цѣнно-

стей". Эта выдержка убѣждаетъ насъ, что, говоря о „мѣновой цѣнности", Марксъ имѣетъ въ виду другое явленіе, чѣмъ мы. Количественное отношеніе между обмѣниваемыми товарами или „пропорція" обмѣна есть объективный фактъ, который долженъ именоваться съ нашей точки зрѣнія—„цѣной". „Цѣна" же и „мѣновая цѣнность" или значеніе предмета, какъ объекта обмѣна, суть понятія далеко не тождественныя, ибо „субъективная цѣнность" одной и той же цѣны можетъ быть весьма разнообразной. Далѣе утвержденіе, что одинъ какой нибудь товаръ, какъ, напр., пшеница, „имѣетъ много мѣновыхъ цѣнностей" также доказываетъ смѣшеніе объективнаго факта съ субъективнымъ, „ибо „цѣнность", какъ значеніе, можетъ быть большей или меньшей, но не можетъ быть разнородной и приравниваемой *веществу* „алмаза", „желѣза" или „сапожной ваксы". Какъ бы различны ни были по внѣшнему своему виду предметы, вступающіе въ обмѣнъ, „цѣнность" ихъ можетъ оставаться всегда одинаковой. Такъ же, какъ въ „потребительной цѣнности", такъ и въ „мѣновой цѣнности", Марксъ видитъ нѣкоторую конкретную, объективную величину, что противорѣчитъ нашей точки зрѣнія и заставляетъ насъ отнести явленія, обозначаемыя этими терминами, къ иной области, чѣмъ та, которую предполагаетъ наше понятіе „цѣнности". „Мѣновая" и „потребительная цѣнность" у Маркса обозначаютъ совершенно иное, чѣмъ „мѣновая" и „потребительная цѣнность" въ установленномъ нами значеніи.

Однако, мы можемъ найти у Маркса также понятіе, соотвѣтствующее нашему представленію о цѣнности. Правда, Марксъ не даетъ ему положительнаго опредѣленія и, собственно, оставляетъ безъ всякаго разъясненія сущность того явленія, которое кладетъ краеугольнымъ камнемъ въ основаніе всей своей системы. „О значеніи „цѣнности" у Маркса", говоритъ Франкъ „мы можемъ только догадываться на основаніи отрывочныхъ замѣчаній, и относящіяся къ этому понятію

положенія остаются быть можетъ самымъ неяснымъ пунктомъ всей системы Маркса". Такъ же и его предшественникъ Родбертусъ. Они оба изслѣдуютъ условія, при которыхъ вещи обладаютъ цѣнностью, величину ея, и способъ ея измѣренія, однако не пытаются путемъ точнаго опредѣленія сущности явленія, понимаемаго подъ „цѣнностью", устранить тѣ недразумѣнія, которыя могутъ быть вызваны различнымъ пониманіемъ одного и того же слова. Эта непредѣленность, которая благодаря санкціи разговорной рѣчи пріобрѣла характеръ кажущейся простоты и ясности, способствовала нѣкоторымъ грубымъ логическимъ ошибкамъ у самаго Маркса и даже дала поводъ обвинять его въ преднамѣренной неясности, дающей ему возможность прибѣгать къ логическимъ подтасовкамъ для доказательства своихъ тезисовъ. (Ср. Бемъ-Баверкъ. Теорія Карла Маркса и ея критика. Стр. 70—80; Zuckerkandl. Zur Theorie d. Preises S. 289: „Marx hat seine Lehren dialektisch entwickelt und sie absichtlich in eine so dunkle Form gehullt, dass das einfachste schwer verständlich wird"). Однако, какъ кажется, мы имѣемъ полное основаніе понимать „цѣнность" приверженцевъ трудовой теоріи въ извѣстномъ случаѣ именно, какъ субъективное значеніе вещей для человѣка. Тотъ фактъ, что товары способны обмѣниваться другъ на друга доказываетъ, по мнѣнію Маркса, присутствіе въ нихъ нѣкоторой общей субстанціи. „Мѣновая цѣнность" является лишь способомъ выраженія, формой проявленія этой „субстанціи цѣнности", „внутренней мѣновой цѣнности" „valeur intrinsèque". Однако, „этимъ общимъ не можетъ быть ни геометрическое, ни физическое, ни химическое, ни какое-либо иное естественное свойство товаровъ". „То общее, которое выражается въ мѣновомъ отношеніи или въ мѣновой цѣнности товаровъ, это—ихъ цѣнность". Въ этихъ выдержкахъ, общихъ и неясныхъ, мы находимъ лишь одно категорическое указаніе на невещественность самаго явленія цѣнности. Если же „цѣнность" не существуетъ въ видѣ факта внѣшняго

міра, то она очевидно должна быть разсматриваема, какъ продуктъ нашего сознанія, какъ явленіе психологическаго свойства. Это пониманіе и сближаетъ „цѣнность“ Маркса съ представленіемъ о ней, господствующимъ въ современной наукѣ. Дальнѣйшія положенія подтверждаютъ это соображеніе. „Въ противоположность чувственно грубому бытію товарныхъ тѣлъ, бытіе цѣнностей не заключаетъ въ себѣ ни одного атома матеріи“, говоритъ Марксъ на стр. 13. Чтобы пояснить возможность такого нематеріальнаго характера цѣнности, Марксъ приводитъ „геометрическій примѣръ“. „Чтобы измѣрять и сравнивать площади всѣхъ прямолинейныхъ фигуръ, ихъ разбиваютъ на треугольники. Самому треугольнику придаютъ выраженіе, совершенно отличное отъ его видимой формы— половина произведенія основанія на высоту. Точно такъ же и мѣновыя цѣнности должны быть выражены въ бо́льшихъ или меньшихъ величинахъ чего то общаго всѣмъ товарамъ“. Алгебраическая формула, къ которой Марксъ приравниваетъ цѣнность, есть фактъ вполнѣ абстрактный, могущій существовать лишь въ нашемъ сознаніи. Поэтому такія же свойства должны быть признаны по аналогіи и за „цѣнностью“ Маркса. Во всѣхъ своихъ послѣдующихъ разсужденіяхъ о цѣнности Марксъ именно придерживается такого пониманія и во всѣхъ случаяхъ, когда въ связи съ ней обсуждаетъ извѣстныя внѣшнія матеріальныя явленія, то отнюдь не предполагаетъ ихъ *сущностью* цѣнности, а только условіями, способствующими ея возникновенію или данными, служащими для ея измѣренія. Поэтому нельзя понимать въ прямомъ смыслѣ и принимать безъ должнаго критическаго отношенія ту формулировку, которую нѣкоторые экономисты даютъ идеѣ трудовой цѣнности. „Согласно этой теоріи“ говоритъ Туганъ-Барановскій, „цѣнность, сама по себѣ не что иное, какъ общественный трудъ, какъ бы заключенный, кристаллизованный въ трудовомъ продуктѣ. Въ этомъ смыслѣ трудъ есть субстанція, су-

щество, природа цѣнности". (Очерки изъ новѣйшей исторіи политич. экономіи, стр. 264). Мы видѣли, какъ Марксъ протестуетъ противъ матеріалистическаго пониманія цѣнности, и отождествленіе самой цѣнности съ трудомъ, приписываемое Марксу, основано на произвольномъ и неправильномъ толкованіи его взгляда. Только тогда такое утвержденіе было бы правильно, если бы всякое мѣрило вещи равнялось ея сущности, каждое слѣдствіе—причинѣ вызвавшей его. Однако, такъ же, какъ вещество не опредѣляется аршиномъ или пудомъ, которымъ его измѣряютъ, или причинами, обусловливающими его существованіе, такъ и „цѣнность" по трудовой теоріи не тождественна ни съ трудомъ, заключеннымъ въ товарѣ, ни съ общественными отношеніями, обусловливающими его приложеніе. Формулировка Туганъ-Барановскаго и подобныя ей могутъ быть понимаемы лишь съ извѣстными оговорками и въ самомъ общемъ смыслѣ, ибо не даютъ точной характеристики взгляда Маркса на цѣнность.

Какъ мы видѣли, теоріи „естественныхъ" цѣнностей сумѣли дать лишь относительное разрѣшеніе вопроса объ условіяхъ и законахъ, руководящихъ образованіемъ и измѣненіемъ цѣнности. Трудовая теорія является попыткой создать абсолютную теорію цѣнности. Цѣнность создается лишь при помощи человѣческаго труда; онъ есть единственный источникъ цѣнности, и ничто не можетъ замѣнить его въ этой роли; то, что не содержитъ человѣческаго труда не можетъ являться носителемъ цѣнности. Это положеніе имѣетъ двойную заслугу предъ всѣми прежними. Во-первыхъ, точно опредѣляется понятіе труда, какъ затраты *человѣческой* энергіи. Экономисты предшествующаго періода обращались съ понятіемъ „труда" весьма произвольно. Одни изъ нихъ говоря о количествѣ труда имѣли въ виду количесто затраченной рабочей энергіи, другіе стоимость рабочей силы для предпринимателя, третіе вообще совокупность извѣстныхъ услугъ („трудъ" капиталиста, ссужающаго свой капиталъ, или предпри-

нимателя); нѣкоторые, какъ напр. Макъ-Келлокъ, расширяютъ понятіе труда настолько, что включаютъ въ него и дѣйствія природы. Мальтусъ остроумно возражаетъ Макъ-Келлоку, говоря, что „нѣтъ ничего такого, чего нельзя бы было доказать при помощи новаго опредѣленія: напр. легко доказать, что изъ муки, молока, сала и камней можно сдѣлать плумъ-пуддингъ, если подъ камнями разумѣть изюмъ (plum)“ (цит. по Мануилову. Понятіе цѣнн. эк. кл. шк. Стр. 156). Дѣйствительно, если подъ „трудомъ“ понимать всю совокупность силъ, дѣйствующихъ въ природѣ, то, конечно, придется признать, что не только „цѣнность“, но вообще все существующее создано и создается „трудомъ“.

Во-вторыхъ, въ основномъ положеніи трудовой теоріи ясно выражено утвержденіе, что одинъ лишь трудъ является факторомъ цѣнности, вмѣсто прежнихъ нерѣшительныхъ воззрѣній на трудъ, какъ на одинъ изъ факторовъ цѣнности, хотя, быть можетъ, главный или важнѣйшій изъ всѣхъ (Рикардо).

Мѣриломъ труда съ точки зрѣнія трудовой теоріи является вполнѣ опредѣленная и точная единица техническаго свойства — единица времени. Количество труда, опредѣленное числомъ заключающихся въ немъ единицъ рабочаго времени, служитъ показателемъ цѣнности той вещи, на производство которой оно было затрачено. Впрочемъ, величина трудовой затраты опредѣляется не индивидуально для каждаго производителя, а устанавливается сообразно „общественно необходимому“ количеству труда или рабочаго времени, потребному для производства данной вещи. Это есть средняя трудовая затрата, обычная при существующихъ соціальныхъ и техническихъ условіяхъ производства, абстрагированная отъ нейтрализирующихъ другъ друга отклоненій въ хозяйственной приспособленности индивидовъ. Этотъ трудовой масштабъ одинаково примѣнимъ ко всѣмъ видамъ труда. Однако, для того, чтобы объяснить соизмѣримость простого

труда и квалифицированнаго, трудовая теорія устанавливаетъ положеніе, что всякій квалифицированный трудъ можетъ быть сведенъ къ элементарному, простому. Вообще, различіе внѣшней формы труда не можетъ являться препятствіемъ для измѣренія его на основаніи одного и того же принципа, ибо всякій конкретный трудъ сводится въ сущности своей къ безличному, абстрактному труду. Интенсивность труда есть съ этой точки зрѣнія не что иное, какъ конденсація рабочаго времени, квалификація его — есть потенцированіе трудовой затраты. Такимъ образомъ основныя положенія трудовой теоріи цѣнности сводятся къ тому, что, во-первыхъ, цѣнность можетъ существовать лишь за продуктами человѣческаго труда и, во-вторыхъ, что величина ее измѣряется количествомъ труда затраченнаго на производство вещи. Такой взглядъ на соотношеніе цѣнности и труда, дѣйствительно предствляетъ изъ себя попытку абсолютнаго разрѣшенія проблемы цѣнности, ибо представители трудовой теоріи распространяютъ свой трудовой принципъ на всѣ явленія, гдѣ фигурируетъ экономическая цѣнность, и устанавливаютъ въ качествѣ мѣрила труда чисто техническій фактъ, лежащій внѣ предѣловъ экономическаго изслѣдованія — продолжительность затраты человѣческой энергіи. На основаніи своего анализа цѣнности Родбертусъ и Марксъ стремились построить общую систему соціальной экономики, ибо они правильно поняли, что „цѣнность“ управляетъ всѣми хозяйственными явленіями. Накопленіе капиталовъ, производство, обмѣнъ и распредѣленіе должны были найти объясненіе на основаніи идеи трудовой цѣнности. Поэтому опроверженіе ихъ воззрѣнія на цѣнность, равносильно уничтоженію основанія всего ихъ теоретическаго, научнаго построенія, за которымъ должны будутъ сохраниться лишь историческія заслуги. Впрочемъ, опроверженіе ихъ ученія непосредственно насъ не занимаетъ; и мы въ слѣдующихъ возраженіяхъ представимъ лишь противорѣчіе идеи трудовой

цѣнности фактамъ дѣйствительности, и укажемъ на тѣ логическія упущенія, которыя способствуютъ видимой послѣдовательности и цѣльности трудовой теоріи, по существу своему ошибочной.

I. Если мы вникнемъ въ сущность какого-либо индивидуальнаго, замкнутаго хозяйства, хотя бы пресловутаго Робинзона, то замѣтимъ, что всѣ происходящіе здѣсь хозяйственные процессы, направленные на добываніе благъ, могутъ быть истолкованы, какъ акты обмѣна. Производя новыя, блага Робинзонъ ихъ собственно вымѣниваетъ на опредѣленное количество труда и прежнихъ цѣнностей; добывая готовыя блага Робинзонъ жертвуетъ при своемъ одностороннемъ обмѣнѣ трудомъ, необходимымъ для ихъ розыска и извлеченія; потребляя вещи, онъ также покупаетъ свое удовлетвореніе за извѣстную цѣну. Очевидно, что и въ общественномъ хозяйствѣ возможно толкованіе экономическихъ явленій въ смыслѣ такого широко понятаго обмѣна. Однако, сперва намъ важно именно анализировать первичное хозяйство, гдѣ контрагентомъ человѣка является сама природа. Если-бъ при такихъ условіяхъ нашъ первобытный хозяинъ руководился принципами трудовой теоріи цѣнности, то его положеніе было бы весьма печальнымъ:—несмотря на то, что вблизи отъ него росли бы деревья, отягченныя плодами, а у ногъ его сочныя травы и спѣлыя ягоды; хотя бы надъ головой его проносились стаи птицъ, а вокругъ него въ лѣсу и рѣкѣ скрывалась обильная добыча, онъ все же былъ бы обреченъ на голодную смерть, ибо не признавалъ бы цѣнности во всѣхъ этихъ вещахъ, какъ не заключающихъ въ себѣ ни капли человѣческаго труда, и не согласился бы пожертвовать движеніемъ мизинца, чтобы ихъ присвоить. Но, даже авторитетъ Маркса не настолько великъ, чтобы заставить голоднаго Робинзона проходить равнодушно мимо окружающихъ его богатствъ и пасть жертвой ложной идеи о цѣнности. Однако, гипнозъ предвзятаго мнѣнія столь силенъ, что марксисты не замѣчаютъ, какъ они при каждомъ

своемъ движеніи, при каждомъ шагѣ въ области хозяйства топчатъ тотъ принципъ, который проповѣдуютъ. Дѣйствительно, общественное хозяйство въ цѣломъ легко можетъ быть уподоблено индивидуальному, при чемъ общественная психика и общественныя цѣли выступаютъ на мѣсто личныхъ. Внѣ общества находится только широкая природа со всѣми ея богатствами и только изъ ея нѣдръ общество, взятое въ цѣломъ, можетъ черпать свой чистый доходъ. Явленія, происходящія внутри общественной сферы, имѣютъ послѣдствіемъ лишь перераспредѣленіе наличныхъ благъ, новыя же богатства могутъ быть добыты лишь при помощи эксплуатаціи естественныхъ силъ или преобразованія природныхъ продуктовъ. Эти процессы, конечно, имѣютъ мѣсто лишь при тѣхъ условіяхъ, что человѣкъ или общество въ цѣломъ соглашается обмѣнивать свой трудъ, свою энергію, свои блага на дары природы или, что то же самое, если мы придаемъ цѣнность естественнымъ богатствамъ. Послѣднее дѣйствительно имѣетъ мѣсто. Наконецъ, если мы разсмотримъ явленія обмѣна, происходящія внутри всякой общественной среды между отдѣльными членами общества, то убѣдимся, что „субстанціей“ цѣнности признается людьми далеко не исключительно „трудъ“, заключающійся въ вещахъ. Наряду съ обмѣномъ товаровъ, въ узкомъ смыслѣ, происходитъ и обмѣнъ вещей, не требовавшихъ совсѣмъ затраты человѣческой энергіи для производства. Абсолютно не понятно, какъ съ точки зрѣнія трудовой теоріи объяснимо, что въ дѣйствительной жизни формула обмѣна (стр. 26 „Капиталъ“): 20 арш. холста=1 сюртуку = 10 ф. чая = 2 кварт. пшеницы можетъ имѣть слѣдующее продолженіе: = а десятинъ земли = в куб. саж. лѣса = с пуд. рѣчного песку = в бутылокъ воды изъ цѣлебнаго источника. Уравненіе послѣднихъ категорій благъ въ цѣнности съ первыми заставляетъ насъ отказаться отъ того, что бы видѣть въ цѣнности явленіе, возможное лишь при условіи затраты человѣческой энергіи для производства вещей. Въ

обмѣнъ могутъ вступать и блага, не заключающія въ себѣ ни атома человѣческаго труда, что доказываетъ, что трудъ не является единственной „субстанціей“ цѣнности. Собственно говоря, уже однимъ этимъ первымъ возраженіемъ можетъ быть опровергнута идея трудовой цѣнности, ибо оно направлено не противъ какихъ-либо побочныхъ, второстепенныхъ положеній, а противъ самой сущности трудовой теоріи. Поэтому, продолжая нашъ перечень возраженій, мы, собственно, уподобляемся знаменитому Николаевскому офицеру, объяснившему Государю опозданіе салюта сто одной причиной, изъ которыхъ первой было отсутствіе пушекъ. Однако, вѣра въ Маркса и трудовую теорію еще такъ сильна, и сторонники ея такъ мало склонны убѣждаться на основаніи логики и фактовъ, что приходится ихъ сражать не только вѣскостью доводовъ, но и количествомъ ихъ. Отъ этого перваго возраженія, которое формулировано въ вопросѣ одного изъ критиковъ: сколько единицъ труда заключаются въ яйцѣ, снесенномъ курицей?—мы переходимъ къ дальнѣйшимъ доводамъ противъ трудовой теоріи.

II. Мы видѣли, что теорія перваго періода выставляла въ качествѣ одного изъ факторовъ цѣнности отношеніе „спроса“ къ „предложенію“, при чемъ для невоспроизводимыхъ благъ этотъ факторъ являлся первостепеннымъ. Трудовая теорія удѣляетъ этому явленію второстепенное и подчиненное мѣсто, какъ фактору цѣнности, ибо согласно ея положенію вліяніе спроса и предложенія имѣетъ значеніе лишь временное; оно обусловливаетъ только неустойчивыя рыночныя цѣны и отсутствуетъ въ опредѣленіи средней рыночной цѣны, образующей какъ бы „центръ колебанія“ для измѣненій въ цѣнѣ товара. Но, при такихъ условіяхъ совершенно непонятно хроническое, постоянное несовпаденіе цѣнности „рѣдкихъ“ благъ, созданныхъ при условіяхъ болѣе не существующихъ или охраняемыхъ монополіей, съ ихъ трудовой цѣнностью. Въ этихъ случаяхъ счастливый владѣлецъ „рѣдкаго“ блага имѣетъ возможность

извлекать изъ факта своего владѣнія пользу, далеко превосходящую трудовую пропорцію данной вещи къ другимъ, обращающимся свободно на рынкѣ, и это превосходство въ цѣнности „рѣдкаго“ блага остается необъясненнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ можно постоянно наблюдать также и измѣненіе въ цѣнности благъ, обладающихъ абсолютной рѣдкостью, т. е. совершенно не допускающихъ воспроизведенія. И это явленіе необъяснимо съ точки зрѣнія трудовой теоріи, такъ какъ трудъ „въ прошедшемъ“ не способенъ измѣняться—ни увеличиваться, ни уменьшаться. Допустить для этихъ случаевъ воздѣйствіе другого фактора на цѣнность наряду съ трудомъ или сдѣлать ихъ исключеніемъ изъ трудового закона было бы равносильно тому, что совершенно отказать ему въ научномъ значеніи. Ибо лишь для житейскаго обихода и практическихъ обобщеній вѣрно положеніе—„нѣтъ правила безъ исключеній“, научные же законы претендуютъ на всеобщность и абсолютное значеніе. Достаточно было бы указать хоть на одно самое незначительное явленіе, въ которомъ цѣнность является не продуктомъ труда или продуктомъ не одного труда, на одинъ фактъ обмѣна, гдѣ „общее“ между обмѣниваемыми товарами или „субстанція“ ихъ цѣнности чужда трудовому началу, чтобы абсолютное научное значеніе трудового закона было опровергнуто. Но Марксъ пытался придать своему закону именно такое абсолютное значеніе, а не значеніе болѣе или менѣе важнаго практическаго обобщенія, и только съ этой точки зрѣнія и мы указываемъ на его несостоятельность.

III. Противорѣчіе трудовой теоріи цѣнности съ фактами обнаруживается при оцѣнкѣ предметовъ, стоившихъ одинаковаго труда. Хозяйственный опытъ представляетъ намъ цѣлый рядъ примѣровъ того, какъ продукты равнаго труда различно оцѣниваются. Несомнѣнно, что филе быка, его хвостъ и его голова стоили человѣку одинаковаго количества труда, опредѣляющагося затратой энергіи на постройку хлѣва,

на кормъ, уходъ за скотиной и пр. Однако, цѣнность этихъ частей одного и того же быка является весьма различной. Такъ же и продукты производствъ, въ которыхъ участвовали равныя доли „перемѣннаго“ капитала могутъ оцѣниваться весьма различно, при чемъ обыкновенно тѣ продукты, которые требовали большаго участія постояннаго капитала, оцѣниваются выше тѣхъ, производство которыхъ сводится къ относительно болѣе значительной затратѣ труда. Съ другой стороны продукты производствъ, съ весьма различными составами капиталовъ могутъ оцѣниваться одинаково высоко. Это насъ заставляетъ сдѣлать двойное предположеніе: что „постоянный“ капиталъ способенъ производить цѣнность наряду съ „перемѣннымъ“ и что такимъ образомъ цѣнность обусловливается общей суммой затраченнаго при производствѣ капитала; и, что уравненіе цѣнностей можетъ происходить независимо и внѣ условій производства. Въ дѣйствительности происходятъ оба эти явленія, хотя ни одно изъ нихъ не согласно съ тѣмъ принципомъ, что цѣнность вещи создается исключительно однимъ лишь трудомъ.

IV. Наконецъ, въ дѣйствительной хозяйственной жизни общества, мы находимъ еще одно явленіе, которое подрываетъ трудовую теорію въ самомъ ея корнѣ. Въ числѣ благъ, фигурирующихъ на рынкѣ въ качествѣ „мѣновыхъ цѣнностей“ мы находимъ и то, которое согласно трудовой теоріи должно являться самой „субстанціей“, единственнымъ мѣриломъ всѣхъ цѣнностей: на товарной биржѣ котируется и самый человѣческій трудъ. Невозможность такого положенія съ точки зрѣнія принципа, установленнаго трудовой теоріей, является очевидной. Если для цѣнности всѣхъ обмѣниваемыхъ товаровъ должна существовать лишь одна единица измѣренія, и эта единица открыта въ трудовой затратѣ, то для оцѣнки самаго труда, въ качествѣ товара не находится уже никакого принципа. Ибо пусть даже всѣ цѣнности производятся трудомъ, но вѣдь трудъ не можетъ производить самъ себя и

поэтому не можетъ служить мѣриломъ для собственной оцѣнки.

Предвидя роковое значеніе этого соображенія для своей теоріи,—Марксъ сдѣлалъ попытку устранить его истолкованіемъ явленія найма не какъ продажи опредѣленнаго количества „труда“, а какъ продажи рабочимъ всей своей „рабочей силы“. Такое толкованіе современнаго договора найма совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, ибо, какъ ни плачевны условія современнаго рабочаго быта, все же они не могутъ быть приравнены состоянію полнаго рабства рабочаго класса, при которомъ только и существуетъ использованіе „рабочей силы“ вообще. Однако, и въ такомъ видѣ трудовая теорія не даетъ конечнаго объясненія для цѣнности „товара-труда“. Эта цѣнность должна согласно трудовому принципу опредѣляться количествомъ труда, необходимымъ для созданія „рабочей силы“ рабочаго т.-е. для производства средствъ существованія рабочаго. Насъ прежде всего заставляетъ задуматься неопредѣленность этого мѣрила, ибо сумма потребностей различныхъ людей, какъ извѣстно, достигаетъ во всѣхъ случаяхъ различнаго уровня. Ограничивая это количество необходимымъ „минимумомъ“ средствъ существованія, Марксъ только вводитъ еще одно произвольное условіе, но ничуть не способствуетъ большей опредѣленности своего мѣрила. Однако, если предположить, что этотъ „минимумъ“ равенъ для всѣхъ людей, то мы должны будемъ заключить, что и трудъ всѣхъ людей одинаково цѣненъ. Въ такомъ случаѣ ни родъ, ни качество, ни производительность труда, ни прочія его свойства, не могли бы оказывать вліянія на его цѣнность или на величину заработной платы, что конечно несогласно съ фактами. Послѣдователи Маркса попытались заполнить этотъ грубый пробѣлъ въ его системѣ тѣмъ, что указали на необходимость при оцѣнкѣ труда принимать въ разсчетъ и количество труда, затраченнаго на подготовку къ качественно болѣе совершеннымъ видамъ

его. Однако, искусственность такого толкованія слишкомъ очевидна. Нельзя конечно отрицать, что фактъ подготовки оказываетъ вліяніе на цѣнность труда, но соотношеніе простого и квилифицированнаго труда никакъ не можетъ быть истолковано въ чисто количественномъ смыслѣ. Если трудъ пѣвца оцѣнивается въ 50 разъ дороже труда простого рабочаго, то это отнюдь еще не значитъ, что пѣвецъ затратилъ въ 50 разъ больше времени для своей артистической подготовки, чѣмъ фабричный рабочій и что если подготовка послѣдняго требуетъ одного года времени, то пѣвецъ можетъ выступить на сценѣ не ранѣе, чѣмъ на 51-мъ году своей жизни. Такимъ образомъ, цѣнность труда не находится въ непосредственной зависимости ни отъ минимума средствъ существованія, необходимыхъ для поддержанія рабочаго, ибо тогда всѣ виды труда были бы равноцѣнны, ни отъ количества труда, затраченнаго имъ на подготовку. Но лучше всего доказалъ самъ Марксъ возможность оцѣнки труда несогласно съ установленнымъ имъ трудовымъ принципомъ. Такое явленіе происходитъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда капиталисту удается извлекать „добавочную цѣнность“ при производствѣ. Эксплуатація предпринимателемъ своихъ рабочихъ представляетъ изъ себя фактъ, совершенно необъяснимый съ точки зрѣнія трудовой теоріи цѣнности. Если въ обмѣнъ вступаютъ лишь равноцѣнности, то какимъ образомъ возможна оплата труда рабочаго въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ онъ дѣйствительно стоитъ? Этотъ обмѣнъ совершается при капиталистическомъ строѣ безъ всякаго внѣшняго насилія и вполнѣ соотвѣтствуетъ остальнымъ формамъ товарнаго обмѣна. Если допустить при этой формѣ обмѣна (гдѣ отношеніе цѣнностей выступаетъ особенно наглядно, ибо сдѣлка касается труда, самой „субстанціи“ цѣнности) возможность перехода неравныхъ количествъ между контрагентами, то нѣтъ никакихъ основаній отрицать возможность подобнаго явленія при обмѣнѣ такихъ вещей,

въ которыхъ трудовыя количества замаскированы товарной формой и наслоены разнообразными производственными процессами. „Цѣлыя отрасли промышленности“ говоритъ Франкъ „могутъ при обмѣнѣ своихъ продуктовъ „эксплуатироваться“ другими, отдавая другимъ безвозмездно созданную ими цѣнность“ (Теорія цѣнн. Маркса—стр. 110). Фактъ „эксплуатаціи“ только искусственно можетъ быть выдѣленъ въ разрядъ какихъ то исключительныхъ, особенныхъ явленій, воздѣйствующихъ на цѣнность. „Эксплуатація“ есть результатъ экономическаго преобладанія, находящій самъ объясненіе въ идеѣ цѣнности, и необходимость выдѣлять его въ разрядъ спеціальныхъ факторовъ цѣнности доказываетъ только недостаточность основного принципа, установленнаго трудовой теоріей. „Эксплуатація“ не есть какое либо конечное экономическое явленіе, возможность ея сама нуждается въ доказательствѣ и объясненіи, а сущность ея становится ясной лишь при пониманіи отношеній между людьми, какъ обладателями цѣнностей различнаго свойства и различной величины. Поэтому мы должны признать, что допущеніемъ эксплуатаціи капиталистомъ рабочаго при покупкѣ его труда, Марксъ самъ призналъ возможность отступленія отъ трудового принципа при обмѣнѣ, чѣмъ нарушилъ „абсолютность“ своего основного положенія.

Мы видимъ, сколь многочисленны и значительны тѣ противорѣчія, въ которыя впадаетъ трудовая теорія при сопоставленіи ея выводовъ съ фактами, наблюдаемыми въ дѣйствительности. Однако, страннымъ образомъ, сторонники ея, даже соглашаясь съ нѣкоторыми изъ представленныхъ возраженій, все таки продолжаютъ вѣрить въ правильность этого ученія. Это повидимому ненормальное явленіе можетъ быть объяснено двумя соображеніями. О первомъ изъ нихъ намъ уже приходилось говорить, когда мы указывали на соціальные и моральные мотивы, поддерживающіе популярность нѣкоторыхъ теорій. Въ извѣстномъ отношеніи

„трудовая теорія“ является непосредственной преемницей тенденцій „естественнаго“ направленія, хотя ей и удается замаскировать свои произвольныя предпосылки въ болѣе современную, какъ бы научную форму. Вмѣсто общей идеализаціи „естественнаго порядка“, представители трудовой теоріи проникаются вѣрой въ опредѣленный моральный фактъ, будто бы заложенный въ общественныя отношенія между людьми; такимъ фактомъ для нихъ и является—трудъ. Поэтому, задачей, которую поставляли себѣ эти теоретики не являлось найти нѣкоторое объективное объясненіе для явленія цѣнности, а только освѣтить послѣднее съ точки зрѣнія проявляющагося въ немъ морально-трудового принципа, клеймя всѣ отступленія отъ послѣдняго „эксплуатаціей“ и „несправедливостью“. Нечего и говорить о томъ, что экономическая теорія не можетъ быть сведена къ проповѣди экономической морали и что подчиненіе ея такой тенденціи является совершенно ненаучнымъ. Однако, эта съ общей соціальной точки зрѣнія благая цѣль заставляетъ очень многихъ относиться чрезвычайно оптимистически къ выводамъ трудовой теоріи и прощать ей всю ея ненаучность. Кромѣ этого соображенія, нельзя не признать, что трудовая теорія цѣнности, въ томъ видѣ какъ она изложена у Маркса, вербуетъ себѣ сторонниковъ благодаря своей кажущейся цѣльности и внѣшней послѣдовательности. Что послѣднія свойства являются лишь видимостью, мы постараемся сейчасъ доказать. Въ дѣйствительности предвзятая идея, съ которой теоретики трудовой цѣнности приступали къ выводу своихъ положеній, лишала ихъ изслѣдованіе должной объективности и благая цѣль заставляла ихъ не быть разборчивыми въ средствахъ. Поэтому то, какъ говоритъ Бемъ-Баверкъ, „оригинальное теоретическое построеніе у каждаго изъ нихъ представляло собою въ высшей степени искусно задуманный, выстроенный при помощи сказочной силы къ комбинированію, съ многочисленными этажами мыслей, и поддерживавшійся при помощи уди-

вительной силы—карточный домъ". Слѣдующіе суть главнѣйшіе логическіе промахи, нарушающіе послѣдовательность ученія Маркса о цѣнности:

1. Первой задачей Маркса является—доказать, что „общее" въ обмѣниваемыхъ товарахъ заключается и можетъ заключаться въ одномъ лишь трудѣ. И то, и другое положеніе ему удается „доказать", допуская грубыя логическія упущенія. Рядъ своихъ умозаключеній по этому поводу Марксъ открываетъ тезисомъ, что богатство общества является „огромнымъ скопленіемъ товаровъ", при этомъ онъ придаетъ слову „товаръ" самое общее значеніе—блага вообще. Иначе, мы должны бы были тотчасъ же возстать противъ подобнаго положенія, ибо вѣдь всѣмъ хорошо извѣстно, что кромѣ товаровъ, въ собственномъ смыслѣ, въ общественное достояніе входитъ и цѣлый рядъ естественныхъ богатствъ—земли, лѣса, минеральныя богатства и пр. Однако, Марксъ успокаиваетъ критически настроеннаго читателя, употребляя нѣкоторое время въ дальнѣйшемъ изложеніи слова „товаръ", „вещь", „потребительная цѣнность", „благо" и пр. безъ всякаго различія. Но постепенно, съ большой діалектической ловкостью, понятіе „товара" все суживается имъ, пока совершенно незамѣтно онъ не переходитъ къ обозначенію этимъ словомъ исключительно продуктовъ труда. Это и даетъ ему возможность доказывать въ дальнѣйшемъ, что „общее" свойство, присущее товарамъ, заключается въ трудѣ. Марксъ, по словамъ Бемъ-Баверка, „поступаетъ, какъ тотъ, кто сильно желая, чтобы изъ урны вынулся бѣлый шаръ, предусмотрительно содѣйствуетъ такому результату тѣмъ, что кладетъ въ урну только бѣлые шары". Однако, кромѣ этого, цѣлью Маркса является еще доказать, что ничто иное кромѣ труда не можетъ быть общимъ свойствомъ всѣхъ товаровъ. При доказательствѣ этого положенія также допускается грубая логическая ошибка. Марксъ утверждаетъ, что при обмѣнѣ товаровъ производится отвлеченіе отъ всѣхъ физическихъ свойствъ предмета или

отъ конкретныхъ „потребительныхъ цѣнностей“, ибо „въ процессѣ обмѣна одна потребительная цѣнность стоитъ ровно столько же сколько всякая другая, разъ она имѣется въ надлежащей пропорціи“. (Капиталъ стр. 3). Откуда и дѣлается выводъ, что „послѣ всѣхъ этихъ отвлеченій... осталась только одна общая всѣмъ имъ и, какъ бы, призрачная сущность, простой сгустокъ человѣческаго труда“ (стр. 4). Однако, этотъ выводъ является совершенно нелогичнымъ. Отвлекаясь отъ отдѣльныхъ видовъ „потребительныхъ цѣнностей“ или конкретныхъ физическихъ свойствъ, мы отнюдь еще не отвлекаемся отъ „потребительной цѣнности“ или „физическаго свойства“ вообще; такъ же, какъ говоря о лѣсѣ вообще мы отвлекаемся отъ отдѣльныхъ видовъ деревьевъ, ростущихъ въ немъ, но вовсе не отказываемся отъ мнѣнія, что лѣсъ состоитъ изъ деревьевъ. Вѣдь, слѣдуя тому же порядку разсужденія, Марксъ долженъ былъ бы отказать и труду во вліяніи на опредѣленіе цѣнности товаровъ, ибо отвлеченіе отъ отдѣльныхъ видовъ конкретнаго труда, о которомъ Марксъ говоритъ на стр. 4, должно бы было по аналогіи съ первымъ доказательствомъ привести его къ отрицанію труда, какъ фактора цѣнности. Оставляя шаткій путь отвлеченнаго разсужденія, мы замѣчаемъ, что въ дѣйствительности цѣлый рядъ свойствъ является „общимъ“ для всѣхъ товаровъ—благъ, вступающихъ въ обмѣнъ: что всѣ они суть предметы потребленія и это свойство признаетъ за ними самъ Марксъ, когда говоритъ, что „никакая вещь не можетъ быть цѣнностью, не будучи предметомъ потребленія“ (стр. 6); что въ созданіи всѣхъ ихъ участвуетъ природа, положеніе также признаваемое Марксомъ, ибо на стр. 8 мы читаемъ: „всякія товарныя тѣла составляютъ соединеніе двухъ элементовъ: матеріи и труда... Какъ говоритъ Пети, трудъ есть отецъ богатства, а земля—мать его“; что всѣ товары, вступающіе въ обмѣнъ являются объектами спроса и предложенія; что всѣ они обладаютъ относительной рѣдкостью и пр. и пр. Однако, самъ Марксъ признаетъ,

хотя и не оффиціально наряду съ трудомъ еще нѣкоторое общее свойство въ товарахъ. Анализируя болѣе подробно понятіе труда, Марксъ вводитъ въ него такой признакъ, который собственно долженъ почитаться совершенно самостоятельнымъ свойствомъ и только діалектически можетъ быть слитъ съ нимъ. Такъ, устраненіе конкретныхъ формъ труда, обращеніе его путемъ абстракціи въ „отвлеченный человѣческій трудъ", еще не является достаточнымъ, по мнѣнію Маркса, для того, чтобъ окончательно обнаружить субстанцію цѣнности. Послѣдняя создается не безразличнымъ, не всякимъ человѣческимъ трудомъ, а только *полезнымъ* трудомъ. Полезность труда не есть случайный признакъ, отъ котораго можно отвлечься такъ же легко, какъ отъ отдѣльныхъ видовыхъ различій въ трудѣ, который является то столярнымъ, то плотничьимъ, прядильнымъ, сапожнымъ и иного рода трудомъ. Полезность есть необходимый и постоянный признакъ труда, создающаго „цѣнность", и „если содержащійся въ вещи трудъ безполезенъ, онъ не считается за трудъ и потому не создаетъ никакой „цѣнности". Поэтому во всѣхъ случаяхъ, когда Марксъ говоритъ о трудѣ, какъ опредѣлителѣ цѣнности, должно подразумѣвать не трудъ вообще, не безразличный трудъ, а только полезный трудъ. Но, въ такомъ случаѣ, самъ Марксъ болѣе или менѣе открыто признаетъ за товарами еще одну общую сущность, а именно—ихъ полезность, которая только и способна возвести трудъ, затраченный на производство вещи на степень полезнаго труда и сдѣлать его, тѣмъ самымъ, факторомъ цѣнности. Такимъ образомъ, мы видимъ, что также со стороны чисто логической положеніе Маркса, будто бы трудъ есть свойство, общее всѣмъ благамъ (или „товарамъ", какъ онъ ихъ называетъ), и будто только онъ одинъ является таковымъ, не можетъ считаться доказаннымъ. Однако, тутъ же будетъ умѣстно указать еще на одну несообразность, которая является слѣдствіемъ чисто діалектическаго пріема доказательства, которымъ такъ

злоупотребляетъ Марксъ. Всѣ вышеприведенныя разсужденія были построены на томъ основномъ положеніи, будто для возможности обмѣна товары должны обладать нѣкоторой общей объективной сущностью, которая и отвѣчаетъ психическому факту цѣнности. Эта сущность и была открыта Марксомъ въ трудѣ. Это общее положеніе является установленнымъ совершенно произвольно, на основаніи чисто искусственнаго пріема. Ничто не подтверждаетъ такого матеріалистическаго пониманія явленія общественнаго обмѣна. Послѣдній обусловливается подобно всѣмъ остальнымъ явленіямъ какъ общественнаго, такъ и естественнаго порядка, дѣйствіемъ опредѣленныхъ силъ, которыя подчиняютъ въ равной мѣрѣ все разнообразіе происходящихъ въ насъ и вокругъ насъ процессовъ. Но всегосподство этихъ силъ намъ отнюдь еще не даетъ права находить „общее“ во всѣхъ предметахъ, имъ подчиненныхъ. Неужели же сила притяженія дѣлаетъ всѣ массы, подчиненныя ей „общими“ по своей сущности и законы механики, господствующіе надъ всѣмъ видимымъ и не видимымъ міромъ, уравниваютъ все существующее въ его свойствахъ? Такое предположеніе могло бы пожалуй найти себѣ мѣсто въ метафизикѣ, но наука не признаетъ его состоятельности. Именно такъ ненаучно и поступаетъ Марксъ, когда изъ подчиненія всѣхъ экономическихъ явленій обмѣна опредѣленнымъ силамъ, онъ заключаетъ объ „общей сущности“ всѣхъ товаровъ, поступающихъ на рынокъ и когда вмѣсто того, чтобы изучить законы этихъ силъ, управляющихъ обмѣномъ, какъ причина своимъ слѣдствіемъ, онъ объясняетъ ихъ какимъ то объективнымъ свойствомъ общимъ для всѣхъ товаровъ. Что бы мы сказали объ естествоиспытателѣ, который бы старался открыть природу пороха, опредѣляя „общія“ свойства между птицей, убитой изъ ружья, скалой взорванной порохомъ и грохотомъ, произведеннымъ взрывомъ? А таковъ именно методъ Маркса при опредѣленіи природы цѣнности, ибо вмѣсто

того, чтобы изслѣдовать тѣ силы, которымъ она во всѣхъ случаяхъ подчинена, онъ старался опредѣлить тѣ формы, въ которыхъ она во всѣхъ случаяхъ проявляется. Такое изслѣдованіе, какъ мы утверждаемъ, не могло бы привести его ни къ какимъ результатамъ, если бы онъ дѣйствительно безпристрастно стремился къ открытію истины, а не только во что бы то ни стало желалъ оправдать свою предвзятую идею.

2. Лишь тогда трудовая теорія можетъ претендовать на всеобщее значеніе, и технической фактъ затраты трудовой энергіи можетъ служить принципомъ измѣренія всѣхъ родовъ труда, если допустить вмѣстѣ съ Марксомъ, что всякій трудъ можетъ быть сведенъ къ количествамъ „простого“ труда.—Однако, для доказательства этого весьма спорнаго положенія Марксъ не приводитъ ничего иного кромѣ категорическаго утвержденія, что „сложный трудъ есть только потенцированный (возведенный въ степень) или, вѣрнѣе, помноженный простой трудъ“ (стр. 10). Но свойства этого „простого“ труда являются совершенно неопредѣленными и Марксъ нигдѣ не старается выяснить сущность этой трудовой единицы. Неизвѣстно, является ли „простымъ“ трудъ, который наиболѣе легокъ, или наиболѣе дешевъ, или тотъ, который требуетъ наименьшей подготовки, или онъ представляетъ изъ себя вообще нѣкоторую идеальную величину, а не конкретную. Далѣе непонятно, на основаніи какихъ внѣшнихъ признаковъ и при помощи какого внутренняго процесса или разсужденія квалифицированный трудъ приводится къ опредѣленнымъ количествамъ „простого“ труда Мы не находимъ никакихъ указаній въ трудѣ врача, художника, пѣвца или юриста для того, чтобы приравнять его къ труду чернорабочаго или камнетеса или измѣрить его на основаніи какой либо „идеальной“ единицы. Единственное сродство всѣхъ видовъ труда устанавливается ихъ „цѣнностью“, однако, очевидно, что въ данномъ случаѣ не цѣнность должна объяснить ихъ соотношеніе, а наоборотъ ихъ соотношеніе—цѣн-

ность. Марксъ именно ставитъ себѣ задачей доказать, что величина цѣнности является результатомъ количества труда, заключающагося въ продуктѣ и только; когда это положеніе будетъ признано доказаннымъ, онъ пріобрѣтаетъ право на обратный выводъ, о томъ, что бо́льшая цѣнность предполагаетъ и большее число единицъ труда. Однако, Марксу не удается логически провести доказательство своего положенія и возможность приведенія квалифицированнаго труда къ простому остается недоказанной. Въ дѣйствительности это утвержденіе оказывается неправильнымъ, ибо каждый трудъ, какъ и каждый товаръ, представляетъ изъ себя самостоятельную величину, качественно и количественно отличную и рѣшительно ничѣмъ не подтверждается мнѣніе, что мы вмѣсто простой, самостоятельной, первоначальной оцѣнки каждаго вида труда углубляемся въ дебри сложнѣйшихъ разсужденій и вычисленій, согласно указаніямъ Маркса.

3. Дальнѣйшій рядъ логическихъ промаховъ мы открываемъ въ толкованіи Марксомъ явленій „спроса и предложенія“. Въ этой области онъ ушелъ весьма недалеко отъ своихъ предшественниковъ, представителей классическаго направленія. Мы находимъ у него ту же невыясненность сущности этихъ понятій, то же поверхностное отношеніе къ явленію, ту же идею „нейтрализаціи“ „противоположныхъ“ силъ, предполагаемую теперь уже для обнаруженія трудового закона. Не смотря на то, что Марксъ употребляетъ всѣ мѣры для того, чтобы доказать второстепенное значеніе „спроса и предложенія“, только временное вліяніе его на цѣнность, будто бы опредѣляемую въ ея постоянныхъ проявленіяхъ однимъ лишь трудомъ, это ему рѣшительно не удается. „Нейтрализація“, о которой говоритъ Марксъ не умаляетъ и не устраняетъ участія силъ „спроса и предложенія“, а только предполагаетъ установленіе равновѣсія между ними. Задача экономиста сводится къ тому, чтобы предсказать ту точку, на которой это равновѣсіе будетъ до-

стигнуто или, говоря на языкѣ экономики, опредѣлить ту цѣну, въ которой выльется соглашеніе покупателей и продавцовъ. Такъ же, какъ положеніе рычага вѣсовъ можетъ быть выведено теоретически лишь въ результатѣ разсмотрѣнія соотношенія между грузами, отягчающими чашки, такъ и опредѣленіе рыночной цѣны требуетъ всегда предварительнаго сравненія силы спроса и предложенія. Но онѣ суть силы психическаго порядка, ибо съ внѣшней количественной стороны уравновѣшиваніе, нейтрализація, происходятъ или всегда или никогда: всегда—если понимать подъ „нейтрализаціей“ соотношеніе количествъ товаровъ дѣйствительно вступившихъ въ обмѣнъ, ибо не можетъ быть больше продано товара, чѣмъ куплено его и наоборотъ; никогда—если сравнивать количества людей стремящихся къ продажѣ или ищущихъ покупки даннаго товара, ибо за кулисами рынка всега остается множество дѣйствующихъ лицъ обоихъ лагерей, не нашедшихъ себѣ роли въ процессѣ обмѣна. Въ качествѣ же психическихъ силъ, измѣряемыхъ степенью интенсивности стремленія контрагентовъ къ обмѣну, „спросъ и предложеніе“ участвуютъ всегда въ процессѣ обмѣна, и уравновѣшеніе ихъ происходитъ не помимо рыночной цѣны, какъ думалъ Марксъ, а именно черезъ посредство ея. Идея „нейтрализаціи“ въ такомъ видѣ, какъ ее представилъ Марксъ, является не болѣе, какъ искусственнымъ пріемомъ, придуманнымъ для оправданія всемогущества труда. Это соображеніе лучше всего подтверждается наблюденіями эмпирическаго характера, которыя были приведены нами выше и которыя свидѣтельствуютъ о томъ, что „среднія“ цѣны (установленныя при условіи „нейтрализаціи“ спроса и предложенія „чистымъ“ трудомъ) значительно и постоянно отклоняются отъ трудовой пропорціи.

4. Несовершенно и незакончено также логическое построеніе доказательства того положенія, что оцѣнка труда, при покупкѣ его на рынкѣ, происходитъ согласно принципамъ трудовой теоріи. Приведеніе цѣнно-

сти „рабочей силы“ къ количеству труда, который требуется для созданія минимума средствъ, необходимыхъ для поддержанія жизни рабочаго, не даетъ никакого конечнаго познавательнаго удовлетворенія. Это „количество труда“ есть проявленіе „рабочей силы“ вполнѣ аналогичное данному, и такъ же, какъ мы въ послѣднемъ случаѣ вопрошаемъ о цѣнности „рабочей силы“, такъ точно мы должны потребовать объясненія цѣнности труда, создающаго предметы потребленія рабочаго. Очевидно, что этотъ рядъ ссылокъ либо можетъ быть продолжаемъ далѣе до безконечности, что конечно мало способствуетъ удовлетворенію нашей любознательности, либо, какъ это дѣлаетъ Марксъ, можетъ быть пріостановленъ на первой же ступени тѣмъ, что цѣнность труда отождествляется съ цѣнностью производимаго имъ минимума потребительныхъ благъ. Но послѣднее рѣшеніе представляетъ типическій „idem per idem“. Ибо, если человѣческій трудъ долженъ являться конечнымъ фактомъ, объясняющимъ цѣнность всѣхъ вещей, то объяснять его самаго цѣнностью вещей не приходится. Однако, цѣнность труда является фактомъ, требующимъ опредѣленнаго объясненія, что и заставило Маркса допустить circulus vitiosus, съ цѣлью сдѣлать его спасательнымъ кругомъ трудовой идеи и сохранить цѣльность теоріи, несмотря на явную непригодность ея для истолкованія явленій дѣйствительности.

Таковы суть важнѣйшія возраженія, которыя могутъ быть приведены противъ положеній трудовой теоріи въ томъ видѣ, какъ они были формулированы въ ученіи Карла Маркса, — наиболѣе яркаго представителя ея. Не взирая на всю популярность этого ученія въ прошломъ и въ настоящемъ, оно осуждено на полное крушеніе предъ судомъ безпристрастной научной критики. На „полное“ потому, что отвлекаясь отъ всѣхъ его частныхъ болѣе или менѣе значительныхъ недостатковъ, приходится признать основное направленіе, въ которомъ это ученіе двинуло изслѣдованіе вопроса

о цѣнности противоположнымъ тому, которое дѣйствительно ведетъ къ истинѣ. Въ своемъ вполнѣ справедливомъ стремленіи открыть абсолютный законъ цѣнности, трудовая теорія сосредоточила свое вниманіе исключительно на совокупности объективныхъ данныхъ. Какъ бы полезно ни было такое изысканіе не только съ точки зрѣнія житейскаго обихода, но также и съ точки зрѣнія науки, въ качествѣ изслѣдованія, доставляющаго множество интересныхъ наблюденій и частныхъ обобщеній, къ открытію истины оно привести не можетъ. Разсматривая лишь объективную сторону явленій, оно довело до абсолюта ту часть ученія экономистовъ предшествующаго періода, которая была направлена на изученіе внѣшнихъ проявленій экономическихъ силъ и замѣнила нерѣшительныя утвержденія Рикардо о томъ, что трудъ является „почти“ единственнымъ или „важнѣйшимъ“ изъ факторовъ цѣнности, категорическимъ признаніемъ его безусловнаго значенія. Однако, причина цѣнности кроется не въ объективныхъ свойствахъ явленій и поэтому изысканія представителей трудовой теоріи не могутъ считаться плодотворными. Правильный путь изслѣдованія даннаго вопроса былъ познанъ полуинстинктивно и неопредѣленно въ тѣхъ указаніяхъ экономистовъ перваго періода, которыя выдвигали субъективное основаніе явленія цѣнности. Эта субъективная тенденція находила все большее сочувствіе, пока не была возведена въ абсолютный принципъ такъ же, какъ это случилось въ области объективнаго изысканія. Впервые это направленіе въ изслѣдованіи проблемы цѣнности было открыто признано австрійскими экономистами, почему оно и заслужило наименованіе „ученія австрійской школы“. Однако, въ настоящее время оно успѣло завербовать себѣ сторонниковъ въ лицѣ крупнѣйшихъ представителей экономической теоріи во всѣхъ странахъ, не исключая и Новаго Свѣта, гдѣ наука, чуждая еще консервативныхъ традицій, оказалась особенно воспріимчивой къ новому направленію въ изученіи явленія цѣн-

ности. Къ разсмотрѣнію результатовъ этихъ изысканій мы и приступаемъ въ настоящее время.

II. Теорія полезности.

Еще въ серединѣ прошлаго столѣтія нѣмецкій экономистъ Гильдебрандъ сдѣлалъ попытку установить болѣе точную зависимость между цѣнностью благъ и ихъ свойствомъ способствовать индивидуальному удовлетворенію, или ихъ полезностью. Однако, при этомъ Гильдебрандъ оставался вѣренъ старому пониманію „полезности“ и „рѣдкости“ и вслѣдствіе этого и не сумѣлъ установать правильной связи между разсматриваемыми явленіями. Предполагая всю совокупность общественныхъ потребностей равной числу 100, Гильдебрандъ пытается выразить полезность каждаго рода благъ извѣстнымъ процентнымъ отношеніемъ къ общей суммѣ потребностей и, далѣе, обозначить полезность каждой единицы даннаго блага въ соотвѣтствующей ей долѣ процента общей полезности. Такъ, напр., если уголь покрываетъ a % сувокупности общественныхъ потребностей и добывается въ количествѣ, тоннъ x то полезность каждой тонны угля выразится $\frac{a}{x}$ %. При увеличеніи добываемаго количества угля, очевидно, величина полезности каждой тонны его должна пропорціонально упасть, ибо знаменатель дробнаго выраженія увеличится. Такимъ образомъ цѣнность единицы блага согласно теоріи Гильдебранда является величиной обратно пропорціональной его количеству. Это и есть основное положеніе Гильдебранда. Однако, какъ мы можемъ убѣдиться, онъ своими вычисленіями подвинулъ разработку вопроса о цѣнности весьма мало

впередъ. Общая зависимость цѣнности отъ количества („рѣдкости“) благъ была установлена еще задолго до него. Математическое же выраженіе, имѣющее въ виду установить пропорціональность измѣненія цѣнности въ зависимости отъ количества благъ, является неправильнымъ. Въ своемъ доказательствѣ этого положенія Гильдебрандъ съ одной стороны ошибочно предполагаетъ неизмѣнность „суммы общественныхъ потребностей“, выраженной числомъ 100. Въ дѣйствительности, новыя блага находятъ и новое примѣненіе въ дѣлѣ удовлетворенія потребностей, ибо послѣднія способны развиваться какъ въ отношеніи количества, такъ и въ отношеніи степени. Съ другой стороны полезность извѣстнаго рода благъ можетъ быть опредѣлена только изъ разсмотрѣнія полезности всѣхъ отдѣльныхъ благъ, составляющихъ его, а потому опредѣленіе процента его полезности не можетъ предшествовать опредѣленію полезности каждаго единичнаго блага. Сопоставляя выводы Гильдебранда съ фактами, мы обнаруживаемъ полную непригодность ихъ. Пропорціональности между цѣнностью и количествомъ благъ не наблюдается на практикѣ. Извѣстно, что незначительный неурожай на хлѣбъ отражается самымъ рѣзкимъ образомъ на его цѣнахъ, и наоборотъ, предметы роскоши падаютъ въ своей цѣнности весьма медленно не смотря на перепроизводство ихъ. Теорія Гильдебранда, не смотря на заключающуюся въ ней правильную тенденцію—разсмотрѣніе вопросовъ цѣнности въ связи съ полезностью каждой единицы блага, успѣха у современниковъ не имѣла, и Книсъ, который былъ чуть ли не единственнымъ, обратившимъ на нее вниманіе, не сумѣлъ способствовать ея развитію. Только въ 70-хъ годахъ XIX вѣка открывается эра систематической научной разработки теоріи цѣнности на основаніи изслѣдованія зависимости, существующей между стремленіемъ человѣка къ удовлетворенію своихъ потребностей и вещами внѣшняго міра. Основателями этого направленія должны считаться австрійскіе

экономисты Менгеръ, Визеръ и Бемъ-Баверкъ. Послѣдователи ихъ въ настоящее время столь многочисленны, что пытаться ихъ всѣхъ перечислить безполезно. Изслѣдованіе вопроса о цѣнности открывается ими обыкновенно разсмотрѣніемъ сущности человѣческой потребности, ибо только въ отношеніи къ этой послѣдней можетъ возникнуть идея о полезности вещей. Прежнее понятіе „полезности“ также имѣло въ виду способность вещей служить для удовлетворенія человѣческихъ потребностей, однако послѣднія выступали въ видѣ опредѣленныхъ недѣлимыхъ категорій, родовъ потребностей. Такъ, установилось представленіе, что пищевые продукты должны обладать большей полезностью, чѣмъ предметы, имѣющіе цѣлью удовлетвореніе второстепенныхъ родовъ потребностей, и послѣдніе — большей полезностью, чѣмъ предметы роскоши. Это создавало противорѣчія, на которыя мы указывали выше и которыя, какъ мы видѣли, не были устранены и съ помощью неопредѣленнаго понятія „рѣдкости“, вводимаго съ цѣлью ограниченія дѣйствія общаго принципа полезности. Болѣе внимательный анализъ свойствъ человѣческой потребности привелъ теоретиковъ полезности къ установленію внутри каждой категоріи или же каждаго „рода“ потребностей цѣлаго ряда степеней, низводящихъ даже самую важную потребность къ нулю. „Родъ“ потребностей, какъ это установила новая теорія, еще не даетъ намъ никакихъ указаній на сравнительную интенсивность единичныхъ „конкретныхъ“ потребностей, обнимаемыхъ имъ. Дѣйствительно, не чувствуетъ ли умирающій въ пустынѣ отъ жажды путешественникъ тотъ же „родъ“ потребности, какъ посѣтитель ресторана, проводящій вечеръ за своей кружкой пива, одноко, кто станетъ, утверждать, что потребности этихъ обоихъ лицъ равны и по интенсивности своей? Поэтому теоретики полезности полагаютъ, что каждый родъ потребности является индивидуальной совокупностью потребностей или „конкретныхъ“ потребностей, раз-

личающихся по степени своей интенсивности, при чемъ только высшая изъ нихъ характеризуетъ значеніе всего ряда, какъ цѣлаго. Отдѣльныя конкретныя потребности могутъ соотвѣтствовать по своей интенсивности конкретнымъ потребностямъ иныхъ порядковъ. Совокупность всѣхъ человѣческихъ потребностей, распредѣленныхъ по степенямъ ихъ значенія можетъ быть выражена согласно схемѣ Менгера въ слѣдующемъ видѣ

I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
10	„	„	„	„	„	„	„	„	„
9	9	„	„	„	„	„	„	„	„
8	8	8	„	„	„	„	„	„	„
7	7	7	7	„	„	„	„	„	„
6	6	6	6	6	„	„	„	„	„
5	5	5	5	5	5	„	„	„	„
4	4	4	4	4	4	4	„	„	„
3	3	3	3	3	3	3	3	„	„
2	2	2	2	2	2	2	2	2	„
1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Здѣсь римскими цифрами обозначены роды потребностей, важность которыхъ опредѣляется въ зависимости отъ высшей интенсивности, которой входящія въ нихъ конкретныя потребности могутъ достигнуть. Сила же единичныхъ потребностей, падающая до 0 въ каждой категоріи потребностей, выражена въ арабскихъ цифрахъ. Различныя категоріи потребностей существуютъ въ насъ одновременно и удовлетвореніе въ нихъ можетъ спускаться до различныхъ предѣловъ.

Внѣшнія блага служатъ средствами для удовлетворенія нашихъ потребностей. Однако, было бы совершенно неосновательно разбивать ихъ на такія же категоріи, какія мы открываемъ внутри насъ. Объективація „полезности“ являлась одной изъ весьма грубыхъ ошибокъ раціоналистовъ. Дѣйствительно, каждое благо

имѣетъ множество разнообразныхъ примѣненій въ дѣлѣ удовлетворенія нашихъ потребностей. Вода, служащая намъ для питья, можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ употребляться для умыванія или поливки сада; изъ зерна изготовляется мука, но оно же является матеріаломъ для винокуренія или корма скота; наконецъ, каждый товаръ въ современномъ капиталистическомъ хозяйствѣ обладаетъ наряду со своимъ потребительнымъ значеніемъ, значеніемъ въ качествѣ объекта для обмѣна, является носителемъ „мѣновой цѣнности". Поэтому нельзя приписывать данному роду благъ „полезность", соотвѣтствующую одному какому либо назначенію его, какъ это дѣлали прежніе экономисты. Полезность каждаго единичнаго блага должна оцѣниваться индивидуально и притомъ не только соотвѣтственно роду потребности, которому оно служитъ, но также и сообразно степени удовлетворенія, которую оно доставляетъ внутри каждой категоріи потребностей. Подобная оцѣнка полезности вещи представляется чрезвычайно сложной, однако, какое основаніе имѣли бы мы ожидать и требовать простоты въ той дѣятельности человѣка, которая отвѣчаетъ основному жизненному стремленію—стремленію къ удовлетворенію потребностей, и въ которой сплетаются словно въ узлѣ проявленія всѣхъ психическихъ и физическихъ способностей человѣка? Впрочемъ, несмотря на свою теоретическую сложность, на практикѣ оцѣнка вещей въ большинствѣ случаевъ происходитъ весьма быстро и сравнительно просто. Этому способствуетъ прежде всего *привычка*, которая будучи весьма значительной въ этой области научаетъ насъ задумываться при опредѣленіи полезности каждой отдѣльной вещи такъ же мало, какъ напр. при опредѣленіи ея размѣровъ. Конечно, наши сужденія являются въ обоихъ случаяхъ и одинаково приближенными, однако, житейскій обиходъ вовсе и не требуетъ особенной точности въ опредѣленіи цѣнности благъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ *опытъ* вырабатываетъ въ насъ болѣе совершенные

пріемы оцѣнки, а также устанавливаетъ болѣе или менѣе точныя границы колебанія цѣнности для каждой категоріи вещей. Въ тотъ моментъ, когда мы приступаемъ къ оцѣнкѣ блага, въ нашемъ сознаніи уже присутствуетъ представленіе о предѣлахъ, въ которыхъ цѣнность даннаго блага способна варіировать. Особенно наглядно выступаетъ вліяніе опыта при сдѣлкахъ обмѣна, происходящихъ на рынкѣ, когда обыкновенно предполагаемая цѣна является слѣдствіемъ представленія о цѣнахъ, существовавшихъ прежде на рынкѣ, а не результатомъ вычисленія степени общественной полезности. Кромѣ того опредѣленіе полезности вещи часто облегчается и тѣмъ, что вмѣсто непосредственной оцѣнки потребительнаго значенія вещи, мы заключаемъ о немъ изъ уже ранѣе намъ извѣстной *цѣнности средствъ, употребленныхъ для ея производства.* Наконецъ, сравненіе и установленіе цѣнностей значительно упрощается тѣмъ, что мы имѣемъ точное и однородное мѣрило для ея формулировки—*деньги.* Всѣ эти условія способствуютъ тому, что практическій разумъ чувствуетъ себя при оцѣнкѣ благъ гораздо болѣе увѣренно, чѣмъ теоретическій. Однако, теорія вовсе и не преслѣдуетъ цѣли служить непосредственнымъ руководствомъ для дѣйствительности, а стремится лишь дать анализъ существующихъ отношеній и, объяснивъ ихъ, установить общіе законы, управляющіе данными явленіями. Поэтому было бы такъ же безполезно стараться чисто умозрительнымъ путемъ опредѣлить полезность вещи для даннаго человѣка, какъ стремиться, установивъ законы эстетическаго творчества, создать по ихъ рецепту художественное произведеніе или, опредѣливъ законы логическаго мышленія, надѣяться преобразовать глупца въ мудраго человѣка. Теорія полезности продолжаетъ свое изслѣдованіе въ слѣдующемъ видѣ.—При удовлетвореніи своихъ потребностей человѣкъ попадаетъ въ болѣе сложную зависимость отъ вещей внѣшняго мира, чѣмъ это представляется съ перваго взгляда, ибо

такъ же, какъ одна и та же вещь способна осуществлять нѣсколько различныхъ назначеній, такъ точно одна и та же потребность находитъ удовлетвореніе при помощи разнообразныхъ вещей. Очевидно, что передъ каждымъ актомъ удовлетворенія своихъ потребностей человѣку приходится предварительно разрѣшить двойной вопросъ: какую потребность удовлетворить ранѣе всѣхъ другихъ и какое изъ благъ употребить въ качествѣ средства для достиженія этой цѣли. Первый вопросъ рѣшается въ томъ смыслѣ, что предпочтеніе получаетъ всегда наиболѣе настоятельная, сильнѣйшая потребность. По примѣру Бемъ-Баверка, колонистъ, имѣющій въ своемъ распоряженіи пять мѣшковъ зерна до слѣдующаго урожая, употребить первый мѣшокъ для поддержанія своего элементарнаго существованія до будущей жатвы, второй—для пополненія недостатковъ своего стола, дабы сохранить драгоцѣнное для него здоровье и полную свѣжесть силъ, третій—для корма скота, четвертый—для выкурки водки и, наконецъ, пятый мѣшокъ онъ предназначитъ, не находя для него болѣе полезнаго примѣненія, для содержанія нѣсколькихъ попугаевъ, которые его забавляютъ своими шутками. Такова должна быть послѣдовательность, въ которой колонистъ станетъ удовлетворять свои потребности. Если мы обозначимъ степень высшей изъ нихъ цифрой 10, то степень второй можетъ опредѣлиться цифрой—8, третей—6, четвертой—3, пятой—1. Второй вопросъ о томъ, какое изъ благъ, находящихся въ распоряженіи человѣка и способныхъ служить его потребности, должно быть избрано имъ для этой цѣли, рѣшается въ томъ смыслѣ, что таковымъ благомъ явится то, съ утратой котораго сопряжено наименьшее лишеніе для человѣка. Очевидно, что еслибъ изъ пяти мѣшковъ, колониста пропалъ одинъ, предположимъ 3-й мѣшокъ, употребляемый имъ для корма скота, то колонистъ не пожертвовалъ бы для корма скота ни первымъ ни вторымъ мѣшкомъ, предназначенными для поддержанія

его собственной жизни и здоровья. Однако, онъ не согласился бы и утратить свой скотъ, такъ какъ потребность въ немъ является для него болѣе настоятельной, чѣмъ другія потребности, которыя удовлетворяются тѣми же средствами и относятся къ категоріямъ четвертой и пятой. Поэтому колонистъ, стремясь возмѣстить утрату 3-го мѣшка, для этой цѣли выбралъ бы тотъ изъ оставшихся мѣшковъ, утрата котораго была бы сопряжена для него съ наименьшимъ страданіемъ. Согласно сдѣланному нами предположенію это былъ бы мѣшокъ зерна, предназначенный для корма попугаевъ. Такимъ образомъ, нашъ колонистъ спасъ бы свой скотъ за счетъ своихъ попугаевъ. Еслибъ его потребность въ попугаяхъ или любовь къ нимъ была выше 1, а скотъ его могъ быть прокормленъ съ тѣмъ же успѣхомъ какимъ либо инымъ способомъ, напр. сѣномъ, то колонистъ нашъ могъ бы обратиться къ этому роду благъ для пополненія своей утраты, и можетъ быть нашелъ бы здѣсь потребность низшую, чѣмъ его потребность въ попугаяхъ, отказомъ отъ которой онъ и спасъ бы свой скотъ. Такимъ образомъ, изъ ряда благъ человѣкъ для удовлетворенія своей потребности избираетъ то, утрата котораго для него наименѣе чувствительна.

Эти соображенія двоякаго рода, руководящія процессомъ удовлетворенія человѣкомъ своихъ потребностей, опредѣляютъ и значеніе, придаваемое имъ вещамъ, или законъ, управляющій ихъ цѣнностью. *Цѣнность каждаго блага, входящаго въ совокупность однородныхъ съ нимъ благъ, опредѣляется степенью полезности того изъ данныхъ благъ, которое удовлетворяетъ наименѣе интенсивную изъ всѣхъ потребностей.* Дѣйствительно, „цѣнность“ выражаетъ нашу зависимость, какъ субъектовъ извѣстныхъ потребностей, отъ предметовъ внѣшняго міра, а послѣдняя яснѣе всего обнаруживается при утратѣ опредѣленнаго блага. Какъ мы показали, какое-бы изъ однородныхъ благъ мы ни утратили, для насъ это будетъ всегда послѣднее, наи-

менѣе важное. Такимъ образомъ, согласно теоріи полезности, единица какого нибудь блага оцѣнивается не по наибольшей пользѣ, которую она можетъ принести, какъ думали теоретики перваго періода, а по послѣдней, наименѣе важной потребности, которую она удовлетворяетъ. Визеръ установилъ для этой величины обозначеніе „предѣльной полезности“ („Grenznutzen“) блага, что даетъ право выразить вышеприведенное правило въ слѣдующемъ видѣ: *предѣльная полезность единицы даннаго блага опредѣляетъ цѣнность всѣхъ единицъ его.* Таково основное положеніе теоріи полезности. („Dieser Satz ist der Angelpunkt unserer Wertlehre“. Böhm-Bawerk. Grundzüge des Wisrtch. Güt. S. 29).

Первымъ важнымъ выводомъ, который дѣлается теоретиками полезности изъ ихъ основного положенія, является обоснованіе дѣленія блага на „хозяйственныя“ и „нехозяйственныя“ или „свободныя блага“. Какъ видно изъ схемы потребностей Менгера, всякій родъ человѣческихъ потребностей является ограниченнымъ по своему объему, ибо конкретныя потребности, заключающіяся въ немъ, падаютъ по прошествіи опредѣленнаго времени, до 0 интенсивности, что доказываетъ, что потребность является вполнѣ насыщенной. Подобно тому, какъ мы не можемъ поглотить болѣе опредѣленнаго ограниченнаго количества пищи, мы не способны также продолжать до безконечности удовлетвореніе остальныхъ нашихъ потребностей. При такихъ условіяхъ, человѣкъ, обладая извѣстнымъ благомъ въ количествѣ, превышающемъ его потребность, перестаетъ цѣнить его, ибо предѣльная полезность единицы такого блага равна 0. Поэтому-то цѣнность единицы „свободныхъ благъ“, какъ вода, воздухъ и пр., имѣющихся въ безконечномъ количествѣ не огромна, какъ думали одни экономисты, исходя изъ идеи ихъ „родовой полезности“, и не ничтожна, какъ думали другіе, а совсѣмъ отсутствуетъ, т. е. равна нулю. Необходимымъ условіемъ цѣнности является

„рѣдкость“ благъ. Но послѣдняя отнюдь не является какимъ либо абсолютнымъ свойствомъ, а можетъ быть установлена только въ отношеніи къ общему объему потребности даннаго рода; такъ напр. потребность въ пищѣ находитъ полное удовлетвореніе гораздо быстрѣе, чѣмъ потребности въ удобствахъ и комфортѣ; вообще физическія потребности уже, нежели потребности духовныя. А поэтому вещи, не насыщающія въ опредѣленномъ количествѣ болѣе широкой потребности, являются рѣдкими, и насыщая вполнѣ болѣе узкую потребность могутъ при томъ же количествѣ оказаться въ излишкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ „рѣдкость“ не является согласно данной теоріи нѣкоторымъ самостоятельнымъ факторомъ, дѣйствующимъ наряду съ „полезностью“, какъ бы въ качествѣ отдѣльнаго множителя цѣнности. Количество благъ опредѣляетъ величину той потребности, которая является послѣдней въ порядкѣ удовлетворенія, и такимъ образомъ „рѣдкость“ можетъ воздѣйствовать на цѣнность лишь черезъ посредство видоизмѣненія степени нашей потребности. Это и есть тотъ субъективный рефлексъ явленія, который оставался неизслѣдованнымъ теоретиками прошлаго періода. „Полезность“, въ смыслѣ объективныхъ свойствъ вещи не можетъ измѣниться въ зависимости отъ того, сколько единицъ даннаго блага находится въ распоряженіи человѣка, но „полезность“, въ субъективномъ смыслѣ необходимо предполагаетъ извѣстную степень „рѣдкости“, ибо при излишкѣ благъ отсутствуетъ и потребность. Такимъ образомъ, согласно теоріи полезности, безусловное изобиліе, находимое въ „свободныхъ благахъ“ свидѣтельствуетъ объ отсутствіи цѣнности за отдѣльными единицами блага; относительное изобиліе благъ свидѣтельствуетъ о незначительной цѣнности; значительная рѣдкость вещей, служащихъ второстепеннымъ родамъ потребностей,—о ихъ высокой цѣнности; значительная рѣдкость вещей, служащихъ насущнымъ, необходимымъ потребностямъ,—о ихъ наивысшей цѣнности. На основаніи

всего вышесказаннаго и оправдывается дѣленіе благъ на „хозяйственныя“ или имѣющія цѣнность благодаря своей относительной рѣдкости и „нехозяйственныя“, не обладающія цѣнностью вслѣдствіе своего изобилія. Къ послѣднимъ относятся „свободныя блага“ изобиліе которыхъ безусловно, вслѣдствіе неограниченности количества, въ которомъ они находятся въ обладаніи каждаго человѣка. Выше мы уже касались вопроса о цѣнности „нехозяйственныхъ благъ“ и высказались противъ такого обозначенія вообще, какъ включающаго въ себѣ contradictio in adjecto; ниже намъ придется остановиться спеціально на доводахъ теоретиковъ полезности, несправедливо лишающихъ всякой цѣнности блага, находящіяся въ изобилии и въ частности „свободныя блага“.

Дальнѣйшей задачей теоретиковъ полезности является прослѣдить, какимъ образомъ открытый ими законъ цѣнности проявляется при непосредственной и посредственной оцѣнкѣ благъ человѣкомъ т. е. въ какомъ видѣ должны направляться наши соображенія при оцѣнкѣ благъ въ качествѣ предметовъ потребленія, объектовъ обмѣна и средствъ для производства. Всѣ предъидущія разсужденія были построены на разсмотрѣніи вещей, какъ предметовъ потребленія, что избавляетъ насъ отъ необходимости возобновлять анализъ. Мы видѣли, что при этомъ процессѣ цѣнность единицъ блага опредѣляется для насъ не индивидуально для каждой отдѣльной части его, а также не соотвѣтственно важности рода потребностей, которой онъ удовлетворяетъ; цѣнность блага равна для всѣхъ единицъ его и соотвѣтствуетъ предѣльной полезности ихъ. Что касается процесса обмѣна, то оказывается, что для „мѣновой цѣнности“ вещей дѣйствителенъ тотъ же самый законъ. Обмѣнъ возможенъ въ двухъ видахъ: какъ обмѣнъ вещи на вещь и вещи на деньги. Импульсомъ къ обмѣну, какъ и ко всякому хозяйственному акту можетъ служить лишь разсчетъ на нѣкоторую выгоду. Выгода эта есть не

что иное, какъ преобладаніе пріобрѣтаемой вещи по своему значенію для человѣка надъ отчуждаемой,—вознагражденія надъ жертвой. На этомъ и основывается утвержденіе Бемъ-Баверка, что вопреки Марксу обмѣнъ никогда не совершается между равноцѣнностями, ибо при равенствѣ силъ имѣетъ мѣсто не движеніе, а равновѣсіе. Очевидно, что въ качествѣ объекта для обмѣна, вещь для собственника ея будетъ обладать не той цѣнностью, которую она могла бы имѣть при непосредственномъ потребленіи, а той, которой обладаетъ для него благопріобрѣтенная вещь. Цѣнность же послѣдней уже какъ предмета потребленія опредѣляется по закону „предѣльной полезности“ въ зависимости отъ объема данной потребности человѣка и количества подобныхъ вещей, находящихся въ его обладаніи. При обмѣнѣ вещи на деньги процессъ оцѣнки усложняется еще нѣсколькими ступенями.

Для большинства людей деньги или золото не имѣютъ непосредственной, потребительной цѣнности и являются лишь средствомъ для пріобрѣтенія вещей съ такими свойствами. Поэтому „цѣнность денегъ является антиципированной потребительной цѣнностью благъ, которыя можно пріобрѣсти при помощи ихъ“. (Wieser, Der natürliche Wert. S. 46) Только при доведеніи процесса обмѣна до его послѣдней стадіи, т. е. до обогащенія новой потребительной цѣнностью, выясняется основаніе для опредѣленія мѣновой цѣнности даннаго предмета и вступаетъ въ силу правило, установленное для случаевъ оцѣнки вещи обмѣниваемой на вещь. Впрочемъ, такое фактическое завершеніе процесса обмѣна не необходимо. Полученная продавцомъ сумма можетъ составить для него потенціальную мѣновую цѣнность, если онъ удовольствуется тѣмъ, что умножитъ ею свой денежный запасъ. Въ видѣ такой потенціальной цѣнности, она также подчинена закону „предѣльной полезности“. Каждая денежная единица изъ даннаго запаса капитала обладаетъ цѣнностью, зависящей отъ величины наименьшаго удо-

влетворенія, доставляемаго ею. Чѣмъ больше имущество капиталиста, тѣмъ меньше будетъ для него цѣнность каждой единицы его, ибо бѣднякъ расходуетъ свою копѣйку для покупки хлѣба, т. е. для поддержанія своего существованія, богачъ же вовсе и не знаетъ такой денежной единицы, такъ какъ привыкъ тратить рублями. Поэтому бѣднякъ готовъ вступить въ обмѣнъ или даже предпринять болѣе рискованную опецію, когда предвидитъ копѣечный барышъ, капиталистъ же только тогда, если выгода его измѣряется десятками и сотнями рублей. Такимъ образомъ законъ „предѣльной полезности“ руководитъ и мѣновой цѣнностью при всѣхъ возможныхъ видахъ обмѣна. При оцѣнкѣ благъ, предназначенныхъ для производства, происходитъ также процессъ перенесенія цѣнности продукта, на средство, служащее для его изготовленія. Простѣйшимъ случаемъ является тотъ, когда какъ производственное благо (средство производства), такъ и продуктъ единичны. Такъ, стебель растенія мы оцѣниваемъ по цвѣтку, который онъ приноситъ или вино, находящееся въ періодѣ броженія, по цѣнности, придаваемой нами готовому напитку. Разсмотрѣніе усложняется, когда вмѣсто единичныхъ величинъ выступаютъ сложныя, какъ это и бываетъ въ большинствѣ дѣйствительныхъ случаевъ. Съ одной стороны средства производства обыкновенно складываются изъ благъ различнаго свойства, съ другой стороны результатъ производственнаго процесса состоитъ изъ совокупности самыхъ разнообразныхъ продуктовъ. („Productionsverwandte Güter“—родственныя по производству блага). Цѣнность совокупности средствъ производства опредѣляется цѣнностью произведеннаго при ихъ помощи продукта. Однако, такъ какъ послѣдній состоитъ изъ множества благъ одного рода или даже часто различныхъ родовъ, то необходимо изслѣдовать, какая единица опредѣляетъ цѣнность совокупности продукта. Внимательное разсмотрѣніе доказываетъ намъ, что какъ бы различна ни была непосредствен-

ная потребительная цѣнность отдѣльныхъ единицъ продукта даннаго производительнаго процесса, дѣйствительная цѣнность всѣхъ ихъ одинакова и соотвѣтствуетъ полезности той изъ единицъ, которая служитъ наименьшей потребности. Вѣдь, какая бы единица продукта ни была утрачена, она всегда можетъ быть возстановлена путемъ производства на счетъ наименѣе стоющей единицы. Но, если цѣнность продукта опредѣляется сообразно предѣльной полезности единицы его, то слѣдовательно послѣдняя управляетъ и цѣнностью совокупности средствъ производства. Такимъ образомъ „цѣнность совокупности средствъ производства зависитъ отъ предѣльной полезности и цѣнности того продукта, который обладаетъ наименьшей предѣльной полезностью изъ всѣхъ продуктовъ, для производства которыхъ могла бы быть употреблена хозяйственно данная совокупность средствъ производства". (Böhm-Bawerk. Grundz. d. w. Güterw. S. 69). Теоретики предѣльной полезности возстаютъ самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ теоріи „издержекъ производства", приписывая послѣднимъ роль не дѣйствительной, а только кажущейся причины цѣнности. Совпаденіе цѣнности съ издержками производства есть лишь одинъ изъ частныхъ случаевъ, подчиненныхъ вышеприведенному общему закону. Производитель обыкновенно стремится къ наивозможному расширенію производства, къ извлеченію изъ него максимума выгоды; но увеличеніе количества производимыхъ продуктовъ вызываетъ паденіе ихъ цѣнности, а потому необходимо наступаетъ такой моментъ, когда дальнѣйшее увеличеніе производства является невыгоднымъ для производителя, ибо не покрываетъ его издержекъ. Такимъ образомъ, соображеніе объ „издержкахъ" должно разсматриваться, какъ весьма дѣйствительный мотивъ для открытія производства, продолженія, расширенія и пріостановки его, однако, „цѣнность" продукта не обусловливается имъ, а предполагается имъ уже существующей. Болѣе глубокій анализъ

долженъ доказать, что въ конечной очереди цѣнность продукта опредѣлается самостоятельно, согласно закону „предѣльной полезности“, по наименьшей полезности одного изъ „родственныхъ по производству“ благъ и, если цѣнность дѣйствительно нерѣдко совпадаетъ съ „издержками производства“, то это является только результатомъ искуснаго разсчета и предвидѣнія предпринимателя, направляющаго свои капиталы въ тѣ отрасли промышленности, которыя ему сулятъ выгоду. Впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ такого совпаденія не происходитъ, ибо предприниматель успѣваетъ извлечь сверхъ издержекъ производства значительный барышъ, какъ результатъ своего экономически-привилегированнаго положенія.

Другое осложненіе порождается разнородностью состава средствъ производства. Каждое производство требуетъ затраты капитала и труда; и того и другого въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и пропорціяхъ. Теоретики полезности обозначаютъ конечный, готовый продуктъ всего процесса производства благомъ „перваго порядка“, продукты же, извлекаемые въ предшествующіе производительные періоды и служащіе въ дальнѣйшемъ средствами производства для послѣдняго, суть блага „второго“, „третьяго“ и прочихъ высшихъ порядковъ. Возникаетъ вопросъ о томъ, какъ цѣнность готоваго продукта или „блага перваго порядка“ распредѣляется по различнымъ категоріямъ производственныхъ благъ, какъ вообще цѣнность блага низшаго порядка воздѣйствуетъ на цѣнность благъ высшаго порядка. Въ разрѣшеніи этого вопроса между теоретиками предѣльной полезности существуетъ разногласіе. Такъ, Цуккеркандль выражаетъ тотъ взглядъ, что цѣнность продукта, взятаго въ цѣломъ, опредѣляетъ цѣнность всей совокупности средствъ производства (Zuckerkandl. Zur Theorie des Preises, S. 347), и считаетъ невозможнымъ индивидуальное перенесеніе цѣнности на каждую отдѣльную категорію средствъ. Визеръ, наоборотъ, считаетъ возможнымъ послѣднее и

предлагаетъ поэтому вычислять зависимость цѣнности продукта отъ участія каждаго изъ производственныхъ факторовъ. Этотъ разсчетъ долженъ опредѣлить степень продуктивности каждаго блага, входящаго въ совокупность средствъ производства и, слѣдовательно, также и степень его участія въ созданіи цѣнности. Бемъ-Баверкъ рѣшаетъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что цѣнность замѣнимыхъ производственныхъ благъ опредѣляется ихъ мѣновой цѣнностью (таковы наемный трудъ, сырые матеріалы и пр.); цѣнность же незамѣнимыхъ благъ опредѣляется въ совокупности остальной частью цѣнности продукта (къ таковымъ средствамъ производства относятся, напр., данный участокъ земли, горный промыселъ, дѣятельность самаго предпринимателя и пр.). (Böhm-Bawerk. Grundzüge d. w. Güterw. S. 60). Впрочемъ, эту часть своего ученія сами теоретики полезности признаютъ недостаточно разработанной и Бемъ-Баверкъ считаетъ „разрѣшеніе вопроса о величинѣ участія, принадлежащаго каждому изъ факторовъ, содѣйствующихъ производству общаго продукта, задачей дальнѣйшаго изслѣдованія“. Такъ и Цуккеркандль признаетъ, что въ этомъ вопросѣ „ученіе страдаетъ еще большими пробѣлами“. Во всякомъ случаѣ, теоретики предѣльной полезности остались въ общемъ разрѣшеніи вопроса о цѣнности средствъ производства или производственныхъ благъ вполнѣ послѣдовательными своему взгляду и распространили законъ предѣльной полезности также и на категорію „производственныхъ цѣнностей“. Намъ не приходится разъяснять, что трудъ разсматривается теоретиками полезности въ качествѣ средства производства равнаго всѣмъ остальнымъ и оцѣнивается на основаніи того же самаго принципа.

Таково въ общихъ чертахъ ученіе о цѣнности, установленное теоретиками полезности или точнѣе теоретиками предѣльной полезности. Ихъ разработка интересующаго насъ явленія имѣетъ огромныя заслуги предъ всѣми прежними теоріями цѣнности. Во-первыхъ,

она отличается отъ нихъ по своей опредѣленности, ибо точно отграничиваетъ то явленіе, которое дѣлаетъ объектомъ своихъ наблюденій, и ясно формулируетъ понятія, съ которыми ей приходится оперировать. Во-вторыхъ, теорія полезности съумѣла охватить явленіе цѣнности во всемъ его объемѣ и представляетъ намъ объясненіе для всѣхъ ея отдѣльныхъ проявленій. Цѣнность является согласно этой теоріи слѣдствіемъ опредѣленнаго отношенія между вещами и человѣческими потребностями, именуемаго полезностью, и подчиняется въ своихъ измѣненіяхъ опредѣленному закону, именуемому закономъ предѣльной полезности. Наконецъ, значительная заслуга представителей разсматриваемаго нами направленія заключается въ томъ, что они поняли способъ, при помощи котораго изслѣдованіе цѣнности дѣлается успѣшнымъ и плодотворнымъ. Они впервые сознали необходимость отнести проблему о цѣнности къ области экономической статики и разсматривать это явленіе при условіи полнаго равновѣсія хозяйственныхъ силъ. Своимъ анализомъ они старались опредѣлить сущность, направленіе и интенсивность силъ, которыя являются заложенными при всѣхъ разнообразныхъ условіяхъ въ хозяйствующаго индивида и обусловливаютъ самый ходъ его хозяйственной дѣятельности. Послѣдняя уже является объектомъ динамики хозяйства, оперирующей надъ конкретнымъ направленіемъ и конкретными формами, которыя принимаетъ въ извѣстные моменты теченіе дѣйствительной хозяйственной жизни общества. Этотъ порядокъ вполнѣ отвѣчаетъ требованіямъ теоретическаго изслѣдованія, которое прежде, чѣмъ переходить къ сложному должно выяснить простое, прежде чѣмъ изслѣдовать комбинированныя дѣйствія хозяйственныхъ силъ при разнообразныхъ условіяхъ и въ ихъ разнообразныхъ формахъ, должно выяснить ихъ элементарныя проявленія въ состояніи равновѣсія. Эту цѣль и преслѣдуетъ изслѣдованіе цѣнности, а потому мы можемъ сказать, что оно является ученіемъ о хозяй-

ственной статикѣ. Въ области экономической динамики, теоріей полезности пока еще сдѣлано весьма немного, что объясняется сравнительно недавнимъ завоеваніемъ теоріей полезности общепризнаннаго положенія въ наукѣ. Однако, интересныя изслѣдованія въ этой области, далеко превышающія по своему значенію научныя гипотезы или „попытки“, уже существуютъ. Кромѣ трудовъ, самихъ основателей субъективнаго направленія, не ограничивающихся обыкновенно разсмотрѣніемъ экономической статики, а касающихся также явленій обмѣна и дѣйствія капитала, интересны сочиненія американскихъ экономистовъ Гоббсона, Кларка, Паттена, нѣмецкихъ—Штольцмана, Викселя и др., прослѣдившихъ дѣйствіе законовъ цѣнности въ области потребленія, обмѣна и распредѣленія, не безъ того, конечно, чтобъ внести нѣкоторыя поправки и ограниченія въ положенія представителей австрійской школы. Большинство возраженій, которыя вызываетъ до сихъ поръ ученіе о цѣнности, установленное теоретиками полезности, объясняется именно непониманіемъ этого столь же правильнаго, сколь и полезнаго раздѣленія изслѣдованія на ученіе о статикѣ и ученіе о динамикѣ хозяйства, проведеннаго экономистами новаго направленія. Главнымъ пунктомъ несогласія является вопросъ объ „издержкахъ“ и ихъ вліяніи на цѣнность, вопросъ въ которомъ популярное представленіе поддерживаетъ старую науку противъ положеній новой теоріи. Ниже намъ придется подробнѣе остановиться на спорѣ представителей „новоклассицизма“ съ теоретиками полезности по этому вопросу, пока же мы постараемся привести тѣ дѣйствительныя возраженія, которыя должны быть сдѣланы приверженцамъ новаго направленія, но которыя не представлены до сихъ поръ только вслѣдствіе упрямаго отказа консервативныхъ умовъ вникнуть въ психоэкономическую систему теоріи полезности, чтобы тѣмъ самымъ не снять съ нея клейма не законнорожденнаго дитяти экономической науки.

Когда мы обращаемся къ схемѣ человѣческихъ потребностей, изображенныхъ на приведенной таблицѣ Менгера, насъ при первомъ взглядѣ подкупаетъ ясность и простота, съ которыми здѣсь представлены процессы, затемненные полуметафизическимъ толкованіемъ объективныхъ теорій. Эта сила контраста и склоняетъ насъ къ тому, чтобы принять эту схему безъ надлежащаго къ ней критическаго отношенія. Однако, какъ повсюду, такъ и здѣсь чрезмѣрная простота и наглядность граничатъ съ неправдой, ибо предполагаютъ множество упущеній или даже искаженій. Начнемъ наше разсмотрѣніе съ основного понятія, устанавливаемаго теоріей полезности, съ понятія „полезности“. Мы своевременно указывали на то усовершенствованіе, которое было внесено разсматриваемой теоріей въ толкованіе явленія полезности. „Полезность“ пріобрѣла субъективное и относительное значеніе, какъ пригодность вещи служить удовлетворенію извѣстныхъ потребностей человѣка, откуда и слѣдовалъ выводъ, что оцѣнка полезностей должна производиться съ точки зрѣнія конкретной потребности, которой вещь способна служить. Это принципіально правильное положеніе было однако искажено тѣмъ, что совершая искомое дѣленіе человѣческихъ потребностей, теоретики полезности не съумѣли вполнѣ отказаться отъ господствовавшей до нихъ идеи. Соотвѣтственно прежнимъ „родовымъ“ полезностямъ вещей, нынѣ выступаетъ классификація, „родовъ“ потребностей по ихъ значенію. Во главѣ всѣхъ категорій потребностей подъ римской цифрой I ставится потребность въ пищѣ, далѣе потребность въ другихъ „необходимыхъ“ вещахъ и проч. вплоть до потребностей въ табакѣ, спиртныхъ напиткахъ, развлеченіяхъ (ср. Böhm-Bawerk. Grundzüge d. w. Güterw. S. 25). Это дѣленіе оправдывается тѣмъ, что будто бы въ болѣе важномъ родѣ потребностей высшая потребность превосходитъ по степени своей интенсивности высшія

потребности остальныхъ родовъ. („Dass bei ihr gewissermassen der Kopf höher emporragt, während die Basis bei allen im gleichen Niveau liegt". Böhm-Bawerk. Тамъ-же). Въ дѣйствительности установленіе такого мѣстничества въ рядахъ человѣческихъ потребностей неосновательно. Произошло оно у теоретиковъ полезности, во-первыхъ, вслѣдствіе допущеннаго ими смѣшенія двухъ точекъ зрѣнія на человѣческую потребность—психоэкономической и физіологической, и, во-вторыхъ, вслѣдствіе сопоставленія потребностей при неодинаковыхъ условіяхъ. Дѣйствительно, съ физіологической точки зрѣнія мы можемъ распредѣлить роды нашихъ потребностей по степенямъ относительной ихъ важности для поддержанія нашего существованія. Однако, классификація не только не будетъ соотвѣтствовать идеѣ о цѣнности вещей, существующей въ индивидуальномъ сознаніи, единственно интересующемъ экономическое изслѣдованіе, но нерѣдко будетъ ей прямо противорѣчить. Франкъ ошибается, когда утверждаетъ, что „современная психологія открыла законъ, по которому чувства удовольствія и страданія составляютъ лишь психологически сопровождающій моментъ пользы или вреда для жизни извѣстныхъ физіологическихъ явленій, связанныхъ съ этими чувствами, и интенсивность этихъ послѣднихъ идетъ параллельно величинѣ этой пользы или вреда" (Франкъ. Теорія цѣнн. Маркса. Стр. 207). Это отнюдь не есть законъ для оцѣнокъ современнаго человѣка, а только указаніе на направленіе, въ которомъ движется человѣческое приспособленіе въ данной области, при чемъ это указаніе дѣлается психологіей не въ формѣ категорическаго научнаго утвержденія, а только въ качествѣ предположенія, нуждающагося въ подтвержденіи фактами. Въ дѣйствительности мы встрѣчаемся съ огромнымъ количествомъ вещей, которыя служа удовлетворенію человѣческихъ потребностей и являясь такимъ образомъ экономическими цѣнностями, физіологически приносятъ человѣку несомнѣнный вредъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, цѣлый рядъ потребностей, относясь къ духовной жизни человѣка, исключаетъ оцѣнку съ физіологической точки зрѣнія. Потребности въ свободѣ, чести, власти и пр. могутъ быть развиты въ человѣкѣ весьма сильно, совершенно не отвѣчая опредѣленнымъ физіологическимъ запросамъ его. Если алкоголикъ оцѣниваетъ бутылку водки дороже куска хлѣба, если тщеславіе толкаетъ человѣка на значительныя лишенія, а любовь къ свободѣ заставляетъ его нерѣдко жертвовать своей жизнью, то это доказываетъ, что физіологическая полезность не можетъ служить основаніемъ для опредѣленія старшинства даннаго рода потребностей и классификаціи ихъ по ихъ значенію. Для доказательства основательности своей классификаціи теоретики полезности прибѣгаютъ обыкновенно къ примѣрамъ, обладающимъ тѣмъ недостаткомъ, что въ нихъ сопоставляются явленія не при одинаковыхъ условіяхъ. Лишь тогда можетъ считаться доказаннымъ то положеніе, что одинъ родъ потребности способенъ достигнуть высшей степени интенсивности конкретной потребности, чѣмъ другой, если одинаково сравнивать данныя потребности при крайнемъ ихъ напряженіи. Однако, тогда окажется, что не только потребность путешественника въ пустынѣ, изнывающаго отъ жажды, способна достигать высшаго предѣла интенсивности, но и потребность заключеннаго въ свѣтѣ и свободѣ можетъ быть въ немъ сильнѣе жизни, и часто потребности, кажущіяся нѣкоторымъ людямъ ничтожными, доводятъ другихъ до самоубійства. Вслѣдствіе разнообразныхъ причинъ внутренняго и внѣшняго свойства мыслимо наивысшее напряженіе каждаго рода нашихъ потребностей. Поэтому совершенно неправильна установленная теоретиками полезности классификація человѣческихъ потребностей по старшинству ихъ родовъ; такое распредѣленіе не можетъ имѣть никакого категорическаго и общаго значенія, вслѣдствіе чего наукѣ и не приходится прибѣгать къ нему. Вмѣстѣ съ тѣмъ, возмож-

но было бы указать точнѣе тотъ высшій предѣлъ, котораго способна достигнуть по своей интенсивности человѣческая потребность. Этотъ предѣлъ не будетъ равенъ безконечности, не будетъ вообще величиной объективно постоянной. Наивысшая степень интенсивности, въ которой потребность можетъ предстать предъ индивидуальнымъ сознаніемъ, должна соотвѣтствовать той степени, въ которой данный человѣкъ дорожитъ своей жизнью, ибо наибольшимъ страданіемъ является для него то, которое перевѣшиваетъ сумму всего удовлетворенія, доставляемаго ему его существованіемъ. Конечно послѣдняя величина т. е. цѣнность жизни, является вполнѣ субъективной для каждаго человѣка, однако, это не уничтожаетъ значенія нашего положенія, ибо въ тотъ моментъ, когда неудовлетворенность, или извѣстная потребность, превышаетъ субъективное удовлетвореніе, доставляемое человѣку жизнью, то ничто уже не можетъ заставить его продолжать свое существованіе. Такимъ образомъ, прежде всего Менгеровская схема потребностей должна быть исправлена въ томъ смыслѣ, что всѣ роды потребностей должны быть признаны равноправными другъ передъ другомъ и высшая предѣльная интенсивность для конкретной потребности каждаго рода должна опредѣляться субъективной жизненной цѣнностью.

Дальнѣйшую непослѣдовательность мы открываемъ въ толкованіи теоретиками полезности явленія „рѣдкости“. И въ области этого понятія ихъ реформа не была закончена. Лишивъ „рѣдкость“ значенія самостоятельнаго фактора цѣнности, понимая ее въ видѣ отношенія наличнаго количества благъ къ объему существующей въ насъ потребности, теоретики полезности справедливо низвели „рѣдкость“ на степень показателя полезности вещи. Какъ таковой, однако, она можетъ существовать лишь въ связи съ явленіемъ полезности, ибо показатель степени не можетъ существовать безъ своего основанія. Намъ не прихо-

дится оцѣнивать экономической „рѣдкости“ вещей ни на что не пригодныхъ въ хозяйствѣ, такъ же, какъ мы не интересуемся таковой въ вещахъ, которыя лежатъ внѣ сферы хозяйственнаго могущества индивида. Однако, теоретики полезности не провели послѣдовательно до конца такого воззрѣнія на рѣдкость въ своей системѣ. Избытокъ предметовъ, служащихъ удовлетворенію одного рода потребностей, низводитъ данную потребность до 0, ибо не позволяетъ оставаться открытой ни одной конкретной потребности. Эта цифра и занимаетъ въ схемѣ степеней человѣческихъ потребностей послѣднее мѣсто каждаго ряда. Дѣйствительно, насыщеніе опредѣленной потребности, дѣлаетъ безполезными всѣ остальные предметы того-же рода, но въ проблему рѣдкости входитъ не оцѣнка вещей, которыя для насъ безполезны, ибо таковыя стоятъ, какъ бы, внѣ нашего господства, а тѣхъ, которыя въ своей совокупности служатъ существующей въ насъ потребности. Нѣтъ сомнѣнія, что воздухъ, которымъ мы *не можемъ* дышать, вода, которой мы позволяемъ утечь, *не использывая ея*, не имѣютъ для насъ никакой цѣнности; однако, это происходитъ не отъ того, что „рѣдкость“ ихъ ничтожна, а вслѣдствіе того, что эти вещи не являются для насъ благами, не находя соотвѣтственной потребности, по отношенію къ которой онѣ могли бы явиться полезностями. Эти вещи такъ же мало занимаютъ экономическую теорію, какъ богатства Марса, которыми мы не способны овладѣть, или великія достоинства булыжника, къ сожалѣнію еще не открытыя. По отношенію къ такимъ вещамъ вовсе и не можетъ быть рѣчи о ихъ „рѣдкости“, ибо, какъ мы видѣли, рѣдкость неотдѣлима отъ полезности. Когда мы говоримъ объ „экономической рѣдкости“ извѣстныхъ вещей напр. хлѣба, предметовъ роскоши, воды, воздуха и пр., то необходимо подразумѣваемъ при этомъ количества ихъ, потребляемыя индивидуумомъ, или по крайней мѣрѣ допускающія потребленіе, другими словами, мы говоримъ объ эко-

номической рѣдкости вещей, въ качествѣ благъ. Такимъ образомъ, понятіе „рѣдкости“ не можетъ существовать по отношенію къ вещамъ, которыя не способны служить какой либо потребности, ибо „рѣдкость“ является для насъ непонятной внѣ предѣловъ „полезности“. Все это разсужденіе находится въ полномъ согласіи съ общими положеніями теоріи полезности, однако, теоретики полезности фактически отступаютъ отъ такого пониманія „рѣдкости“. Согласно теоріи полезности блага, покрывающія всю нашу потребность и имѣющіяся еще въ избыткѣ, не обладаютъ никакой цѣнностью, ибо не отличаются никакой „рѣдкостью“. Поэтому цѣнность каждой единицы того блага, которое успѣло низвести нашу потребность до 0, равняется также—нулю. Въ этомъ положеніи не трудно найти противорѣчіе съ высказанными соображеніями о сущности понятія „рѣдкости“ Соглашаясь съ тѣмъ положеніемъ, что избыточное количество блага, не служа никакой потребности не имѣетъ никакой цѣнности, мы устраняемъ возможность обсуждать его съ точки зрѣнія „полезности“ и „рѣдкости“. Это количество является для насъ въ экономическомъ отношеніи совершенно безразличнымъ и фактъ его присутствія знаменателенъ лишь постолько, посколько онъ способствовалъ насыщенію нашей потребности до самыхъ низкихъ степеней. Но, очевидно, что раздѣленіе одного и того же рода благъ на двѣ группы, изъ которыхъ одна обладая „полезностью“ и „рѣдкостью“ обладаетъ и цѣнностью, другая же, являясь безполезной и избыточной,—послѣдней не обладаетъ, съ хозяйственной точки зрѣнія недопустимо. Всѣ единицы однородной совокупности благъ имѣютъ въ хозяйствѣ одно и то же значеніе. Поэтому для выясненія цѣнности благъ, находящихся въ изобиліи, необходимо опредѣлить отношеніе ихъ къ явленіямъ „полезности“ и „рѣдкости“ во всей ихъ совокупности. Изъ такового разсмотрѣнія долженъ быть сдѣланъ тотъ выводъ, что, какъ бы малъ ни былъ объемъ су-

ществующей въ насъ опредѣленной потребности и какъ бы значительно ни было количество вещей даннаго рода, способныхъ служить ея удовлетворенію, эти вещи, насколько мы ими пользуемся, обладаютъ для насъ всегда субъективной „полезностью“ и „рѣдкостью“, хотя подчасъ и минимальной. То соображеніе, что объективно данныя вещи существуютъ въ неограниченномъ количествѣ, не лишаетъ ихъ субъективной рѣдкости, ибо не все то, что насъ окружаетъ становится нашимъ достояніемъ, является предметомъ нашего потребленія. Поэтому, отрицать за отдѣльной единицей нѣкотораго *блага* цѣнность на томъ основаніи, что извѣстное количество его не находитъ потребительнаго примѣненія (взглядъ, проводимый теоретиками полезности), столь же несправедливо, какъ несправедливо приписывать единицѣ такого блага огромную цѣнность, если нѣкоторое количество даннаго блага является для насъ необходимымъ (взглядъ стараго ученія на цѣнность). Вопреки мнѣнію теоретиковъ полезности, „рѣдкость“ (или вѣрнѣе „изобиліе“) не можетъ уничтожить „полезности“, ибо „рѣдкость“ и „полезность“ суть понятія неразрывно связанныя другъ съ другомъ, и только полное отсутствіе потребности извѣстнаго рода, исключаетъ возможность оцѣнивать данную вещь съ точки зрѣнія ея „полезности“ и „рѣдкости“, ибо лишаетъ ее значенія блага, а слѣдовательно и цѣнности. Теоретики полезности не сумѣли провести до конца субъективное толкованіе явленія рѣдкости. Сравнивая ограниченную человѣческую потребность съ неограниченнымъ запасомъ вещей извѣстнаго рода, теоретики полезности оцѣнивали это отношеніе больше съ внѣшней, чѣмъ съ внутренней стороны, ибо съ субъективной точки зрѣнія, какъ бы велико ни было количество окружающихъ насъ вещей, использованіе ихъ возможно лишь сравнительно въ незначительномъ объемѣ. Послѣднее „субъективное“ количество и опредѣляетъ относительную рѣдкость благъ, ибо остальныхъ вещей, со-

ставляющихъ ни на что не пригодный избытокъ, въ экономическомъ смыслѣ для насъ, какъ бы, вообще не существуетъ. Такое пониманіе должно, какъ намъ кажется, разрѣшить старый споръ о цѣнности „свободныхъ благъ", благъ „находящихся въ неограниченномъ количествѣ въ распоряженіи каждаго". Уже самое обозначеніе „блага" предполагаетъ за предметомъ присутствіе извѣстной цѣнности, которую отрицаютъ теоретики, замѣчающіе, что значительное количество единицъ этихъ „благъ" не находитъ никакого полезнаго примѣненія. Послѣдній взглядъ, какъ мы видѣли, отстаиваютъ и теоретики полезности, при чемъ, совершенно не основательно, такъ какъ нельзя смѣшивать двѣ различныя группы вещей, хотя бы матеріально, съ внѣшней стороны однородныя. А именно, необходимо различать между той частью свободныхъ благъ, которая является объектомъ нашего господства и доступна потребленію, и той, которая, не находя никакого полезнаго примѣненія, лежитъ внѣ сферы нашего экономическаго обладанія, а потому не является для насъ и благами. Однако, наше безразличное отношеніе къ этой второй части не можетъ лишить хозяйственнаго значенія, а слѣдовательно и цѣнности, первой части запаса. Конечно, „свободныя блага", какъ находящіяся въ распоряженіи каждаго, не могутъ являться объектами обмѣна и потому обладать мѣновой цѣнностью Но это не лишаетъ ихъ потребительной и производительной цѣнности, доказательство чего доставляетъ не только наше отвлеченное сужденіе, но и тѣ конкретныя объективныя выраженія, которыя обнаруживаютъ ихъ цѣнность. Въ дѣйствительности всякая вещь, являясь предметомъ нашего потребленія, т. е. пріобрѣтая значеніе блага, требуетъ съ нашей стороны опредѣленной затраты физическихъ усилій или же денежныхъ издержекъ въ качествѣ оплаты пользованія ею. Вода должа быть извлечена изъ колодца, принесена изъ рѣки или источника, или проведена по-

средствомъ водопровода; дѣвственная почва должна быть расчищена, поле распахано; даже воздухъ долженъ быть втянутъ легкими и, хотя этотъ процессъ происходитъ механически, однако, несомнѣнно требуетъ извѣстной затраты энергіи. Сумма этихъ усилій нерѣдко допускаетъ переводъ на деньги. Крестьянинъ познаетъ цѣнность, которую для него имѣетъ солнечное тепло, когда наступленіе морозовъ заставляетъ его обзаводиться дровами и теплой одеждой; горожане сознаютъ цѣнность чистаго воздуха, когда производятъ лѣтомъ расходъ на поливку улицъ, также и чахоточный больной дорого оплачиваетъ свою поѣздку въ горы; цѣнности свѣта и воды, конечно, не станетъ отрицать тотъ, кому приходилось уплачивать счета электрическаго или водопроводнаго обществъ. Эти факты подтверждаютъ, что мы оплачиваемъ пользованіе каждой единицей „свободнаго блага“ извѣстными жертвами матеріальнаго или физическаго свойства, что доказываетъ съ несомнѣнностью, что каждая единица этихъ благъ представляетъ для насъ извѣстную цѣнность. Въ дѣйствительности предположеніе, будто есть такіе блага, которыя доступны намъ въ совершенно неограниченномъ количествѣ, основано на фикціи, ибо, каково бы ни было количество ихъ съ объективной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія пользующагося ими субъекта предметы потребленія всегда ограничены въ своемъ количествѣ. Причиной такого ограниченія служатъ либо естественныя, либо соціальныя условія. На индивидуальныя физіологическія условія мы уже указывали, однако, „свободныя блага“ обыкновенно не обладаютъ предполагаемой свободой также вслѣдствіе природныхъ преимуществъ, присущихъ опредѣленнымъ странамъ или народностямъ. Минеральные источники, красоты природы, мягкость климата, культурность нравовъ, морскія купанія и пр. и пр. мѣстныя особенности, въ сущности вполнѣ относясь къ категоріи „свободныхъ благъ“, составляютъ нерѣдко главнѣйшіе источники народнаго богатства. Такъ же и предоста-

вленіе при помощи извѣстныхъ соціальныхъ отношеній одному человѣку эксплоатаціи опредѣленнаго рода благъ, (мы говоримъ объ установленіи монополій) не должно само по себѣ ограничить пользованіе даннымъ благомъ, а имѣетъ цѣлью только видоизмѣнить распредѣленіе общественнаго дохода. Выгода, выпадающая на долю привиллегированнаго владѣльца и выражаетъ общую величину цѣнности даннаго блага, представлявшую общее достояніе въ то время, когда данное благо относилось къ категоріи „свободныхъ". Монополія не порождаетъ цѣнности, а сама необходимо предполагаетъ ее. Поэтому отрицаніе за „свободными благами" цѣнности совершенно не неосновательно, ибо эти блага, какъ и всѣ другія, въ качествѣ „благъ" необходимо предполагаютъ извѣстную степень „полезности" и „*рѣдкости*". Намъ представляется безспорнымъ, что „свободныя блага", являясь „благами", т. е. служа удовлетворенію человѣческихъ потребностей, имѣютъ цѣнность, хотя и не всегда имѣютъ цѣну. Фактъ безполезности „избытка" ихъ также несомнѣненъ; однако, это не можетъ умалить значенія ихъ полезной части. Такъ, если въ библіотекѣ ученаго находится серія изданій, утратившихъ свое значеніе и не имѣющихъ научнаго интереса, то это вовсе не уничтожаетъ цѣнности всѣхъ остальныхъ книгъ для ученаго; онъ отказывается отъ пользованія ненужной частью ихъ, но продолжаетъ придавать остальнымъ своимъ книгамъ присущую имъ цѣнность. Формулируя наше второе возраженіе противъ теоріи полезности, мы можемъ сказать, что она такъ же, какъ не сумѣла вполнѣ оцѣнить субъективное значеніе явленія „полезности", не опредѣлила вполнѣ субъективнаго смысла понятія „рѣдкости". Не дѣлая различія между количествами извѣстной вещи выступающими въ качествѣ „блага", и количествомъ ея, являющимся безполезнымъ „избыткомъ", теоретики полезности смѣшали экономическую „рѣдкость", съ математическимъ или физическимъ „количествомъ"

Это и привело ихъ къ неправильному выводу о томъ, что единица блага, находящагося въ изобиліи, не обладаетъ никакой цѣнностью, откуда и слѣдовало заключеніе о безцѣнности „свободныхъ благъ“. Въ дѣйствительности экономическую теорію должны занимать не тѣ вещи, которыми мы *не* пользуемся, а тѣ, которыми пользуемся. Послѣднія, являясь благами, не могутъ присутствовать въ неограниченномъ количествѣ, ибо запасъ нашей энергіи, необходимой для ихъ усвоенія, является самъ ограниченнымъ. Такимъ образомъ, всѣ „блага“ должны обладать свойствами „полезности“ и „рѣдкости“. То же относится и къ „свободнымъ“ благамъ, потребляемое количество которыхъ необходимо находитъ опредѣленное ограниченіе въ индивидуальныхъ, естественныхъ и соціальныхъ условіяхъ хозяйственной жизни.

Слѣдующій недостатокъ теоріи полезности относится къ ея опредѣленію „единицы“ блага. Мы видѣли, какъ точно устанавливаетъ трудовая теорію свою единицу для сравненія цѣнности благъ различнаго рода. Какъ бы ошибоченъ намъ не казался трудовой принципъ и всякій объективный принципъ вообще для обоснованія явленія цѣнности, мы должны отдать полную справедливость цѣльности и законченности трудовой теоріи. Теорія полезности не сумѣла распространить свою идею на всю совокупность явленій, надъ которыми ей приходится оперировать. Постоянно говоря о зависимости между цѣнностью „единицы“ и полезностью ея, теорія полезности не установила, какая собственно часть даннаго блага должна разсматриваться въ качествѣ „единицы“ его. Въ одномъ случаѣ это можетъ быть большая часть, въ другомъ—меньшая, въ третьемъ—вся совокупность, а между тѣмъ въ зависимости отъ величины этой единицы должна, согласно теоріи полезности, измѣняться оцѣнка даннаго блага. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такой неопредѣленностью создается то затрудненіе, что „единицы“ разнородныхъ благъ оказываются совершенно несоизмѣри-

мыми другъ съ другомъ. Этотъ упрекъ предвидѣлъ и самъ Бемъ-Баверкъ, однако, его опроверженіе вовсе не убѣдительно. Онъ утверждаетъ, что „люди не могутъ произвольно избирать „единицы“ для оцѣнки, ибо тѣ самыя внѣшнія условія, которыя ихъ приводятъ вообще къ оцѣнкѣ извѣстнаго рода благъ, содержатъ въ себѣ вполнѣ категорическое указаніе, какое количество должно быть разсматриваемо, какъ единичный объектъ оцѣнки. Если я пожелаю купить лошадь, то мнѣ не придетъ въ голову выводить сужденіе, какова бы была для меня цѣнность ста лошадей, или всѣхъ лошадей на свѣтѣ и сообразовать съ нимъ мой спросъ въ качествѣ покупателя; но я естественно произвожу оцѣнку одной лошади. Такъ то мы и производимъ каждый разъ въ силу внутренней необходимости такую оцѣнку, какой требуетъ конкретная экономическая ситуація“ (Böhm-Bawerk. Grundz. d. w. Güterw. S. 16). Однако, примѣръ этотъ подобранъ весьма тенденціозно и не можетъ дать общаго разъясненія, требуемаго нами. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что человѣкъ оцѣнивая значеніе какого либо предмета не станетъ разсуждать о томъ, какое значеніе для него представляетъ „сто“ подобныхъ предметовъ или всѣ такіе предметы „на свѣтѣ“. Рѣчь идетъ объ измѣреніи даннаго объекта или сравненіи съ единицей того количества блага, которое является предметомъ нашихъ желаній. Въ примѣрѣ Бемъ-Баверка конечно „лошадь“ не допускаетъ никакихъ дѣленій, какъ живое существо, однако это есть не психологическій результатъ, а только—физіологическій. Полезность же пуда сахара или муки можетъ оцѣниваться и въ отношеніи всей массы его, или же съ точки зрѣнія полезности каждаго фунта, или какой либо иной единицы вѣса и въ этомъ случаѣ цѣнящій субъектъ вовсе не находитъ никакихъ „категорическихъ указаній“, какое количество разсматривать какъ единичный объектъ оцѣнки. Такъ же, еслибъ мы нуждались не въ одной лошади, а въ извѣстной совокупности лошадей, напр. въ 100 лошадяхъ, то мы

были бы поставлены въ затрудненіе, оцѣнивать ли это количество въ цѣломъ или по опредѣленнымъ категоріямъ сообразно тому хозяйственному назначенію, которое нами будетъ дано впослѣдствіи каждой изъ этихъ категорій, или съ точки зрѣнія полезности для насъ каждой отдѣльной лошади. Такъ же мясникъ, покупающій вола или свинью на убой, можетъ избрать самыя различныя вѣсовыя единицы для оцѣнки полезности даннаго блага. Вліяніе этой неопредѣленности въ выборѣ „единицы“ для оцѣнки блага является замѣтнымъ уже въ вопросѣ о цѣнности „свободныхъ благъ“ въ томъ видѣ, какъ онъ рѣшается теоріей полезности: за совокупностью всего блага извѣстнаго рода теоретики полезности, конечно, не отрицаютъ огромной цѣнности, цѣнность же каждой отдѣльной единицы его, согласно теоріи полезности, равна = О. Каково же въ дѣйствительности наше отношеніе къ „свободнымъ благамъ“, какую „единицу“ выбираемъ мы для ихъ оцѣнки и представляются ли они для нашего сознанія имѣющими цѣнность или нѣтъ? Очевидно, что выборъ „единицы“ оцѣнки воздѣйствуетъ на величину „предѣльной полезности“, которая согласно разсматриваемой теоріи управляетъ цѣнностью вещей, и поэтому весьма важно было бы установить опредѣленный принципъ, согласно которому величина „единицы“ опредѣляется разъ на всегда для всѣхъ благъ. Этотъ принципъ долженъ въ равной степени относиться ко всѣмъ родамъ благъ, ибо только при такихъ условіяхъ явится возможность сравнительной оцѣнки ихъ, лишь при такихъ условіяхъ мы сумѣемъ выяснить себѣ, какія количества разнородныхъ благъ, выраженныя въ мѣрахъ также различнаго рода, для насъ представляются равноцѣнностями. Недостаточность разработки этого вопроса выступаетъ съ яркостью въ той части теоріи полезности, въ которой трактуется о цѣнности средствъ производства или „производственныхъ благъ“. Теорія полезности въ результатѣ своего изслѣдованія о зависимости, существующей между

средствами производства и произведеннымъ продуктомъ устанавливаетъ положеніе, что цѣнность „единицы“ произведеннаго блага равна цѣнности „единицы“ продукта которая въ свою очередь опредѣляется цѣнностью того изъ „родственныхъ по производству“ благъ, которое обладаетъ предѣльной полезностью. Если принять во вниманіе, что продуктъ складывается часто изъ благъ разнаго рода и что средства производства всегда отличаются отъ него по своимъ внѣшнимъ и внутреннимъ свойствамъ, то становится совершенно непонятно, что именно должно руководить нами при опредѣленіи „единицы“ производственнаго блага и какимъ образомъ „единица“ продукта, соотвѣтствующая извѣстному индивидуальному предмету, приложима для измѣренія всѣхъ „родственныхъ“ продуктовъ иного рода. Такъ же и въ процессѣ обмѣна: мы не можемъ опредѣлить цѣнности цѣлой вещи, состоящей изъ отдѣльныхъ частей или цѣнность совокупности вещей, если не имѣемъ точнаго представленія о величинѣ „единицы“ даннаго блага. Теоретики полезности, хотя и подошли близко къ разрѣшенію этого вопроса, однако все же не открыли его. Строя свою систему на чисто психологическомъ основаніи, теоретики полезности должны были искать опредѣленія внѣшнихъ вещей при помощи того же субъективнаго принципа, толковать объектъ изъ субъекта. Вмѣсто этого они въ данномъ вопросѣ остались вѣрны поверхностному внѣшнему взгляду на вещи и ссылались для опредѣленія „единицы“ блага либо на его органическія и физическія свойства, либо на какой то таинственный категорическій императивъ, руководящій нашей оцѣнкой. Единственнымъ прочнымъ и всеобщимъ основаніемъ для соизмѣренія всѣхъ благъ можетъ служить лишь субъективное ощущеніе. Будучи предназначенной для удовлетворенія нашихъ потребностей, вещь представляется намъ экономической величиной лишь постольку, поскольку она исполняетъ свое хозяйственное назначеніе. Вслѣдствіе этого единицей вещи, въ качествѣ блага, должно счи-

таться то количество ея, которое доставляетъ намъ единицу удовлетворенія. Различныя количества разнородныхъ благъ пріобрѣтаютъ одинаковый хозяйственный смыслъ изъ общаго имъ всѣмъ назначенія, и принципомъ для соизмѣренія ихъ всѣхъ можетъ служить только величина этого значенія. Этимъ „единица“ блага становится всеобщей и постоянной величиной для всѣхъ вещей, представляя изъ себя такую же абстракцію отъ нихъ, какъ единица времени, которая въ равной степени относится ко всѣмъ частямъ сутокъ или единица пространства, измѣряющая всѣ отношенія сосуществованія. Теоретики полезности не поняли необходимости установленія такой всеобщей и постоянной „единицы“ для сравненія хозяйственныхъ вещей между собой и не пошли далѣе внѣшняго, математическаго дробленія блага для опредѣленія „единицы“ его, что вноситъ много неясностей въ ихъ положенія.

Мы переходимъ къ оцѣнкѣ основного закона теоріи полезности, закона „предѣльной полезности“. Этотъ законъ имѣетъ цѣлью установить единый принципъ для всей совокупности человѣческихъ оцѣнокъ. Его важность, какъ преслѣдующаго такую задачу, является очевидной, ибо онъ долженъ разъяснить намъ сущность того процесса, который заставляетъ человѣка придавать вещамъ именно опредѣленное экономическое значеніе, процесса, лежащаго въ основѣ всей хозяйственной дѣятельности индивида. Однако, обращаясь къ дѣйствительной жизни мы сразу убѣждаемся, что примѣненіе принципа „предѣльной“ полезности, можетъ быть только ограниченнымъ. Среди окружающихъ насъ предметовъ, предназначенныхъ для удовлетворенія нашихъ потребностей, ряды однородныхъ благъ, которыя только и способны обладать „предѣльной полезностью“, встрѣчаются сравнительно рѣдко. Письменный столъ, за которымъ мы работаемъ, чернильница, стоящая на немъ, кресло, на которомъ мы сидимъ, книжный шкафъ, диванъ и прочіе предметы нашей кабинетной обстановки имѣютъ всѣ вполнѣ

опредѣленное индивидуальное назначеніе и ни о какой „предѣльной полезности“ при ихъ оцѣнкѣ говорить не приходится. Это относится къ большинству вещей, являющихся предметами нашего пользованія, въ особенности же къ благамъ, при помощи которыхъ мы удовлетворяемъ наши духовныя потребности. Такимъ образомъ оказывается, что принципъ „предѣльной“ полезности для очень значительнаго количества вещей безполезенъ, не имѣетъ никакого значенія. Однако, разсмотримъ, насколько онъ является справедливымъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ намъ приходится имѣть дѣло съ совокупностями благъ. При этихъ условіяхъ хозяйственный интересъ человѣка можетъ быть направленъ на разрѣшеніе двухъ слѣдующихъ вопросовъ: какова цѣнность данной совокупности, взятой въ цѣломъ, и какова цѣнность каждаго единичнаго блага, входящаго въ нее. Согласно теоріи предѣльной полезности цѣнность совокупности опредѣляется по предѣльной полезности единицы даннаго блага. Такъ Цуккеркандль, говоря о мѣновой цѣнности благъ, указываетъ на то, что совокупность пріобрѣтаемыхъ предметовъ оцѣнивается по наименьшей пользѣ, которую доставляетъ одна часть изъ даннаго запаса (Zuckerkandl. Theorie des Preises, S. 333). Бемъ-Баверкъ, опредѣляя цѣнность производственныхъ благъ, устанавливаетъ ея зависимость отъ предѣльной полезности единицы продукта (Böhm-Bawerk. Grundz. d. w. G. 69). Паттенъ, трактуя о величинѣ потребительной цѣнности извѣстной совокупности благъ, опредѣляетъ ее при помощи умноженія предѣльной полезности единицы даннаго блага на число наличныхъ единицъ его. (Patten. Die Bedeutung der Lehre vom Grenznutzen. S. 512. См. табл. Gesamtwert). Увеличивать количество ссылокъ не приходится, ибо любое изложеніе теоріи предѣльной полезности можетъ подтвердить выставленное нами положеніе, что цѣнность совокупности блага опредѣляется согласно разсматриваемой теоріи по предѣльной полезности „единицы“ его. Однако,

ошибочность такого утвержденія очевидна. Согласно этому взгляду, цѣнность одной и той же всякой совокупности является величиной весьма непостоянной въ зависимости отъ того, какое количество даннаго блага мы станемъ принимать за „единицу“ его и какую „полезность“, слѣдовательно, будемъ считать „предѣльной“. Такъ, разсуждая относительно цѣнности „свободныхъ“ благъ, мы должны отказать совокупности ихъ во всякой цѣнности, если станемъ придавать каждой единицѣ ихъ 0 значенія. Однако, это положеніе оспаривается самой теоріей полезности, которая признаетъ за всей совокупностью „свободнаго“ блага большую цѣнность. Такимъ образомъ старая истина относительно того, что изъ ничего не можетъ ничто образоваться оказывается забытой теоретиками полезности. Если мы возьмемъ для примѣра совокупность благъ какого-либо иного рода, напр., такую, которая удовлетворяетъ нашу потребность I-го рода, изображенную на скалѣ Менгера, (см стр. 109) отъ 10-й до 1-й степени, то согласно теоріи предѣльной полезности, цѣнность этой совокупности благъ опредѣлится умноженіемъ ихъ предѣльной полезности на ихъ число, т. е. $1 \times 10 = 10$ единицъ цѣнности. Однако, производя нѣсколько иную группировку того же самаго количества благъ мы находимъ на основаніи того же закона „предѣльной полезности“ рядъ другихъ выраженій для цѣнности той же совокупности. Такъ, соединяя по двѣ единицы блага и изображая нашъ прежній рядъ въ видѣ: 19, 15, 11, 7, 3, мы согласно новой предѣльной полезности опредѣляемъ цѣнность той же совокупности $3 \times 5 = 15$ единицъ цѣнности; соединивъ единицы по пять мы получаемъ рядъ: 40, 15 или цѣнность той же совокупности равной $= 15 \times 2 = 30$ единицъ цѣнности. Такъ же, если мы допустимъ, что данный запасъ нашихъ благъ уменьшился вдвое, то получимъ для новой меньшей совокупности втрое большую цѣнность, чѣмъ для прежней большей, ибо $6 \times 5 = 30$ единицъ цѣнности. Это, ко-

нечно, совершенно нелѣпый выводъ, ибо абсолютная цѣнность большей совокупности блага всегда должна быть больше, чѣмъ меньшей совокупности того же блага. Шеффле сразу замѣтилъ эту неправильность теоріи предѣльной полезности и уже въ первой своей критической статьѣ на вышедшую книгу Визера заявляетъ протестъ противъ этого взгляда. Разсматривая примѣръ Визера съ путешественникомъ по пустынѣ и его ограниченнымъ запасомъ воды, онъ задаетъ вопросъ „правда-ли, что путешественникъ распространяетъ на весь свой запасъ воды хозяйственное значеніе той его части, которая служитъ для варки или умыванія? Я восклицаю: credat Judaeus Apella! Страхъ путешественника предъ смертью отъ жажды будетъ имѣть нѣкоторое вліяніе на его заботы объ экономическомъ обращеніи со всѣмъ запасомъ въ цѣломъ“. (Schäffle. Zeitschr. f. die gesamte Staatswissensch. 1885). Эти соображенія, очевидно, и заставили Бемъ-Баверка отказаться отъ примѣненія принципа „предѣльной полезности“ для опредѣленія цѣнности совокупности благъ и признать необходимой для этой цѣли непосредственную оцѣнку всѣхъ единичныхъ благъ, сумма цѣнностей которыхъ и должна составить цѣнность всей совокупности. Такъ, цѣнность совокупности благъ, служащихъ удовлетворенію вышеприведенныхъ потребностей 10-ти степеней, опредѣлится согласно новому положенію слѣдующимъ образомъ: $10+9+8+7+6+5+4+3+2+1=55$ единицъ цѣнности. Помимо того, что это положеніе прямо противорѣчитъ точкѣ зрѣнія остальныхъ теоретиковъ и отчасти и самаго Бемъ-Баверка, мы должны признать его вносящимъ безусловную двойственность въ „основной“ принципъ теоріи полезности. Выставляя законъ „предѣльной полезности“ теоретики пытались установить принципъ, въ равной степени руководящій оцѣнкой всѣхъ благъ и всякаго блага при всѣхъ условіяхъ. Такое абсолютное и всеобщее значеніе только и могло бы обезпечить за ихъ обобщеніемъ

научное признаніе. Однако, согласно предположенію Бемъ-Баверка, оказывается, что всякій предметъ обладаетъ не одной опредѣленной цѣнностью, а двумя. Первая изъ нихъ опредѣляется на основаніи принципа „предѣльной полезности“, т. е. косвеннымъ образомъ, по цѣнности единицы блага того же рода, служащей для удовлетворенія наименьшей потребности. Къ этой косвенной оцѣнкѣ и приходится прибѣгать всякій разъ, когда предметъ оцѣнивается самостоятельно, индивидуально. Разсматривая же тотъ же самый предметъ, какъ часть извѣстной совокупности ему подобныхъ благъ, приходится оцѣнивать его значеніе по его непосредственной полезности, т. е. сообразно той конкретной потребности, которой онъ дѣйствительно служитъ. Допущеніе подобной двойственности въ пріемахъ оцѣнки однихъ и тѣхъ же предметовъ въ различныхъ случаяхъ свидѣтельствуетъ о томъ, что принципъ „предѣльной полезности“ не обладаетъ тѣмъ абсолютнымъ и всеобщимъ значеніемъ, которое пытались ему придать теоретики полезности. Согласно версіи Бемъ-Баверка, цѣнность, хотя, какъ будто и приводится къ единому принципу—полезности, однако это обобщеніе является только видимостью, ибо сама полезность является величиной непостоянной въ зависимости отъ того прямая-ли она (непосредственная) или косвенная, опредѣляемая для совокупности на основаніи „предѣльной полезности“ единицы блага. Вмѣстѣ съ тѣмъ предлженіе Бемъ-Баверка оцѣнивать совокупность благъ по суммѣ разнообразныхъ полезностей всѣхъ отдѣльныхъ единицъ его несостоятельно и съ чисто эмпирической точки зрѣнія. Въ сознаніи хозяйственнаго индивида всѣ единицы даннаго блага являются столь же равными по своей цѣнности, какъ и по своему внѣшнему виду. Мы бы имѣли полное право отнестись къ хозяйственной системѣ, въ которой вполнѣ однороднымъ благамъ приписывались различныя цѣнности, съ такимъ же уваженіемъ, какъ къ научному сочиненію, въ которомъ

однимъ и тѣмъ же словамъ придавалось бы въ каждомъ случаѣ другое значеніе. Равенство всѣхъ отдѣльныхъ единицъ одного и того же блага для хозяина являлось, какъ мы видѣли, предпосылкой и теоріи предѣльной полезности, и, хотя неправиленъ тотъ общій уровень цѣнности, который она устанавливаетъ для всѣхъ равныхъ единицъ одного и того же блага, но исправлять эту ошибку не приходится посредствомъ того допущенія, которое сдѣлано Бемъ-Баверкомъ. Хозяинъ цѣнитъ всѣ одинаковыя хозяйственныя вещи одинаково и потому на практикѣ такого суммированія благъ, какое устанавливаетъ Бемъ-Баверкъ для оцѣнки „совокупностей", существовать не можетъ. Такимъ образомъ, мы должны заключить изъ всего вышесказаннаго, что законъ „предѣльной полезности" является непригоднымъ для оцѣнки совокупностей благъ. Разсмотримъ далѣе въ какой степени онъ управляетъ оцѣнкой хозяйствующимъ субъектомъ отдѣльныхъ благъ того же рода.

Пока противъ теоріи предѣльной полезности выдвигались только такія возраженія, что оцѣнка предметовъ на основаніи установленнаго ею принципа требовала бы слишкомъ сложныхъ размышленій и вычисленій, защитники ея вполнѣ основательно ссылались на процессъ человѣческаго приспособленія, при которомъ привычка, опытъ, установленіе точныхъ способовъ измѣренія способствуютъ преодолѣнію всѣхъ существующихъ при оцѣнкѣ вещи трудностей. Гораздо болѣе рѣшительнымъ возраженіемъ должно служить отрицаніе самого факта, что въ нашемъ сознаніи существуетъ категорія „предѣльной полезности" при оцѣнкѣ вещей. Представленіе о „предѣльной полезности" предполагаетъ, будто мы сознательно распредѣляемъ блага, находящіяся въ нашемъ обладаніи, подъ ярлыками опредѣленныхъ конкретныхъ потребностей, которымъ они служатъ въ дѣйствительности. Лишь при такихъ условіяхъ возможно различеніе наименьшей изъ потребностей, удовлетворяемой единицей дан-

наго блага, и, слѣдовательно, опредѣленіе его „предѣльной полезности". Приверженцы разсматриваемой теоріи переносятъ цѣликомъ представленную нами схему потребностей Карла Менгера съ бумаги въ разсудокъ хозяйствующаго субъекта, воображая, что она имѣетъ значеніе не только для поясненія въ общей и грубой формѣ движенія нашихъ потребностей, но изображаетъ дѣйствительный процессъ человѣческой оцѣнки благъ. Поэтому теоретики предѣльной полезности представляютъ себѣ, что каждая вещь извѣстнаго рода имѣетъ вполнѣ опредѣленное, единичное назначеніе въ хозяйствѣ, соотвѣтствующее извѣстному числу на таблицѣ потребностей; что утрата ея заставляетъ насъ замѣнить ее другой такой же вещью, также имѣющей вполнѣ опредѣленное назначеніе и занимающей въ ряду цѣнностей самое низкое мѣсто; вслѣдствіе этого по ихъ мнѣнію съ потерей первой вещи мы вынуждены оставить открытой ту потребность, которой служила вторая вещь. Отсюда и выводится слѣдствіе, что показателемъ цѣнности каждой единицы даннаго блага, является степень послѣдней потребности, удовлетворяемой имъ, или, что то же самое, будто носительницей цѣнности единицы блага является лишь послѣдняя вещь, осуществляющая предѣльную полезность. Это построеніе наводитъ насъ невольно по ассоціаціи на идею о знаменитой теоріи „послѣдняго рабочаго часа", хотя и относящейся къ другой области хозяйства, но допускающей въ своемъ разсужденіи ошибку, вполнѣ аналогичную той, которую дѣлаютъ теоретики „послѣдней потребности". Такъ же какъ прибыль создается равномѣрно во время всего процесса производства, такъ и цѣнность распредѣляется равномѣрно на всѣ предметы даннаго рода. Въ насъ нѣтъ сознанія того конкретнаго назначенія, которому служитъ каждая отдѣльная единица блага, онѣ всѣ являются способными замѣстить другъ друга въ своей роли, а потому полезность каждой изъ нихъ отражается во всѣхъ остальныхъ единицахъ и цѣнность,

придаваемая нами каждой изъ нихъ не связывается въ нашемъ сознаніи съ индивидуальной функціей „послѣдняго блага“. Если 10 единицъ однороднаго блага удовлетворяютъ существующія въ насъ 10 потребностей различной интенсивности,то фактъ этотъ будетъ восприниматься съ точки зрѣнія общей суммы удовлетворенія, доставляемаго даннымъ благомъ, и каждая единица блага будетъ цѣнится нами сообразно тому количеству удовлетворенія, которое приходится на его долю, какъ одной изъ десяти единицъ блага. Оцѣнка наша является совершенно безличной, безъ индивидуальнаго различенія той конкретной потребности, которой служитъ каждая изъ вещей даннаго рода. Вотъ почему Шеффле правъ, когда въ своемъ возраженіи Визеру онъ утверждаетъ, что путешественникъ въ пустынѣ, хотя и употребляетъ часть своего запаса воды на умываніе и варку пищи, тѣмъ не менѣе оцѣниваетъ въ каждой единицѣ ея нѣчто большее, чѣмъ способность удовлетворять второстепеннымъ потребностямъ. Въ дѣйствительности, каждая единица запаса воды путешественника совмѣщаетъ въ себѣ способность частичнаго насыщенія каждой изъ разнообразныхъ его потребностей, включая и жизненную потребность во влагѣ, и съ утратой такой единицы погибаетъ для него безвозвратно извѣстное количество удовлетворенія. Вспоминая примѣръ Бемъ Баверка съ колонистомъ, который, обладая ограниченнымъ запасомъ зерна въ пять мѣшковъ до слѣдующаго урожая, распредѣляетъ ихъ потребленіе такъ, что предназначаетъ одинъ—для поддержанія своей жизни, второй—для поддержанія своего здоровья, третій—для корма скота, четвертый—для винокуренія, пятый—для содержанія попугаевъ, мы находимъ это представленіе съ психоэкономической точки зрѣнія совершенно неправильнымъ. Бемъ-Баверкъ считаетъ возможнымъ выразить интенсивность означенныхъ пяти потребностей цифрами 10, 8, 6, 4, 1 и полагаетъ, что съ утратой одного какого либо мѣшка зерна колонистъ всегда

лишается удовлетворенія, доставляемаго послѣднимъ изъ нихъ т. е. тѣмъ, который предназначался для содержанія попугаевъ; этимъ и подтверждается законъ „предѣльной полезности“, которая въ данномъ случаѣ равна=1. Однако, такова ли должна быть въ дѣйствительности оцѣнка колонистомъ своихъ благъ и не является ли онъ въ примѣрѣ Бемъ-Баверка, тѣмъ самымъ знаменитымъ искусственнымъ „Probirbengel'емъ“, котораго по желанію приспособляютъ къ любой экономической теоріи и противъ котораго самъ Бемъ-Баверкъ неоднократно протестуетъ? Колонистъ, ощущая пять приведенныхъ родовъ потребностей и обладая извѣстнымъ количествомъ благъ, способныхъ служить для ихъ удовлетворенія, очевидно, постарается такъ организовать свое потребленіе, чтобы извлекать путемъ его возможный maximum удовлетворенія. Если, согласно правильному пониманію сущности человѣческой потребности, интенсивность каждой потребности можетъ упасть до 1 по мѣрѣ ея удовлетворенія, то колонистъ нашъ попытается сперва довести удовлетвореніе всѣхъ своихъ пяти потребностей именно до этого предѣла. Однако, такъ какъ это ему удаться не можетъ вслѣдствіе ограниченности его запаса благъ, то онъ будетъ вынужденъ оставаться на иномъ, болѣе низкомъ уровнѣ удовлетворенія. Но, очевидно, что уровень до котораго дойдетъ удовлетворенность каждой изъ его пяти потребностей будетъ для всѣхъ ихъ равнымъ, ибо, еслибъ одна изъ потребностей оставалась открытой въ большей степени, чѣмъ всѣ остальныя, то причиняла бы ему большія страданія и заставила его обратить большее количество блага для ея удовлетворенія. Поэтому, организація потребленія предлагаемая Бемъ-Баверкомъ, при которой одна потребноеть находитъ удовлетвореніе въ 10 единицъ, другая въ 8 и далѣе до пятой, удовлетвореніе которой доходитъ до низшаго предѣла, представляется неестественной и, во всякомъ случаѣ, не хозяйствен-

ной. Либо мы должны предположить, что колонистъ нашъ употреблялъ бы свой запасъ благъ иначе, либо если онъ употреблялъ его именно такъ, что обозначенія для удовлетворенныхъ имъ потребностей подобраны неправильно. Желая сохранить для дальнѣйшаго данный примѣръ, мы должны стать на послѣднюю точку зрѣнія. Всѣ пять потребностей колониста, начиная съ потребности въ поддержаніи жизни и кончая потребностью въ развлеченіи, если будутъ дѣйствительно удовлетворяться, то непремѣнно всѣ въ равной степени. Такой выводъ не долженъ казаться парадоксальнымъ на томъ основаніи, что мы будто бы допускаемъ возможность, что человѣкъ предпочитаетъ элементарной жизненной потребности какую либо второстепенную, побочную. Мы должны напомнить о тѣхъ возраженіяхъ, которыя приводились нами противъ понятій „родовыхъ полезностей“ и „родовыхъ потребностей“: между крайними состояніями, до которыхъ способна растянуться *каждая* потребность лежитъ цѣлый рядъ степеней и возвышеніе одной потребности, въ качествѣ „жизненной“ „элементарной“ „насущной“, надъ всѣми остальными, основывается на неправильномъ внесеніи физіологической, объективной, оцѣнки въ разсмотрѣніе экономической потребности или на произвольномъ обобщеніи значенія какого либо частнаго проявленія потребности. Всѣ потребности съ качественной стороны равны, онѣ суть результаты нашей неудовлетворенности, и отличаются лишь количественно, по степени своей интенсивности. Вотъ почему, если колонистъ нашъ въ процессѣ удовлетворенія своихъ потребностей дошелъ до содержанія попугаевъ, то это свидѣтельствуетъ либо о томъ, что всѣ остальныя потребности его насыщены до такой степени, что онъ счелъ возможнымъ перейти къ удовлетворенію отдаленной, мало интенсивной потребности, или о томъ, что страсть колониста къ попугаямъ столь сильна, что не уступаетъ его потребности въ поддержаніи своихъ силъ и здо-

ровья. Въ томъ и другомъ случаѣ степень первой и послѣдней потребности, удовлетворяемой колонистомъ— одинаковы. Поэтому съ утратой одного изъ пяти мѣшковъ зерна колонистъ не откажется отъ удовлетворенія ни одной изъ пяти своихъ потребностей, а только постарается равномѣрно распредѣлить свою утрату между ими: онъ уничтожитъ нѣкоторыя излишества въ своемъ столѣ, уменьшитъ количество откармливаемаго скота, сократитъ потребленіе водки, и вмѣсто пяти попугаевъ станетъ содержать только одного, а если и это окажется слишкомъ разорительнымъ, то онъ постарается найти себѣ еще болѣе дешевое развлеченіе. Вопреки мнѣнію Бемъ-Баверка, утрата одного мѣшка зерна колонистомъ не будетъ связана для него съ лишеніемъ удовлетворенія въ области одной какой либо опредѣленной, конкретной потребности, а повлечетъ за собой только самый фактъ извѣстнаго лишенія, которое распредѣлится по возможности равномѣрно между всѣми потребностями колониста. Но, въ такомъ случаѣ, у колониста не можетъ существовать и идеи о „предѣльной полезности“ единицы его запаса благъ и слѣдовательно предѣльная полезность не явится показателемъ цѣнности его утраты. То же самое можно сказать въ томъ случаѣ, когда удовлетворяемая потребность есть всецѣло потребность одного рода. Если извѣстное количество вещей оказывается способнымъ довести удовлетвореніе данной потребности до опредѣленнаго предѣла, то каждая отдѣльная вещь отнюдь не связывается въ нашемъ сознаніи съ той конкретной частью потребности, которую она удовлетворяетъ, а разсматривается нами какъ носительница всѣхъ тѣхъ назначеній, для которыхъ данное благо намъ служитъ. Такъ, если наша потребность въ пищѣ находитъ столь полное удовлетвореніе, что не только голодъ нашъ оказывается насыщеннымъ, но и достигнуты пріятныя вкусовыя ощущенія, то это вовсе не значитъ, что одной части даннаго блага мы приписываемъ назначеніе спасать насъ отъ голодной

смерти, а другой—удовлетворять нашимъ гастрономическимъ наклонностямъ. Каждая единица даннаго блага способствуетъ одновременно и той, и другой цѣли и цѣнится нами, какъ вкусный пищевой продуктъ. Поэтому внутри каждой потребности извѣстнаго рода такъ же не можетъ существовать дѣленія на конкретныя потребности различной важности, какъ и между потребностями различныхъ категорій. А тѣмъ самымъ и здѣсь устраняется возможность представленія о „предѣльной полезности“ единицы даннаго блага, ибо таковое немыслимо, если мы не соединяемъ въ нашемъ сознаніи вещи нераздѣльно съ извѣстными конкретными назначеніями ихъ. Нашей цѣлью является доказать, что вопреки мнѣнію теоретиковъ предѣльной полезности, хозяйственный принципъ, руководящій организаціей нашего потребленія, заставляетъ насъ придавать всѣмъ благамъ одного и того же рода равныя по своей важности назначенія въ дѣлѣ удовлетворенія нашихъ потребностей. Это имѣетъ своимъ послѣдствіемъ не только то, что всѣ одинаковыя блага обладаютъ и одинаковой цѣнностью, положеніе признаваемое и теоретиками предѣльной полезности, но что величина этой цѣнности, находясь въ зависимости отъ всѣхъ конкретныхъ потребностей, въ частности ни отъ одной изъ нихъ не зависитъ. Цѣнность каждой единицы блага даннаго рода является абстракціей отъ всѣхъ тѣхъ отдѣльныхъ назначеній, которымъ она можетъ служить въ дѣйствительности, и не стоитъ въ непосредственной зависимости ни отъ одной изъ степеней полезности, которымъ данная единица способна служить, въ частности она не зависитъ и отъ и „предѣльной полезности“. Оцѣнка блага производится нами сообразно тому количеству удовлетворенія, которое оно способно принести, и утрата его ощущается, какъ лишеніе этого количества единицъ удовлетворенія, помимо соображеній о томъ, какъ въ дѣйствительности это лишеніе распредѣлится на отдѣльныя, конкретныя потребности. Такое объ-

ясненія цѣнности каждаго единичнаго блага одного и того же рода даетъ намъ правильный ключъ и для объясненіе цѣнности, придаваемой нами совокупности. Послѣдняя, состоя изъ ряда благъ, которымъ мы придаемъ одинаковую абстрактную цѣнность, будетъ представлять для насъ значеніе, равное суммѣ этихъ одинаковыхъ цѣнностей отдѣльныхъ единицъ, входящихъ въ нее. Иными словами, цѣнность совокупности опредѣляется произведеніемъ цѣнности каждой единицы блага на число единицъ, т.-е. является функціей значенія каждой отдѣльной единицы и количества ихъ. Такимъ образомъ найденная цѣнность совокупности явится выраженіемъ того, что существуетъ въ дѣйствительности и не будетъ нуждаться въ тѣхъ оговоркахъ, или вѣрнѣе избѣгнетъ тѣхъ противорѣчій, въ которыя впадаютъ теоретики предѣльной полезности при разрѣшеніи даннаго вопроса на основаніи принципа „предѣльной“ полезности. Непосредственный опытъ, который свидѣтельствуетъ намъ, даже при самомъ внимательномъ самоанализѣ, объ отсутствіи въ нашемъ сознаніи категоріи „предѣльной полезности“ такимъ образомъ, находитъ подтвержденіе въ теоретическихъ соображеніяхъ. Примѣры, приводимые теоретиками „предѣльной полезности“ для подтвержденія своего положенія не могутъ насъ убѣдить въ ихъ взглядѣ, ибо несогласны съ данными дѣйствительности и отличаются большой искусственностью. Пока мы касались только изслѣдованія потребительной цѣнности. Въ вопросахъ о мѣновой и производственной цѣнности идея „предѣльной полезности“ оказывается столь же несостоятельной. Вотъ, каковъ, по мнѣнію Цуккеркандля, ходъ оцѣнки блага, пріобрѣтаемаго путемъ обмѣна: „Оцѣнка производится на основаніи полезности или предѣльной полезности отдѣльныхъ единичныхъ количествъ... Напр. дѣло идетъ о 100 цент. пшеницы. Покупатель знаетъ, какія потребности онъ можетъ удовлетворить этимъ количествомъ и сколько пшеницы требуется для удовле-

творенія каждой изъ этихъ потребностей. Предположимъ, что такихъ потребностей 10 и каждая требуетъ для своего насыщенія 10 центн.; въ такомъ случаѣ отъ каждыхъ 10 центнеровъ пшеницы будетъ зависѣть наименѣе важная изъ этихъ 10-ти потребностей даннаго лица, и цѣнность 10 центн. пшеницы будетъ соотвѣтствовать тому значенію, которое придается этой (наименьшей) потребности" (Zuckerkandl, Theorie d. Preises S. 332). Въ этомъ примѣрѣ сконцентрированы всѣ главнѣйшіе недостатки теоріи предѣльной полезности и наглядно выступаетъ вся искусственность ея толкованія процесса человѣческой оцѣнки. Здѣсь предполагается, во-первыхъ, что потребности покупателя раздѣляются въ его сознаніи на „главныя" и „второстепенныя" вплоть до „наименьшей" потребности. Во-вторыхъ, что каждой изъ этихъ конкретныхъ потребностей служитъ опредѣленное количество блага, въ данномъ случаѣ 10 центн. пшеницы, которыя и принимаются за „единицу" всего запаса. И, наконецъ, въ третьихъ, покупателю приписывается матеріализація удовлетворенія, которое онъ извлекаетъ при помощи каждой „единицы" запаса т. е. предполагается, что единицы блага выступаютъ въ его сознаніи подъ ярлыками опредѣленныхъ потребностей, которымъ онѣ служатъ. Только при такихъ предпосылкахъ и возможно установленіе закона „предѣльной полезности". Здѣсь же подтверждается возможность оцѣнки совокупности на основаніи „предѣльной полезности" единицы блага, положеніе безусловно ошибочное. Въ дѣйствительности, ходъ оцѣнки покупателемъ пріобрѣтаемой имъ совокупности благъ, 100 центнеровъ пшеницы, совершенно иной. Желая оцѣнить запасъ пшеницы въ 100 центн., покупатель сперва взвѣшиваетъ всѣ потребности, которыя онъ сможетъ удовлетворить при помощи всѣхъ отдѣльныхъ частей этого запаса, предполагая всѣ эти равныя части одинаково способными служить для всякой изъ его потребностей. Такимъ образомъ цѣнность

10-ти центн., или 5-ти, или 1-го центнера опредѣлится для него безразлично абстракціей полезности даннаго количества отъ всѣхъ тѣхъ конкретныхъ назначеній, которыя оно можетъ исполнить въ дѣлѣ удовлетворенія его потребностей. Цѣнность же всей совокупности блага будетъ равна произведенію цѣнности даннаго количества на число такихъ количествъ, заключающихся во всемъ запасѣ. Если отъ этого фиктивнаго примѣра мы перейдемъ къ опыту, который приходится дѣлать каждому ежедневно, а именно, къ опредѣленію цѣнности своихъ денегъ, то вновь подтвердится правильность вышесказаннаго. Чтобъ оцѣнить одинъ изъ рублей, находящихся въ нашемъ обладаніи, мы не станемъ согласно теоріи предѣльной полезности испытывать, какова полезность той затраты рубля, которая доставляетъ намъ наименьшее удовлетвореніе, чтобы сообразно ей и опредѣлить цѣнность всѣхъ нашихъ рублей. Такое изслѣдованіе было бы совершенно безполезнымъ, такъ какъ мы бы вскорѣ пришли къ убѣжденію, что полезность всѣхъ затрачиваемыхъ нами рублей совершенно одинакова при хозяйственномъ распредѣленіи нашихъ расходовъ. Дѣйствительно, мы не раньше остановимся въ удовлетвореніи одной какой либо потребности, чтобъ перейти къ другой, пока первая не сравняется по своей интенсивности съ послѣдней. Если рабочій, зарабатывающій 30 рублей въ мѣсяцъ, удѣляетъ часть своихъ весьма ограниченныхъ средствъ для покупки книгъ, или посѣщенія театра, или пропиваетъ ее, то это вовсе не значитъ, что эти потребности являются второстепенными въ сравненіи съ его потребностями въ пищѣ и квартирѣ и выражаютъ „предѣльную полезность“ единицы его заработка. Такой фактъ свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что рабочій большой любитель просвѣщенія, или страстный театралъ, или пьяница алкоголикъ и что эти потребности въ немъ такъ же сильны, какъ доведенная имъ до опредѣленной степени потребность въ пищѣ и жильѣ. Поэтому цѣнность одной единицы денегъ для человѣка опре-

дѣлится путемъ абстракціи отъ всѣхъ тѣхъ конкретныхъ назначеній и потребностей, которымъ она служитъ, и будетъ соотвѣтствовать количеству удовлетворенія, которое она одинаково доставляетъ во всѣхъ случаяхъ. При всѣхъ своихъ тратахъ, къ какимъ бы потребностямъ послѣднія не относились, человѣкъ руководится принципомъ не отдавать своихъ денегъ ниже ихъ цѣнности, т.-е. извлекать при ихъ помощи такое количество удовлетворенія, какое можетъ быть добыто каждой единицей ихъ при данныхъ условіяхъ. Это количество удовлетворенія, служа выраженіемъ цѣнности блага, не требуетъ опредѣленія его „предѣльной полезности“, ибо соотвѣтствуетъ не тому количеству, которое извлекается изъ удовлетворенія наименьшей потребности или вообще какой либо опредѣленной конкретной потребности, а отвѣчаетъ полезности, отвлеченной отъ всѣхъ частныхъ видовъ ея. Поэтому цѣнность рубля для каждаго человѣка представляется вполнѣ опредѣленной величиной безъ того, чтобы она относилась имъ къ одной опредѣленной потребности. Такъ обстоитъ дѣло во всѣхъ случаяхъ установленія мѣновой цѣнности вещей.

То же самое должно сказать о примѣненіи закона „предѣльной полезности“ къ оцѣнкѣ средствъ производства или производственныхъ благъ, какъ благъ „отдаленныхъ порядковъ“. Теоретики предѣльной полезности отсылаютъ насъ для оцѣнки средствъ производства къ полезности „послѣдняго продукта“, произведеннаго при помощи ихъ, т. е. продукта, который долженъ обладать наименьшей, „предѣльной“, полезностью. Однако, при хозяйственномъ распредѣленіи своей производительной дѣятельности, человѣкъ постарается уравнять полезность всѣхъ производимыхъ имъ продуктовъ. Стремясь къ извлеченію максимума полезности изъ своего труда, онъ станетъ переходить отъ производства предметовъ, служащихъ одной изъ его потребностей, къ производству предметовъ, служащихъ другой потребности лишь въ томъ

случаѣ, когда настоятельность первой потребности сравняется съ интенсивностью второй. Такимъ образомъ, имѣя въ своемъ распоряженіи извѣстное число рабочихъ часовъ, человѣкъ будетъ обслуживать за это время по возможности равномѣрно всѣ свои потребности, производя за каждый часъ вещи, равныя для него по своему субъективному значенію. То же нужно сказать, если мы предположимъ, что усилія человѣка направлены на производство вещей, служащихъ одному какому нибудь роду потребности, низводя потребность до большей или меньшей степени удовлетворенности. Въ каждый данный моментъ всѣ произведенныя человѣкомъ вещи будутъ представляться для него равными по своей цѣнности, ибо всѣ онѣ будутъ способствовать въ совершенно одинаковой степени количеству извлекаемаго удовлетворенія, въ какомъ бы порядкѣ онѣ не возникали и для какихъ бы конкретныхъ цѣлей не употреблялись въ дѣйствительности. Такимъ образомъ, всѣ равные продукты человѣческаго труда являются для человѣка равноцѣнностями и происходитъ это вслѣдствіе того, что въ сознаніи человѣка всѣ они представляются факторами равнаго удовлетворенія; никакой мысли объ отличіи продукта послѣдняго рабочаго часа по своей цѣнности отъ продукта перваго рабочаго часа, или о „предѣльной“ полезности продукта, при общей оцѣнкѣ всѣхъ продуктовъ существовать не можетъ. Излишнимъ будетъ указывать, что мы употребляли слово „трудъ“, какъ обозначеніе для всякаго рода средствъ производства, ибо цѣнность производственныхъ благъ какого то бы ни было рода не можетъ опѣниваться по „предѣльной“ полезности продукта.

На основаніи всѣхъ высказанныхъ соображеній мы приходимъ къ заключенію, что законъ „предѣльной полезности“, вопреки мнѣнію защитниковъ его, не руководитъ человѣческой оцѣнкой хозяйственныхъ вещей. Однако, здѣсь же необходимо отмѣтить заключающуюся въ немъ справедливую идею. Теоретики

предѣльной полезности благодаря своему анализу человѣческихъ потребностей и разсмотрѣнію отдѣльныхъ предметовъ, въ качествѣ средствъ для ихъ удовлетворенія, сумѣли дать правильно обоснованное субъективно-психологическое объясненіе тому явленію, что вещи по мѣрѣ увеличенія ихъ количества теряютъ въ своей цѣнности. Только съ этой точки зрѣнія и можетъ быть понято паденіе цѣнности „единицы“ блага по мѣрѣ увеличенія общаго количества его, хотя эти измѣненія въ цѣнности и не будутъ подчинятся закну „предѣльной полезности“. Ибо, если каждая послѣдующая „единица“ блага дѣйствительно и прибавляетъ меньшее количество удовлетворенія, чѣмъ предъидущая, то это воздѣйствуетъ на остальныя „единицы“ лишь въ томъ направленіи, что соразмѣрно уменьшаетъ цѣнность всѣхъ ихъ, но не навязываетъ имъ всѣмъ, какъ думаютъ теоретики предѣльной полезности, собственную „предѣльную“ цѣнность. Полное, конечное, объясненіе этого явленія лежитъ въ болѣе общемъ психологическомъ принципѣ, а изученіе движенія экономическихъ цѣнностей указываетъ на необходимость гораздо болѣе глубокаго и сложнаго вычисленія, чѣмъ опредѣленіе „предѣльной полезности“. Ниже мы постараемся представить общее обоснованіе нашего взгляда, которое не можетъ входить въ главу, посвященную разсмотрѣнію теоріи полезности въ томъ видѣ, какъ она существуетъ.

Подводя итогъ всему тому, что было сказано нами относительно теоріи полезности, мы должны признать, что несмотря на правильный принципъ, установленный ею для объясненія явленія цѣнности, не смотря на всѣ ея заслуги въ опредѣленіи плодотворнаго пути для изслѣдованія этого явленіе, она въ частностяхъ еще не успѣла дать окончательнаго отвѣта на всѣ тѣ вопросы, которые поставляются теоріи цѣнности. Ни понятіе полезности, ни явленіе рѣдкости, ни сущность „единицы“ благъ, ни, наконецъ, законъ человѣческой оцѣнки не разработаны ею детально, и

истолкованіе ихъ нерѣдко включаетъ пережитки старины, нерѣдко допускаетъ и новыя ошибки. Вполнѣ возможо объяснить всѣ эти недостатки тѣмъ положеніемъ, которое теорія полезности занимала до сихъ поръ по отношенію къ старой доктринѣ. Производя въ извѣстной степени переворотъ въ прежнихъ понятіяхъ, теорія полезности должна была стать въ боевую готовность и напречь всѣ свои силы, чтобы отстоять свои основныя общія положенія противъ нападокъ прочно укоренившейся, популярной старой теоріи. При такихъ условіяхъ она не успѣвала разрабатывать деталей своего ученія, развивать его въ глубину и ширину, такъ какъ это возможно лишь тогда, когда вмѣсто ожесточенной полемики наступаетъ спокойная и серьезная научная работа, не боящаяся даже откровенно признать всѣ свои слабости и недостатки. Вотъ почему теоріи полезности еще не удалось представить болѣе полной разработки своего основного принципа, вотъ почему она довольствуется поверхностными и чрезмѣрно упрощенными схемами. Лишь теперь, когда главное положеніе, отстаиваемое теоретиками полезности, можетъ считаться нашедшимъ общее признаніе, наступаетъ время для его всесторонняго глубокаго развитія. Всѣ современные выдающіеся экономисты видятъ себя вынужденными считаться съ теоріей полезности, и, если старые ученые, какъ Шмоллеръ, Вагнеръ, Конрадъ, Шеффле и др. еще проявляютъ къ ней довольно сдержанное отношеніе, то это объясняется не ея маловажностью, а тѣмъ, что она все еще не утратила для нихъ характера опасной новизны. Развитіемъ своихъ положеній теорія полезности завоюетъ наряду съ чисто научнымъ признаніемъ и широкую общественную популярность, когда приведетъ къ установленію соціальнаго идеала на новомъ выдвинутомъ ею основаніи. Мы видимъ, въ какой степени классическая и трудовая теоріи сумѣли использовать политическую и соціальную идеи въ качествѣ общественной рекламы для своихъ научныхъ положеній. Пред-

видѣніе будущаго и оцѣнка настоящаго соціальнаго строя съ точки зрѣнія разсматриваемой теоріи будутъ имѣть то безусловное преимущество, что будутъ основаны на данныхъ, санкціонированныхъ научнымъ знаньемъ, и потому новый соціальный идеалъ заслужитъ безусловное общественное довѣріе. Тогда вмѣсто обманчивой игры воображенія въ основу нашихъ стремленій къ лучшему будущему ляжетъ положительное знаніе и вмѣсто пагубнаго приспособленія нашей логики къ непостояннымъ желаніямъ, руководство актами нашей воли перейдетъ всецѣло въ вѣдѣніе разума.—Итакъ, мы приходимъ къ тому заключенію, что научная будущность въ изслѣдованіи вопроса о цѣнности принадлежитъ теоріи полезности. Однако, отчасти недостатки ея въ настоящемъ, отчасти приверженность къ традиціямъ старины, все еще заставляютъ нѣкоторыхъ ученыхъ искать средняго пути между приведенными теоріями цѣнности. Они пытаются примирить теорію полезности съ ученіемъ классической школы или съ „трудовой теоріей“, вслѣдствіе чего мы и назвали эти теоріи цѣнности „теоріями компромисса“. Насколько ихъ попытки примиренія могутъ почитаться удачными выяснитъ дальнѣйшее разсмотрѣніе.

III. Теоріи компромисса.

Какъ и во всемъ предыдущемъ изслѣдованіи, такъ и при разсмотрѣніи теорій „компромисса“, мы не станемъ останавливаться на теоріяхъ отдѣльныхъ экономистовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ теоріи не отличаются особенно ярко выраженной индивидуальностью. Намъ кажется возможнымъ распредѣлить всѣ „примирительныя“ теоріи цѣнности подъ двумя рубриками: къ первой относятся ученія, стремящіяся усовершенствовать классическую теорію путемъ включенія въ нее идеи „полезности“, это есть т. н. новоклассическое направленіе; ко второй группѣ относятся по-

пытки примиренія трудовой теоріи цѣнности съ теоріей полезности.

Лозунгъ перваго направленія провозглашается Дитцелемъ, когда онъ указываетъ, что „по его мнѣнію загадка (о цѣнности) давно разрѣшена,—что проблема цѣнности получила рѣшеніе, правда въ частностяхъ недостаточное, но въ цѣломъ окончательное и неоспоримое у Рикардо (Dietzel. Die klassische Werttheorie. Jahrbüch. f. Nationalök. u. Stat. N. F. B. XX, S. 562). Аналогичное воззрѣніе мы встрѣчаемъ и у Мануилова, который говоритъ относительно классической школы слѣдующее: „все существенное, что было высказано ея главными представителями и что пережило ихъ, выражено въ законѣ трудовой цѣнности (см. Рикардо), и мы полагаемъ, что этотъ законъ, правильно понятый и поставленный на историческую почву, остается не опровергнутымъ". (Мануиловъ. Понятіе цѣнности по учен. экон. класс. школы стр. 220). Новѣйшая англійская школа съ Маршалемъ, Эджворсомъ, Сиджвикомъ и Прайсомъ во главѣ также стремится занять посредствующее положеніе между старой теоріей, основывавшей цѣнность на „издержкахъ производства", и теоріей полезности. По ихъ мнѣнію „ни тотъ, ни другой факторъ не можетъ быть признанъ единственной причиной цѣнности, а они оба содѣйствуютъ образованію цѣнности" (Cassel. Die Produktionskostentheorie Rikardo's. Zeitschr. f. d. gesamte Staatswiss. B. 57, S. 882). Правда, что англійская школа эмансипируется въ значительно большей степени отъ классическаго ученія, чѣмъ нѣмецкая, однако, по существу онѣ все таки остаются весьма близкими другъ другу. „Основная идея „новоклассиковъ" состоитъ въ томъ, что они пытаются усовершенствовать и дополнить старый классическій принципъ „издержекъ" съ помощью положеній, установленныхъ теоріей полезности. Вліяніе этихъ двухъ факторовъ на цѣнность благъ толкуется различно. Такъ, Дитцель придерживается стараго дѣленія благъ

на „воспроизводимыя“ и „невоспроизводимыя“ трудомъ, и для опредѣленія цѣнности первыхъ считаетъ рѣшающимъ моментомъ—издержки производства, для опредѣленія цѣнности вторыхъ—ихъ полезность. Обоимъ этимъ понятіямъ „полезности“ и „издержекъ“, Дитцель придаетъ значеніе, согласное съ новѣйшимъ взглядомъ на нихъ, и поэтому онъ подчиняетъ „полезность“ законамъ, установленнымъ анализомъ теоретиковъ полезности, принимая и законъ „предѣльной полезности“; а „издержки производства“ онъ понимаетъ въ смыслѣ „совокупности всѣхъ издержекъ, которыя кромѣ количества труда могутъ включать и другіе элементы“ (Dietzel. Zur Klass. Wert-u Preistheorie. Jahrbüch. f. Nationalök. u. Stat. F. III. B. I. S. 691). Англійскіе же экономисты опредѣляютъ вліяніе „издержекъ и полезности“ на цѣнность благъ иначе. Они считаютъ ихъ воздѣйствующими совмѣстно во всѣхъ случаяхъ на экономическую цѣнность, по сравненію Маршаля, подобно двумъ лезвіямъ ножницъ, которыя сближаясь совмѣстно производятъ желанное дѣйствіе; другіе уподобляютъ „полезность“ и „издержки“ двумъ сторонамъ каменнаго свода, которыя въ равной степени поддерживаютъ верхній камень его, представляющій цѣнность вещи. Участіе издержекъ производства въ опредѣленіи цѣнности благъ выводится экономистами разсматриваемаго направленія изъ слѣдующихъ соображеній. Во-первыхъ, анализъ самаго акта оцѣнки, по мнѣнію Дитцеля, доказываетъ намъ, что человѣкъ, опредѣляя цѣнность такихъ благъ, которыя допускаютъ воспроизведеніе, направляетъ свое вниманіе всецѣло на тѣ издержки, которыя ему должно стоить такое воспроизведеніе. Поэтому, если такое воспроизведеніе стоитъ очень мало, то и благо обладаетъ ничтожной цѣнностью или даже совершенно лишено ея, какъ это мы видимъ въ „свободныхъ“ благахъ. Въ качествѣ готоваго продукта, вещь, находящаяся въ нашемъ обладаніи, сберегаетъ намъ то количество издержекъ, которыя стали бы необходимы для возстановленія ея въ случаѣ ея

утраты. „Трудность пріобрѣтенія“ („Schwierigkeiten des Erlangens“ по Шарлингу) является основнымъ условіемъ для того, чтобы блага обладали для насъ хозяйственной цѣнностью. Поэтому-то субъективныя цѣнности благъ, допускающихъ воспроизведеніе, и относятся другъ къ другу, какъ издержки, необходимыя для ихъ воспроизведенія. Во-вторыхъ, издержки должны быть признаны регуляторомъ цѣнности наряду съ полезностью по той причинѣ, что отъ ихъ величины зависитъ изготовляемое количество продукта, которое управляетъ цѣнностью каждой единицы его. Запасъ нашихъ производительныхъ средствъ и силъ является ограниченнымъ, а потому обильное производство возможно лишь въ области тѣхъ продуктовъ, которые требуютъ относительно малой затраты энергіи. Наряду съ „абсолютной“ рѣдкостью, присущей благамъ невоспроизводимымъ, существуетъ „относительная“ рѣдкость, свойственная продуктамъ нашего труда; послѣдняя можетъ измѣняться подъ вліяніемъ перемѣны въ направленіи нашей трудовой дѣятельности, въ зависимости отъ перераспредѣленія въ приложеніи нашихъ силъ къ различнымъ отраслямъ промышленности. А потому „издержки производства“ или трудовая затрата и степень „полезности“ могутъ считаться явленіями взаимно обусловливающими другъ друга и совмѣстно порождающими „цѣнность“ предметовъ. Въ третьихъ, оцѣнка по „издержкамъ“ имѣетъ то преимущество надъ оцѣнкой по полезности, что оперируетъ надъ точными, объективно существующими данными и выставляетъ математическія величины вмѣсто тѣхъ субъективныхъ, отвлеченныхъ количествъ, выражающихъ „степени интенсивности“ нашихъ потребностей, съ которыми оперируетъ теорія полезности. Благодаря тому, что мѣриломъ издержекъ служатъ техническіе факты производства, исчисленіе цѣнности по „издержкамъ“ производится не на основаніи настроеній цѣнящаго субъекта, а на основаніи оцѣночныхъ тарифовъ. („Nicht nach Wertgefühlen, sondern nach

Werttarifen". Dietzel). Таковы три главныя основанія, говорящія за то, чтобы не только включить „издержки" въ число факторовъ цѣнности, но даже предоставить имъ первенствующее мѣсто въ опредѣленіи послѣдней.

Приступая къ критикѣ этихъ соображеній, мы прежде всего должны указать на то общее недоразумѣніе, которое вкралось въ полемику защитниковъ теоріи „издержекъ" и теоретиковъ полезности. Какъ мы уже указывали выше, теоретики полезности вполнѣ основательно ограничили свое разсужденіе о цѣнности изслѣдованіемъ статики хозяйства. Анализъ „цѣнности", какъ общаго явленія, имѣетъ въ виду опредѣлить тѣ причины, которыя равнымъ образомъ во всѣхъ случаяхъ заставляютъ насъ приписывать вещамъ опредѣленное хозяйственное значеніе. Установленіе этихъ общихъ причинъ и законовъ цѣнности должно намъ дать возможность истолковать въ каждый данный моментъ наше отношеніе къ явленіямъ экономическаго порядка; въ дальнѣйшемъ оцѣнка вещей руководитъ нашей хозяйственной дѣятельностью, когда мы потребляемъ, пріобрѣтаемъ, отчуждаемъ и производимъ тѣ или иныя блага. Послѣдніе акты, какъ таковые, уже не входятъ въ проблему о цѣнности въ указанномъ смыслѣ, ибо ихъ разсмотрѣніе относится къ области хозяйственной динамики. Какъ именно данный человѣкъ потребляетъ, мѣняетъ и производитъ свои блага, насколько выгодны для него эти акты, къ какимъ результатамъ они приводятъ съ общественной точки зрѣнія и пр.—эти вопросы не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ теоріи цѣнности, которая задается лишь цѣлью установить общіе законы цѣнности и объяснить причины и цѣли хозяйственной „дѣятельности", а не занимается изслѣдованіемъ конкретныхъ явленій хозяйственной жизни. Этого вполнѣ правильнаго пріема изслѣдованія не поняли противники теоріи полезности и вмѣсто того, чтобы при разборѣ ея положеній оцѣнивать ихъ съ той же точки зрѣнія, т. е. обсуждать явленіе цѣнности въ статическомъ состояніи, они перевели во-

просъ на разсмотрѣніе динамической стороны хозяйства, опредѣляя тѣ конкретныя условія, которыя способствуютъ производству товаровъ—цѣнностей. Было бы по меньшей мѣрѣ странно предполагать, что какая либо экономическая теорія рѣшится вообще отвергать значеніе „издержекъ производства“ въ хозяйственной жизни; вопросъ лишь въ томъ, въ какой области ихъ значеніе дѣйствительно существенно. Изслѣдуя сущность и природу цѣнности и сосредоточивая при этомъ свое вниманіе на статической сторонѣ хозяйства, теоретики полезности отрицаютъ значеніе „издержекъ“, но исключительно въ этой области. Противники же ихъ, представляющіе экономическое ученіе, занимающееся по преимуществу динамикой хозяйства, изслѣдованіемъ явленій рынка и процесса производства, стали на защиту „издержекъ“, какъ явленія, которое въ ихъ области дѣйствительно должно играть весьма существенную роль. Обѣ стороны прибѣгаютъ поэтому чуть ли не на каждой строчкѣ къ выраженію своего удивленія по поводу того, что столь „наглядныя“ „безспорныя“, „безусловныя“, „очевидныя“ истины, какъ доказываемыя ими, могутъ оставаться непонятыми и служить предметомъ спора. Объясненіе такой увѣренности обѣихъ сторонъ кроется въ томъ, что обѣ стороны правы, каждая со своей точки зрѣнія. Ихъ несогласіе напоминаетъ случай съ двумя рыцарями, ожесточенно спорившими о цвѣтѣ щита, находящагося между ними и различно окрашеннаго съ каждой стороны. Теоретики полезности ограничили свое изслѣдованіе статикой хозяйства, ихъ противники же сосредоточили свое вниманіе на динамикѣ его, а при такихъ условіяхъ, конечно, не можетъ наступить согласіе между спорящими сторонами. Придерживаясь того мнѣнія, что выясненіе сущности, причинъ и общихъ законовъ цѣнности должно предшествовать изслѣдованію конкретныхъ хозяйственныхъ формъ, къ которымъ приводитъ столкновеніе человѣческихъ оцѣнокъ, и, сдѣлавъ именно эти общіе вопдросы преметомъ настоя-

щаго разсмотрѣнія, мы переходимъ къ разсмотрѣнію соображеній „новоклассиковъ“ и постараемся дать такой же общій разборъ ихъ ученія какой мы давали относительно предыдущихъ „направленій“.

Первый доводъ новоклассиковъ какъ мы видѣли, состоитъ въ указаніи на актъ непосредственной оцѣнки, будто бы доказывающей, что цѣнность благъ, допускающихъ воспроизведеніе, измѣряется нами сообразно издержкамъ, необходимымъ для такового. Однако, это положеніе требуетъ истолкованія, ибо, ни понятіе „воспроизводимости“, ни понятіе „издержекъ“ не опредѣляются въ немъ окончательно. Кромѣ технической невоспроизводимости, которой обладаютъ блага „абсолютно“ рѣдкія, какъ нѣкоторые дары природы, древности, извѣстные продукты квалифицированнаго труда и пр., существуетъ и экономическая невоспроизводимость, которая относится къ благамъ, допускающимъ воспроизведеніе съ технической стороны, но все же не производимымъ вслѣдствіе разнообразныхъ условій и соображеній хозяйственнаго свойства. Всякое благо можетъ вслѣдствіе извѣстныхъ причинъ стать экономически невоспроизводимымъ, и обязанностью теоріи, которая въ основаніе способа оцѣнки блага ставитъ признакъ его „воспроизводимости“, является опредѣлить условія послѣдней. Хотя бы въ каждомъ данномъ случаѣ мы превосходно знали, какое благо воспроизводимо и какое нѣтъ, однако общая теорія цѣнности не можетъ ссылаться на нашъ практическій смыслъ, а должна указать общій принципъ оцѣнки всѣхъ благъ. Въ дѣйствительности экономическая „невоспроизводимость“, за исключеніемъ сравнительно рѣдкихъ случаевъ, когда она является абсолютной, въ большинствѣ случаевъ относительна, и зависитъ главнымъ образомъ отъ хозяйственнаго разсчета даннаго лица, а слѣдовательно, базируется на психологическомъ основаніи. Понятіе „воспроизводимости“ должно толковаться съ субъективной точки зрѣнія въ томъ смыслѣ, что данное лицо можетъ вос-

произвести вещь и хочетъ это сдѣлать; но при такомъ пониманіи оно нуждается въ дальнѣйшемъ объясненіи, основанномъ на анализѣ психологическихъ моментовъ, отъ которыхъ зависитъ наше заключеніе о „воспроизводимости“ вещи. Такой анализъ долженъ насъ привести къ убѣжденію, что идея „цѣнности“ лежитъ въ основаніи этого умозаключенія. Во всякомъ случаѣ „воспроизводимость“ утрачиваетъ при такихъ условіяхъ значеніе объективнаго явленія, на основаніи котораго должна происходить группировка вещей для ихъ оцѣнки либо по „издержкамъ производства“, либо по „полезности“.

Точное подраздѣленіе вещей на подобные два класса далѣе невозможно и потому, что въ дѣйствительности невозможно ихъ разграниченіе на основаніи признака „воспроизводимости“. Въ дѣйствительности каждая вещь является одновременно носительницей какъ „воспроизводимаго“, такъ и „невоспроизводимаго“ элемента, ибо, возникая при условіяхъ физическаго, психическаго и соціальнаго неравенства людей между собой, а также при различной внѣшней обстановкѣ, окружающей ихъ, всякая вещь совмѣщаетъ въ себѣ наряду съ элементами общедоступными, свойства индивидуальнаго, монопольнаго характера. Такой смѣшанный составъ товаровъ относительно „воспроизводимости“ ихъ элементовъ, дѣлаетъ невозможнымъ предложенное разграниченіе вещей, а наша неизвѣстность относительно всѣхъ условій ихъ производства лишаетъ насъ указаній, какъ оцѣнивать каждую изъ ихъ составныхъ частей въ отдѣльности. Какъ ни велика неопредѣленность субъективной оцѣнки, по мнѣнію противниковъ теоріи полезности, неопредѣленность двойственной оцѣнки по „полезности“ и „издержкамъ“, при условіи, что неизвѣстно, гдѣ кончается сфера примѣненія одного принципа и гдѣ начинается область другого, должна оказаться еще въ значительной степени большей.

Наконецъ, противъ того взгляда, будто свойство

технической „воспроизводимости“ присуще большинству благъ и, что технически невоспроизводимыя блага представляютъ собой лишь исключенія, должно замѣтить, что кромѣ объективной технической невоспроизводимости можетъ существовать и субъективная техническая невоспроизводимость. Въ современномъ хозяйствѣ всѣ блага для большинства людей являются невоспроизводимыми именно съ этой послѣдней точки зрѣнія. Дѣло въ томъ, что трудящійся человѣкъ обыкновенно принужденъ эксплоатировать весь находящійся у него запасъ энергіи для добыванія себѣ средствъ существованія и не обладаетъ свободнымъ запасомъ времени, средствъ и силъ для того, чтобъ „воспроизводить“ утраченныя имъ блага, хотя бы послѣднія съ объективной технической стороны допускали воспроизведеніе. Поэтому, всякое утраченное благо представляетъ для него цѣнность, погибшую безвозвратно. Для токаря успѣвающаго за день интенсивнѣйшей работы выточить 10 шаровъ, утрата каждаго шара невосполнима, ибо каждый выточенный шаръ представляетъ для него благо, невоспроизводимое съ субъективной технической точки зрѣнія,—своего убытка онъ уже никогда не успѣетъ вознаградить за отсутствіемъ времени и силъ. Этими фактами свойство „воспроизводимости“ еще болѣе ограничивается и вмѣстѣ съ нимъ суживается и сфера оцѣнки по издержкамъ. Всѣ эти соображенія имѣютъ цѣлью доказать, что, во-первыхъ,свойство „воспроизводимости“ не является какимъ либо опредѣленнымъ, объективнымъ признакомъ вещей, а требуетъ истолкованія съ точки зрѣнія субъективной, которая вводитъ ту „неустойчивость“, противъ которой протестуютъ новоклассики; и, во-вторыхъ, что сфера примѣненія оцѣнки по „издержкамъ“ весьма неясно отграничена отъ области, гдѣ дѣйствуетъ „полезность“, ибо свойства „воспроизводимости“ и „невоспроизводимости“ совмѣщаются въ вещахъ одновременно въ различныхъ элементахъ ихъ.

Что касается пониманія новоклассиками „издер-

жекъ", то они не сумѣли и этому понятію придать яснаго и окончательнаго научнаго значенія. Когда представители старой классической школы утверждали, что „естественная цѣна" опредѣляется „издержками производства", то для нихъ „издержки" представлялись вполнѣ реальной величиной, нашедшей воплощеніе въ данномъ товарѣ во время процесса его производства. Правильна ли и достаточна ли эта мысль съ научной точки зрѣнія или нѣтъ, во всякомъ случаѣ „издержки производства" здѣсь выступаютъ въ качествѣ опредѣленной, объективной величины, которая и служила основаніемъ для рыночныхъ соображеній о „цѣнности" товара. „Издержки", понятыя, какъ стоимость воспроизводства, а не производства, уже утрачиваютъ такую опредѣленность, ибо предполагаютъ оцѣнку въ будущемъ, in abstracto. Издержки „воспроизводства" существуютъ лишь въ идеѣ цѣнящаго субъекта и поэтому могутъ отличаться весьма значительно отъ дѣйствительныхъ издержекъ производства, воплотившихся въ вещи. Именно въ этомъ идеальномъ смыслѣ „издержки" понимаются представителями новаго направленія. Однако, такому мѣрилу цѣнности нельзя уже придавать значенія той точности и опредѣленности, какую мы находимъ въ издержкахъ производства, какъ фактѣ чисто матеріальнаго свойства. Поэтому Бемъ-Баверкъ правъ, когда говоритъ о „соблазнительной діалектической игрѣ словъ при употребленіи слова „издержки" въ обоихъ его значеніяхъ. Сперва подразумѣваются подъ этими словами техническія условія производства и мы выносимъ вполнѣ правильное впечатлѣніе, что онѣ суть болѣе элементарный, болѣе первичный фактъ, чѣмъ предѣльная полезность; а тогда незамѣтно подводится подъ него иной смыслъ—издержки, какъ сумма цѣнностей—и неправильно распространяется... на „издержки" значеніе „регулятора цѣнности". (Böhm-Bawerk. Wert, Kosten, Grenznutzen S. 355). Поэтому „издержки" какъ „издержки воспроизводства" не могутъ считаться „эле-

ментарнымъ", „первичнымъ" „техническимъ" фактомъ а какъ „издержки производства", онѣ не могутъ считаться факторомъ цѣнности. Однако, вообще идея косвенной оцѣнки по „издержкамъ воспроизводства", какую новоклассики противополагаютъ оцѣнкѣ по „полезности", отнюдь не является чуждой теоретикамъ полезности. Даже самое поверхностное знакомство съ теоріей полезности, должно насъ убѣдить въ томъ, что приверженцы ея считаютъ человѣка способнымъ на болѣе отдаленное предвидѣніе и признаютъ за нимъ способность и иной, кромѣ непосредственной, оцѣнки благъ. Весьма обстоятельное разсмотрѣніе посвящается въ ихъ ученіи именно этому вопросу въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о цѣнности „замѣнимыхъ" благъ („Substitutionsgüter") и о цѣнности производственныхъ благъ („Produktionsgüter"). Въ томъ и другомъ случаѣ происходитъ, согласно теоріи полезности, оцѣнка не по непосредственной полезности вещи для человѣка, а по полезности, которую она создаетъ или которой она насъ лишаетъ въ результатѣ всего хозяйственнаго процесса. Въ сущности весь законъ „предѣльной полезности" можетъ быть выведенъ лишь при допущеніи факта косвенной или посредственной оцѣнки человѣкомъ находящихся въ его распоряженіи благъ; ибо основаніемъ для этого закона служитъ положеніе, что человѣкъ, утрачивая одно изъ своихъ благъ, всегда восполняетъ утрату другимъ ему подобнымъ, полезность котораго наименьшая, вслѣдствіе чего и придаетъ первому цѣнность послѣдняго т. е. вмѣсто непосредственной оцѣнки онъ прибѣгаетъ къ косвенной. Теорія полезности и не думаетъ отрицать того факта, что цѣнность вещи для человѣка опредѣляется взвѣшиваніемъ дѣйствительнаго лишенія, сопряженнаго для него съ ея утратой, въ какомъ бы видѣ это лишеніе не проявлялось—въ видѣ ли отказа отъ непосредственной полезности блага, или издержекъ, потребовавшихся для производства новаго блага, или матеріальныхъ жертвъ, необходимыхъ для пріобрѣтенія путемъ обмѣна

новой вещи, вмѣсто утраченной, или въ видѣ личной трудовой затраты, сдѣланной для той же цѣли. Поэтому противники теоріи полезности ошибаются, когда полагаютъ, что сообщаютъ что либо новое, выдвигая роль „посредственной оцѣнки“ при опредѣленіи цѣнности благъ. Однако,—и здѣсь мы переходимъ ко второму недостатку ихъ толкованія понятія „издержекъ“,—признавая такъ же, какъ теоретики полезности, значеніе „издержекъ производства“, они не даютъ имъ полнаго и глубокаго научнаго объясненія, какъ это дѣлаютъ послѣдніе. „Издержки“ являются мѣриломъ цѣнности лишь постольку, поскольку сами обладаютъ таковой, и должны подвергнуться въ качествѣ извѣстной суммы цѣнностей анализу со стороны ученія, ставящаго себѣ цѣлью выясненіе сущности явленія цѣнности. Теоретики полезности и осуществляютъ этотъ анализъ, объясняя цѣнность „издержекъ“ съ точки зрѣнія своего общаго, единаго принципа, противники же ихъ останавливаются на полу-дорогѣ, не понимая, что даже если „издержки“ способны объяснить цѣнность продукта, то не вполнѣ и не окончательно, ибо сами нуждаются еще въ объясненіи.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что противники теоріи полезности, не дали не только въ своихъ положеніяхъ о „воспроизводимости“ и „издержкахъ“ ничего окончательнаго и опредѣленнаго, но даже не дали въ нихъ ничего новаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ они задались совершенно безполезной, съ общей точки зрѣнія, задачей раздѣлить блага на двѣ опредѣленныя категоріи, чтобы для каждой изъ нихъ установить иной способъ оцѣнки. Выясненіе, когда именно для человѣка возможно производить, когда покупать, когда воздерживаться отъ пользованія утраченнымъ благомъ, временно или постоянно, относится не къ области экономической статики, а къ области динамики хозяйства. Будетъ ли оцѣнка въ каждомъ данномъ случаѣ производиться человѣкомъ непосредственно или посредственно зависитъ отъ разнообразныхъ свойствъ даннаго лица, дан-

наго товара, данной экономической конъюнктуры и другихъ многочисленныхъ условій соціально-экономическаго характера. Конечно, выясненіе всѣхъ этихъ конкретныхъ условій входитъ въ задачи политической экономіи, однако, никакъ не той части ея, которая разрабатываетъ общую проблему цѣнности. Не представивъ общаго принципа, единаго явленія высшаго порядка, для объясненія цѣнности, новоклассики не разрѣшили той задачи, которая поставлялась имъ наукой, а въ частности не достигли и своей цѣли—опроверженія теоріи полезности.

Вторымъ доводомъ за допущеніе „издержекъ“ въ качествѣ фактора цѣнности является то соображеніе, что величина издержекъ, употребленныхъ для производства извѣстнаго товара, опредѣляетъ производимое количество его, послѣднее же стоитъ въ непосредственной связи съ его цѣнностью. Такимъ образомъ „издержки“ и „рѣдкость и полезность“ взаимно обусловливаютъ другъ друга; это и есть формулировка того соображенія, которое мы находимъ у Маршаля. Прежде всего необходимо указать на логическую несостоятельность такого положенія. Никакая логика не допускаетъ возможности подобной зависимости между явленіями, ибо фактъ, существующій въ качествѣ причины другого, не можетъ въ то же время являться его слѣдствіемъ. Поэтому самая примитивная логика обнаруживаетъ несостоятельность идеи о „взаимообусловленности“ „издержекъ“ и „рѣдкости и полезности“. Цѣнность, являющаяся результатомъ этихъ явленій, не можетъ считаться объясненной путемъ такого ошибочнаго діалектическаго пріема и мы вынуждены предположить, что либо „издержки“, либо „рѣдкость и полезность“ являются общимъ, первоначальнымъ принципомъ для научнаго истолкованія цѣнности. Мы видѣли, что „издержки“ не могутъ выступить самостоятельно въ качествѣ абсолютнаго фактора цѣнности, но и соединеніе ихъ съ „рѣдкостью и полезностью“ на указанныхъ основаніяхъ также не

можетъ считаться правильнымъ путемъ для объясненія цѣнности. Дитцель мотивируетъ приведенное положеніе слѣдующимъ образомъ: „Нѣтъ такого средства производства, которое имѣло бы хозяйственную цѣнность, если продукты его (потребительныя блага) являются безцѣнными, безполезными, въ избыткѣ находящимися вещами (силами или предметами). *Такимъ образомъ цѣнность продукта выступаетъ въ качествѣ причины цѣнности производственнаго блага.* Нѣтъ такого продукта (потребительнаго блага), которое имѣло бы хозяйственную цѣнность, если его производственное благо (или производственныя блага) являются безцѣнными, безполезными, въ избыткѣ находящимися вещами (силами или предметами). *Такимъ образомъ цѣнность производственнаго блага выступаетъ въ качествѣ причины цѣнности продукта*“. (Dietzel. Zur Klass. Wert u. Preis theorie. S. 694). Мы подчеркнули тѣ два заключенія Дитцеля, въ которыхъ устанавливается, что цѣнность продукта является въ такой же степени причиной цѣнности производственнаго блага, въ какой цѣнность производственнаго блага является причиной цѣнности продукта т. е. тотъ самый circulus, который предполагается идеей взаимообусловленности „издержекъ“ и „полезности“. Ошибка даннаго разсужденія кроется именно въ этихъ заключеніяхъ, ибо основныя посылки относительно того, что какъ продуктъ, такъ и его средство производства обладаютъ извѣстной цѣнностью одновременно, являются совершенно справедливыми. Однако, одновременно существующія явленія отнюдь не должны быть связаны между собой непосредственной причинной связью и никогда эта связь не можетъ выступать въ видѣ „взаимнаго“ обусловливанія. Въ дѣйствительности цѣнность продукта, какъ и цѣнность его производственнаго блага имѣютъ просто своей причиной одно общее явленіе, которое всегда руководитъ цѣнностью благъ во всѣхъ ея проявленіяхъ и это явленіе есть „рѣдкость и полезность“. Какъ цѣнность продукта, потребительнаго

блага, такъ и цѣнность средства производства, создавшаго это благо, опредѣляются не другъ другомъ, а отношеніемъ этихъ вещей (непосредственнымъ или посредственнымъ) къ существующей въ насъ потребности. Свойство полезности, т. е. способность удовлетворять наши потребности, является универсальнымъ и единственнымъ основаніемъ, въ силу котораго мы придаемъ вещамъ хозяйственную цѣнность. Стремленіе присоединить „издержки производства“ къ „рѣдкости и полезности“ въ качествѣ равноправнаго фактора цѣнности, какъ намъ кажется, должно быть объяснено все тѣмъ же смѣшеніемъ изслѣдованія динамической стороны хозяйства съ изслѣдованіемъ статической стороны его. Дѣйствительно, совокупность техническихъ условій производства, дороговизна и дешевизна его, словомъ, его „издержки“ играютъ весьма крупную роль въ выработкѣ конкретныхъ цѣнностей т. е. въ дѣлѣ созиданія народнаго богатства въ видѣ разнородныхъ благъ, осуществляющихъ извѣстное хозяйственное назначеніе. Мы оказываемся въ состояніи приступить къ производству извѣстнаго блага лишь при томъ условіи, что будущая цѣнность продукта покроетъ настоящую цѣнность „средствъ производства“ или нашихъ „издержекъ“ производства. Такимъ образомъ созданіе матеріальныхъ „цѣнностей“, самаго „вещества“ товаровъ, какъ говоритъ Марксъ, конечно, зависитъ не только отъ ихъ „полезности“, но также и отъ „издержекъ“, которыхъ требуетъ ихъ производство. Однако, разсмотрѣніе условій производства и дѣйствительнаго уровня, до котораго доходитъ удовлетвореніе человѣческихъ потребностей не входитъ въ задачу общей теоріи цѣнности. Для нея „издержки“ суть такая же цѣнность для производителя, какъ „продуктъ“ для потребителя, и въ обоихъ случаяхъ „цѣнность“ одинаково должна найти общее теоретическое объясненіе. Дальнѣйшее же разсмотрѣніе реальныхъ отношеній экономической дѣйствительности, которая является резуль-

татомъ столкновенія всѣхъ разнообразныхъ оцѣнокъ людей, какъ производителей, потребителей, посредниковъ, предпринимателей и пр.—входитъ уже въ область динамики хозяйства. Поэтому идея „взаимообусловливанія“ отвлечена изъ наблюденія динамическаго процесса хозяйства, въ которомъ, дѣйствительно, вопросъ объ „издержкахъ“ является столь же существеннымъ, какъ и вопросъ о полезности создаваемаго продукта. Однако, конечно, и здѣсь о „взаимномъ“ обусловливаніи не можетъ быть рѣчи, ибо это понятіе остается всегда одинаковой логической несообразностью. Фактъ созданія матеріальныхъ благъ, основывается на возможномъ приспособленіи цѣнности „издержекъ производства“ къ цѣнности продукта, какъ потребительнаго блага. Всякое удешевленіе производства даетъ возможность удовлетворять нашу потребность въ болѣе полномъ объемѣ и низводитъ такимъ образомъ цѣнность каждой единицы дѣйствительно существующаго блага до болѣе низкаго предѣла. Отсюда и выводится слѣдствіе, будто условіемъ производства является полезность продукта, но издержки производства, въ свою очередь, являются условіемъ степени этой полезности. Однако, такое „взаимообусловливаніе“ есть только одна видимость, ибо разсматриваемый хозяйственный процессъ мы должны обсуждать не какъ одно нераздѣльное явленіе, а какъ послѣдовательное движеніе отъ одной цѣнности къ другой, отъ однихъ издержекъ къ другимъ. Въ этомъ ряду каждая новая потребительная цѣнность является первичнымъ моментомъ, къ которому цѣнность издержекъ стремится приспособиться; по мѣрѣ того, какъ это приспособленіе удается, совершается переходъ, черезъ болѣе или менѣе продолжительное время, къ новой потребительной цѣнности и къ новымъ издержкамъ и т. д. Поэтому и съ точки зрѣнія хозяйственной динамики, которая интересуется тѣми конкретными формами, которыя вытекаютъ изъ столкновенія всѣхъ разнообразныхъ видовъ человѣческихъ оцѣнокъ,

потребительная, непосредственная полезность продукта и издержки его производства, являются двумя самостоятельными хозяйственными силами, совмѣстное дѣйствіе которыхъ обусловливаетъ созданіе не цѣнности, а только извѣстнаго конкретнаго блага. При этомъ всегда идея о „полезности“ вещи является побудительной, движущей, активной силой въ хозяйствѣ, идея же объ „издержкахъ производства“ играетъ роль инертнаго, задерживающаго, пассивнаго фактора въ немъ. Лишь преобладаніе „полезности“ надъ „издержками производства“ можетъ привести къ созданію какого либо конкретнаго блага. Это соотношеніе никакъ не можетъ быть названо „взаимообусловленностью“, а есть лишь приспособленіе цѣнности издержекъ производства къ цѣнности готоваго продукта, и, во всякомъ случаѣ, это соотношеніе не только не служитъ общимъ теоретическимъ объясненіемъ явленія цѣнности, а само предполагаетъ существованіе цѣнности вещей Такимъ образомъ, и этотъ доводъ не является достаточнымъ для признанія „издержекъ“ факторомъ наряду съ „полезностью“.

Мы переходимъ къ третьему пункту возраженій, представленныхъ защитниками „издержекъ“ противъ теоріи полезности, а именно къ тому, въ которомъ указывается на преимущество опредѣленія цѣнности на основаніи тарифовъ, предъ вычисленіемъ ея на скалѣ настроеній. Нами было уже указано на то, что исчисленіе цѣнности по „издержкамъ“ отличается лишь кажущейся опредѣленностью и простотой. Кромѣ того, мы должны вообще признать этотъ доводъ въ пользу „издержекъ“ ненаучнымъ. Наука должна считаться съ тѣмъ, что есть въ дѣйствительности, а не съ тѣмъ, существованіе чего было бы желательнымъ, а потому никакія формальныя преимущества „издержекъ“ не могутъ оправдать признанія за ними фиктивнаго первенства. Наука преслѣдуетъ болѣе глубокія и отдаленныя цѣли, чѣмъ установленіе правилъ для практическаго обихода, ибо ищетъ не частныхъ обоб-

щеній, а конечнаго полнаго объясненія явленія. Поэтому, какъ бы ни было удобно вычисленіе цѣнности по издержкамъ и какъ бы ни было желательно постоянное совпаденіе этихъ величинъ, научное изслѣдованіе, дорожа истиной, должно углубиться въ менѣе ясную и болѣе сложную область человѣческихъ чувствъ. Совершенно неправиленъ пріемъ Шмоллера, который, отдавъ должную дань идеѣ „полезности“, оставляетъ неразработанными всѣ выводы изъ нея для того, чтобы поскорѣе перейти къ разсмотрѣнію готовыхъ, осязательныхъ, точныхъ данныхъ, составляющихъ только внѣшнее проявленіе хозяйственнаго процесса. (Schmoller. Grundzüge d. Allgemeinen Volkswirtschaftslehre B. II S 157). Впрочемъ, теорія полезности нисколько не протестуетъ противъ пользованія въ практическомъ обиходѣ соображеніемъ объ „издержкахъ“ въ качествѣ вспомогательнаго даннаго для опредѣленія цѣнности вещей. Несомнѣнно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда опытъ и практика установили опредѣленное соотношеніе между величиной цѣнности и издержекъ, человѣкъ не начинаетъ процесса оцѣнки съ самаго начала, а руководится провѣренными готовыми данными, внося подчасъ тѣ или иныя индивидуальныя измѣненія въ свою оцѣнку. Однако, вопросъ о томъ *какъ* мы цѣнимъ, совершенно отличенъ отъ вопроса *почему* мы цѣнимъ и только послѣдній вопросъ интересуетъ общее ученіе о цѣнности. Способъ оцѣнки, какъ практическій пріемъ, можетъ не стоять въ непосредственной зависимости отъ элементарнаго принципа цѣнности и часто можетъ руководиться пріемами совершенно чуждыми научной теоріи. Дѣйствительно, обращаясь къ абсолютно „невоспроизводимымъ“ благамъ, гдѣ единственно возможна оцѣнка по „полезности“, мы находимъ для нихъ столь же точныя и опредѣленныя рыночныя цѣны, какъ и для „воспроизводимыхъ“ благъ. Противники теоріи полезности, указывающіе на неопредѣленность психическаго измѣренія цѣнности, могутъ

убѣдиться, что въ той области, гдѣ и они сами вынуждены признать такой способъ опредѣленія цѣнности единственнымъ, все же требуемая „точность“ достигается съ полнымъ успѣхомъ. Поэтому ни съ теоретической, ни съ практической точки зрѣнія не можетъ быть оправдано то возраженіе противъ теоріи полезности, что она лишаетъ оцѣнку необходимой точности и опредѣленности. Тамъ, гдѣ дѣйствительно такая неопредѣленность и неточность существуетъ, т. е. въ случаяхъ, когда человѣкъ вслѣдствіе своей недальновидности и своего несовершенства не умѣетъ оцѣнить истиннаго значенія, которое для него имѣетъ извѣстная вещь,—эта неточность представляетъ фактъ реальный и необходимый, съ которымъ должна считаться наука такъ же, какъ съ нимъ считается жизнь. И не „теоріи издержекъ“ суждено устранить его существованіе.

На основаніи высказанныхъ соображеній, мы считаемъ, что положенія, выставленныя всей „англо-германской дагматикой“, по выраженію Дитцеля, неспособны поколебать основнаго принципа теоріи полезности. Уже апріори мы склонны отдать предпочтеніе той научной теоріи, которая стремится глубже проникнуть въ сущность явленія и кладетъ въ основаніе своего объясненія одинъ общій принципъ вмѣсто двойственнаго. Тѣмъ болѣе мы имѣемъ право признать превосходство такой теоріи, если послѣдующій анализъ доказываетъ намъ несостоятельность этого двойственнаго начала и съ матеріальной стороны. Соображенія „новоклассиковъ“ оказываются бесильными воскресить старую классическую теорію для новой жизни и, несмотря на всѣ вводимыя реформы, наука, подвинувшаяся впередъ въ своей эволюціи, откаывается возвратиться къ старымъ формамъ. Еще менѣе успѣшными попытками примиренія стараго ученія съ новымъ, должны быть признаны стремленія экономической теоріи найти компромиссъ между теоріей полезности и трудовой теоріей цѣнности.

„На западѣ“ говоритъ проф. Георгіевскій „значеніе Маркса для экономической науки... уже вполнѣ опредѣлилось; научная несостоятельность его теоріи общепризнана и нѣтъ ни одного сколько нибудь извѣстнаго ученаго, который продолжалъ бы еще держаться его теоріи“. Дѣйствительно, рѣзкое несогласіе трудовой теоріи съ фактами и логическіе промахи въ ея построеніи устраняютъ возможность ея научнаго обоснованія. Однако, широкая популярность ея положеній и желаніе вѣрить въ ея выводы, служащіе основаніемъ для построенія соціально-политическаго идеала, все еще заставляютъ нѣкоторыхъ экономистовъ надѣяться согласить ее съ новѣйшими научными взглядами. Главнымъ апологетомъ теоріи Маркса, хотя и въ видоизмѣненномъ толкованіи, долженъ считаться на Западѣ Вернеръ Зомбартъ. Въ своей статьѣ „Къ критикѣ экономической теоріи Карла Маркса“ (Archiv f. soziale Gesetzgebung. B. VII Heft 4) Зомбартъ пытается опредѣлить ту область, въ которой трудовая теорія цѣнности должна сохранить свое значеніе. Признавая и даже обнаруживая на рядѣ примѣровъ противорѣчія, въ которыя впадаетъ трудовая теорія при примѣненіи ея выводовъ къ фактамъ дѣйствительности, Зомбартъ считаетъ возможнымъ удѣлить этой теоріи убѣжище въ мышленіи теоретика экономиста. „Цѣнность Маркса“, говоритъ онъ, „можно характеризовать такъ: его цѣнность не есть фактъ опыта, но мышленія“. Не обсуждая вопроса о томъ, какою областью въ дѣйствительности ограничивалъ Марксъ примѣненіе своего принципа, мы должны во всякомъ случаѣ признать, что трудовая теорія въ цѣломъ имѣла въ виду установить реальную причину и дѣйствительное мѣрило цѣнности, а не только стремилась къ чисто абстрактнымъ выводамъ. Однако, и такое ограниченіе въ признаніи трудового принципа не можетъ спасти значенія трудовой теоріи. Представленіе о „трудѣ“ важно для теоретика экономиста постольку, поскольку оно вхо-

дитъ въ идею объ „объективной цѣнности“ вещей, и поэтому онъ несомнѣнно удѣлитъ этому представленію убѣжище въ своемъ мышленіи и будетъ пользоваться имъ, какъ вспомогательнымъ даннымъ при опредѣленіи хозяйственной цѣнности вещей. Но ближайшее разсмотрѣніе доказываетъ намъ съ очевидностью, что идея трудовой затраты не покрываетъ въ нашемъ мышленіи цѣликомъ идеи „объективной цѣнности“ и это несовпаденіе вполнѣ оправдывается отношеніемъ между явленіями „труда“ и „цѣнности“ въ дѣйствительности. Изслѣдуя наше представленіе объ объективныхъ факторахъ цѣнности, мы не находимъ возможности привести это представленіе къ трудовой идеѣ въ ея чистомъ видѣ; мы не склонны ни къ тому, чтобы разсматривать предметы въ качествѣ „кристалловъ“ или „сгустковъ“ труда, ни къ тому, чтобы конкретную трудовую затрату относить къ „общественно необходимому рабочему времени“, ни къ тому, чтобы квалифицированный трудъ приводить къ „простому“ и ни къ какимъ другимъ „абстракціямъ“, допускаемымъ трудовой теоріей. Если въ нашемъ мышленіи возникаетъ представленіе объ „объективной цѣнности“ вещи т. е. внѣшнемъ, матеріальномъ фактѣ, служащемъ показателемъ и выраженіемъ цѣнности, то это представленіе относится либо къ издержкамъ производства даннаго блага, либо къ цѣнѣ, уплаченной нами при его пріобрѣтеніи, либо къ денежному показателю той цѣнности, которая для насъ представляется связанной съ обладаніемъ даннымъ благомъ. Идея о трудовой затратѣ входитъ лишь въ качествѣ одного изъ составныхъ элементовъ въ представленіе о матеріальномъ эквивалентѣ цѣнности, ибо для цѣнящаго субъекта трудовая затрата представляется затратой подобной всѣмъ инымъ видамъ затратъ. Поэтому, отождествленіе „труда“ съ „объективной цѣнностью“ является неосновательнымъ; послѣднее понятіе шире перваго и включаетъ его на правахъ одного изъ своихъ составныхъ элементовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, никакая про-

цовѣдь, хотя бы она исходила изъ авторитетныхъ устъ ученаго, не можетъ убѣдить логически мыслящаго человѣка въ томъ, что единой, общей субстанціей цѣнности долженъ теоретически разсматриваться трудъ, если онъ фактически не является такой субстанціей. Если въ дѣйствительности „цѣнности“ возникаютъ и помимо человѣческаго труда, измѣняются внѣ всякой пропорціи къ послѣднему, и если трудъ можетъ также быть безполезнымъ, не создающимъ никакой цѣнности, то непонятно за что именно Зомбартъ приписываетъ труду привиллегированное мѣсто въ ряду другихъ естественныхъ силъ и явленій, способствующихъ образованію цѣнности вещей. Такимъ образомъ, признавая вмѣстѣ съ Зомбартомъ теоретическое значеніе представленія объ „объективной цѣнности“ вещей, какъ дополняющаго идею субъективной цѣнности, мы полагаемъ, что содержаніемъ для этой вспомогательной идеи не можетъ служить „трудъ“, вѣрнѣе, исключительно „трудъ“. Трудовая теорія, въ качествѣ абсолютной теоріи цѣнности такъ же не находитъ себѣ мѣста въ „мышленіи теоретика экономиста“, какъ въ дѣйствительности, если только считать, что теорія служитъ для объясненія существующаго и не видѣть въ „теоретикѣ экономистѣ“ того ученаго, который по выраженію Гейне, „затыкаетъ своимъ собственнымъ ночнымъ колпакомъ пророки міросданія“.

Своеобразное отношеніе къ теоретической разработкѣ экономическихъ проблемъ мы находимъ у насъ, въ Россіи. Особенности переживаемаго историческаго момента воздѣйствуютъ весьма сильно на общій ходъ развитія нашего знанія. Особенно пагубно отражается политическая борьба на разработкѣ научныхъ проблемъ, отличающихся большой абстрактностью и требующихъ отъ ученаго сосредоточности и объективности: таковы вопросы философіи, психологіи, эстетики. Къ этимъ вопросамъ должна быть отнесена и проблема экономической цѣнности. Вмѣсто того, чтобы

разсматривать разрѣшеніе этой проблемы съ точки зрѣнія чисто отвлеченной, русское общество склонно больше выводить изъ него политическую аттестацію для даннаго ученаго, что конечно, нарушаетъ необходимую безпристрастность научнаго изслѣдованія. Поэтому въ трудахъ новѣйшихъ русскихъ экономистовъ, рѣшающихся отречься отъ явно ошибочнаго ученія Маркса, мы находимъ торжественныя предисловія, въ которыхъ они объявляютъ себя готовыми подвергнутся обвиненіямъ въ „отсталости“ „буржуазности“ и другимъ оскорбленіямъ, ради открытія научной правды (ср. предисловія къ сочин. Франка, Георгіевскаго, Т.-Барановскаго, Шора). И все же, не смотря на такую готовность принять „мученичество за идею“, большинство изъ нихъ остается вѣрно въ извѣстномъ отношеніи трудовому принципу, ибо сама жизнь привязываетъ умы къ этой идеѣ и заставляетъ насъ искать примиренія ея съ новыми ученіями. Одну изъ такихъ попытокъ, принадлежащую С. Франку, мы и намѣрены разсмотрѣть въ настоящее время. Франкъ, бывшій сторонникъ трудовой теоріи въ чистомъ видѣ, оцѣнилъ значеніе теоріи полезности и объявляетъ себя приверженцемъ идеи субъективной цѣнности. Однако, онъ не рѣшается отказать труду въ привиллегированномъ мѣстѣ въ ряду факторовъ цѣнности, хотя свое наченіе трудъ долженъ получить лишь въ зависимости отъ идеи субъективной цѣнности. „Если для трудовой цѣнности остается мѣсто, то это мѣсто подвида общаго понятія субъективной цѣнности. Субъективная цѣнность совпадаетъ съ трудовой цѣнностью для всѣхъ свободнопроизводимыхъ благъ“. (Франкъ. Теорія цѣнности Маркса стр. 257). Съ перваго взгляда намъ представляется это положеніе сходнымъ съ тѣмъ, которое устанавливаютъ „новоклассики“ въ своей примирительной теоріи. Однако, въ дѣйствительности оно значительно отличается отъ него. Во-первыхъ, Франкъ полагаетъ, что трудъ можетъ разсматриваться, какъ факторъ цѣнности лишь

съ точки зрѣнія субъективной цѣнности продукта, создаваемаго имъ. Поэтому „цѣнность, въ примѣненіи къ которой сохраняетъ свое значеніе трудовая теорія, есть не матеріальный, а психологическій фактъ“ (стр. 242). Такимъ образомъ, Франкъ проводитъ принципъ полезности въ томъ смыслѣ, что находитъ исключительно въ немъ санкцію значенія труда въ дѣлѣ созданія цѣнности вещи. Во-вторыхъ, „трудовая стоимость“ понимается имъ въ самомъ узкомъ смыслѣ, какъ количество затраченнаго на производство вещи труда, а не въ смыслѣ „издержекъ“, вслѣдствіе чего она представляется дѣйствительно чисто техническимъ фактомъ. „Универсальное средство производства“ заключается по мнѣнію Франка, въ самой человѣческой дѣятельности... Эта дѣятельность есть не что иное какъ—*трудъ* (стр. 239).

Въ третьихъ, свободная „воспроизводимость“ и „невоспроизводимость“ толкуются Франкомъ иначе, чѣмъ было приведено выше. Невоспроизводимыя блага суть тѣ, которыя не являются вновь возникшими и потому не обогащаютъ всего хозяйства въ цѣломъ; не имѣя трудового происхожденія, они возникаютъ изъ хозяйственныхъ отношеній отдѣльнаго лица къ остальнымъ членамъ хозяйства, въ результатѣ перераспредѣленіе существующихъ благъ между ними. „Воспроизводимыя“ же блага суть тѣ, которыя будучи однажды потребленными, уничтоженными, вновь возобновляются. Они то составляютъ *доходъ* хозяйства. Конечно „въ изолированномъ хозяйствѣ доходъ субъекта хозяйства можетъ состоять только изъ воспроизводимыхъ благъ, такъ какъ періодическое уничтоженіе этихъ благъ требуетъ періодическаго же ихъ возобновленія путемъ хозяйственной дѣятельности“ (стр. 243). Такъ точно и въ общественномъ хозяйствѣ, разсматриваемомъ въ цѣломъ „сумма благъ періодически потребляемыхъ и потому уничтожаемыхъ субъектами хозяйства составляетъ общественный доходъ, который требуетъ постояннаго возобновленія, т. е. состоитъ изъ воспроизводимыхъ

благъ" (стр. 249).—Придавая такой смыслъ указаннымъ основнымъ понятіямъ, Франкъ и выставляетъ положеніе, что „субъективная цѣнность продуктовъ труда совпадаетъ съ ихъ трудовой цѣнностью, т. е является результатомъ оцѣнки благъ пропорціонально затраченному на ихъ производство труду". (стр. 234). Но, такъ какъ продуктомъ труда является вся совокупность „воспроизводимыхъ" благъ изолированнаго хозяйства или общественнаго хозяйства въ цѣломъ, или весь „доходъ" хозяйства, то онъ и выводитъ отсюда свое основное положеніе. что *субъективная цѣнность дохода хозяйства пропорціональна количеству труда, затраченнаго на его созданіе.* Это и есть то примирительное положеніе, которое по мнѣнію Франка создаетъ желанный компромиссъ между трудовой теоріей и теоріей полезности.

Такое соотношеніе между субъективной цѣнностью и трудовой затратой, однако, возникаетъ не сразу. Первоначально, когда добывающая дѣятельность человѣка состоитъ въ простомъ „отыскиваніи" готовыхъ цѣнностей, благъ, созданныхъ самой природой, возможна только оцѣнка по „полезности". Въ дальнѣйшемъ, этотъ несовершенный процессъ добыванія замѣняется производствомъ благъ, благодаря чему прежняя зависимость человѣка отъ природы смѣняется его господствомъ надъ ней. Главнымъ отличіемъ производственнаго процесса является участіе въ немъ цѣлесообразной человѣческой дѣятельности — труда. Развитіе производства предполагаетъ все большее увеличеніе значенія труда, который въ концѣ концовъ „становится универсальнымъ средствомъ производства, путемъ затраты котораго можно получать всѣ желаемыя блага. Въ этой зависимости результата производства отъ направленія человѣческой дѣятельности заключается все значеніе производства" (стр. 231). Согласно положеніямъ теоріи полезности, человѣкъ, пользуясь своимъ трудомъ въ качествѣ средства производства, создаетъ „родствен-

ныя по производству“ блага, цѣнность которыхъ, управляемая предѣльной полезностью, будетъ одинаковой для всѣхъ ихъ. Слѣдовательно, и каждая единица труда, какъ средства производства будетъ обладать соотвѣтственной равной цѣнностью и „оцѣнка благъ по предѣльной полезности совпадаетъ такимъ образомъ съ оцѣнкой ихъ по затраченному на ихъ производство труду. Трудъ, какъ общее условіе созданія благъ, становится общимъ мѣриломъ ихъ субъективной цѣнности“ (стр 234). Такимъ образомъ „когда потребности человѣка удовлетворяются путемъ потребленія благъ всецѣло созданныхъ производительной дѣятельностью природы, субъективная цѣнность этихъ благъ, какъ мы видѣли, опредѣляется самостоятельной предѣльной полезностью каждаго изъ нихъ и не стоитъ ни въ какомъ отношеніи къ труду. Когда, въ предположенномъ нами идеальномъ случаѣ производство благъ всецѣло зависитъ отъ направленія человѣческой дѣятельности, цѣнность благъ, входящихъ въ составъ дохода, опредѣляется исключительно затратой труда на ихъ производство“ (стр. 238). На переходной ступени между обоими этими состояніями происходитъ совмѣстное вліяніе обоихъ факторовъ, причемъ „цѣнность продукта, хотя и будетъ опредѣляться его собственной предѣльной полезностью, но будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ автоматически стремиться стать пропорціональной затратѣ труда“, ибо „разъ трудъ уже принимаетъ участіе въ производствѣ благъ, разъ онъ является по крайней мѣрѣ однимъ изъ факторовъ, опредѣляющихъ результатъ производства, то мы имѣемъ на лицо господство человѣка надъ производствомъ въ томъ отношеніи, что... человѣкъ имѣетъ возможность измѣнять количество продукта, а слѣдовательно и цѣнность его“. „Законъ трудовой цѣнности будетъ дѣйствовать въ этомъ случаѣ косвенно, черезъ рядъ постоянныхъ колебаній и уклоненій отъ него въ ту и другую сторону“ (стр. 239). Эти соображенія и приводятъ Франка къ объясненію того „таинственнаго факта, что цѣн-

ность создается однимъ лишь человѣческимъ трудомъ“ (стр. 241). Роль остальныхъ всѣхъ факторовъ производства сводится къ значенію, какъ бы, передаточнаго механизма, которымъ трудъ управляетъ въ цѣляхъ созданія благъ. Созидательная трудовая дѣятельность находитъ оправданіе лишь вслѣдствіе полезности производимыхъ благъ; но при условіи существованія послѣдней, цѣнность ихъ должна быть пропорціональна трудовой затратѣ. Поэтому „трудовая цѣнность есть не что иное, какъ субъективная цѣнность дохода изолированнаго (или общественнаго—прим.) хозяйства“ (стр. 244).

Такой возвратъ къ трудовой теоріи черезъ посредство теоріи полезности не можетъ считаться достаточно обоснованнымъ. Относя свое разсужденіе къ „свободно воспроизводимымъ“ благамъ, т. е. благамъ постоянно возстановляемымъ по ихъ уничтоженіи вслѣдствіе потребленія, или къ доходу общественнаго хозяйства, Франкъ забываетъ что возстановленіе возможно не только посредствомъ труда, но и благодаря дѣйствію естественныхъ, природныхъ силъ. Такъ, плоды, ежегодно приносимые фруктовымъ деревомъ, новые запасы минеральныхъ богатствъ, открываемые въ землѣ, молодой приростъ лѣса или приплодъ скота и пр. суть необходимые элементы общественнаго дохода, хотя „возобновленіе“ благъ здѣсь и не имѣетъ трудового происхожденія.

Идею „трудовой цѣнности“ Франкъ считаетъ примѣнимой лишь на той стадіи развитія хозяйственной дѣятельности, когда вмѣсто добыванія благъ посредствомъ „простого отыскиванія“ ихъ выступаетъ „сознательное вмѣшательство человѣка въ дѣйствіе законовъ природы съ цѣлью обезпеченія удовлетворенія своихъ потребностей“, т. е. производство благъ. Однако, въ дѣйствительности никакой принципіально. разницы между этими двумя видами добывающей дѣятельности не существуетъ. Если, что несомнѣнно, производство благъ является гораздо болѣе совер-

шеннымъ способомъ ихъ „возстановленія“, чѣмъ отыскиваніе ихъ въ готовомъ видѣ, то это лишь означаетъ, что первая форма примѣненія труда стоитъ выше второй. Но въ обоихъ случаяхъ процессъ добыванія основывается на „цѣлесообразной человѣческой дѣятельности“, успѣшность и совершенство которой никакъ не могутъ повлечь за собой измѣненіе самого спасоба оцѣнки доставляемыхъ ею благъ. Непонятно, почему Франкъ, считая возможнымъ сообразоваться при производственной дѣятельности съ предѣльной полезностью продукта, не считаетъ того самаго возможнымъ при простомъ отыскиваніи его. Въ дѣйствительности никакое благо не можетъ считаться „готовымъ продуктомъ“ пока не введено въ сферу человѣческаго господства и не превращено человѣкомъ въ продуктъ потребленія. Поэтому, какъ вещи „всецѣло созданныя производительной дѣятельностью природы“, такъ и такія, которыхъ въ природѣ въ „готовомъ“ видѣ не находится, требуютъ одинаково участія труда для обращенія ихъ въ „блага“, хотя и труда не одинаковой степени и сложности. По одному этому уже процессъ добыванія человѣкомъ благъ не можетъ быть раздѣленъ съ точки зрѣнія участія въ немъ трудового элемента на тѣ двѣ стадіи, которыя отмѣчаетъ Франкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, во всѣхъ случаяхъ добыванія благъ является необходимымъ и участіе силъ природы. Природа въ своей творческой дѣятельности никогда не задается опредѣленными цѣлями, благопріятствующими человѣку, а создаетъ по необходимости, согласно нерушимымъ естественнымъ законамъ. Поэтому, продукты ея являются для человѣка цѣнностями постольку, поскольку самъ онъ открываетъ въ нихъ способность служить удовлетворенію его потребностей. Но, такое приспособленіе человѣка къ окружающимъ условіямъ путемъ открытія полезныхъ свойствъ вещей происходитъ одинаково при процессѣ, какъ „простого“ такъ и „сложнаго“ добыванія, какъ при „отыскиваніи“, такъ и при „про-

изводствѣ", съ различіемъ лишь въ степени его сложности и совершенства. Болѣе искусное комбинированіе свойствъ вещей и силъ, болѣе тонкое распознаваніе ихъ качествъ способствуетъ лишь успѣшности нашей дѣятельности, но никакъ не видоизмѣняетъ сущности ея. Поэтому мы должны признать, что и съ этой точки зрѣнія различіе между простѣйшимъ добываніемъ и производствомъ, проводимое Франкомъ, является неосновательнымъ. Установленная имъ двойственность въ способѣ оцѣнки благъ, по „самостоятельной предѣльной полезности" въ періодъ „отыскианія", и по „трудовой затратѣ" въ періодъ „производства", не находитъ себѣ никакого оправданія.

Однако, въ какомъ смыслѣ можетъ быть понято вообще предположеніе Франка объ увеличеніи значенія „труда" на высшихъ ступеняхъ развитія производительной дѣятельности? Какъ извѣстно, сущностью и цѣлью всякаго прогресса является достиженіе возможнаго максимума сбереженія силъ. Прогрессъ въ области производства подчиняется тому же самому закону. Переходъ отъ „простѣйшаго добыванія" къ „производству", усложненіе и развитіе послѣдняго до наиболѣе совершенныхъ формъ машиннаго производства, знаменуетъ успѣхи человѣчества въ искусствѣ сбереженія значительнаго количества труда при добываніи благъ, которое доставляетъ возможность при прежней затратѣ энергіи достигнуть неизмѣримо болѣе успѣшныхъ результатовъ. Однако, сбереженіе труда или человѣческой силы можетъ происходить лишь на счетъ другихъ факторовъ производства, ибо законъ постоянства энергіи требуетъ вѣчнаго равновѣсія между количествами превращенной или видоизмѣненной силы Это сбереженіе должно быть приписано большему участію силъ природы въ болѣе совершенномъ производительномъ процессѣ; здѣсь силы природы своимъ воздѣйствіемъ замѣняютъ извѣстное, необходимое количество человѣческой энергіи. Поэтому прогрессъ въ производствѣ не предполагаетъ устраненія естествен-

ныхъ факторовъ на счетъ труда, а наоборотъ онъ стремится къ совершенно противоположнымъ послѣдствіямъ. Такимъ образомъ, Франкъ очевидно подразумѣваетъ подъ „трудомъ“ что либо иное, чѣмъ то, что обыкновенно понимается подъ этимъ словомъ, если доказываетъ увеличеніе участія „труда“ въ производствѣ по мѣрѣ совершающагося въ немъ прогресса. Ближайшее разсмотрѣніе его разсужденія дѣйствительно подтверждаетъ наше соображеніе, ибо въ одномъ мѣстѣ онъ указываетъ, что подъ „трудомъ“ или „цѣлесообразной“ дѣятельностью человѣка „подразумѣвается всегда *правильный* выборъ средствъ къ достиженію цѣли“ (стр. 228). Въ этомъ смыслѣ, конечно, значеніе „труда“ въ производствѣ все увеличивается, ибо приспособленіе человѣка къ окружающимъ его условіямъ становится все совершеннѣе, опытъ его все точнѣе, вліяніе все больше, вслѣдствіе чего „выборъ средствъ къ достиженію цѣли“ становится все болѣе „правильнымъ“. Однако, толкованіе труда, какъ какого то разумнаго начала, направляющаго человѣческую дѣятельность на „правильныя“ средства для достиженія цѣли, совершенно произвольно. Понятіе „труда“ предполагаетъ дѣятельность субъективно цѣлесообразную, но никакъ не „разумную“ съ объективной точки зрѣнія, т. е. возможную лишь при „правильномъ“ выборѣ средствъ. „Разумность“ есть совершенно особенное свойство хозяйствующаго индивида, зависящее отъ уровня его культурности, его теоретическихъ познаній, его опытности; нѣтъ спора, что это свойство весьма способствуетъ успѣшности хозяйства,—но такъ же несомнѣнно, что съ „трудомъ“ оно не имѣетъ ничего общаго, ибо трудится не только трудящійся разумно, но и разбрасывающій свои силы непроизводительно. Франкъ, сперва разсматривающій „трудъ“ въ смыслѣ обычномъ, подставляетъ въ дальнѣйшемъ подъ это слово значеніе объективно-цѣлесообразной дѣятельности, и благодаря этому смѣшиваетъ значеніе „труда“,

какъ чисто созидательной силы, съ значеніемъ регулятивнаго начала. Именно подразумѣвая послѣдній смыслъ, онъ сравниваетъ роль „труда“ въ производственномъ процессѣ съ ролью машиниста, управляющаго движеніемъ поѣзда, и подчиняетъ „труду“ всѣ остальные факторы производства. Въ дѣйствительности труду не можетъ быть удѣлено особаго привилегированнаго положенія среди остальныхъ факторовъ, участвующихъ въ процессѣ производства, и прогрессивное развитіе техники все болѣе сокращаетъ участіе трудовой человѣческой дѣятельности въ созданіи благъ. Что же касается „разумности“, планомѣрности, рациональности производства, то эти свойства дѣйствительно все болѣе усваиваются производствомъ, однако, никакъ не черезъ посредство увеличенія трудовой затраты, а въ зависимости отъ общаго культурнаго и умственнаго прогресса общества. Доказательствомъ послѣдняго положенія служитъ тотъ фактъ, что въ современномъ хозяйствѣ иниціаторами всѣхъ усовершенствованій производства въ этомъ смыслѣ, являются обыкновенно тѣ лица, противъ которыхъ выдвигается обвиненіе въ извлеченіи „нетрудового“ дохода, а именно предприниматель, капиталистъ и торговый посредникъ.

Какъ мы видѣли, Марксъ при доказательствѣ своей мысли о соотвѣтствіи цѣнности трудовой затратѣ исходилъ изъ произвольной предпосылки объ „отвлеченіи“ отъ свойства полезности благъ, что и дало ему возможность обойти разсмотрѣніе цѣнностей, доставляемыхъ самой природой, и привести „общее заключающееся въ товарахъ“ къ труду. Франкъ сознаетъ неосновательность такого разсужденія и признаетъ „полезность“ во всѣхъ случаяхъ санкціонирующей значеніе труда, какъ мѣрила цѣнности вещей. Однако, и ему также удается оправдать трудъ въ этой роли лишь вслѣдствіе допущенія новой фиктивной предпосылки. Если даже признать за трудомъ то всемогущество, которое ему приписываетъ Франкъ на высшихъ

ступеняхъ развитія производства, трудъ все же самъ по себѣ никогда не можетъ выступить въ качествѣ мѣрила цѣнности. Это было бы возможно лишь въ томъ случаѣ, еслибъ всѣ естественныя блага, даруемыя намъ природой, надъ которыми человѣческій трудъ оперируетъ, представляли бы для насъ равныя цѣнности. Въ такомъ случаѣ дѣйствительно одинъ лишь „трудъ“ способенъ былъ бы варіировать эти естественныя цѣнности и, слѣдовательно, являлся бы условіемъ и выраженіемъ цѣнности вещей, произведенныхъ при его содѣйствіи. Это и есть то допущеніе, которое въ скрытомъ видѣ проникаетъ разсужденіе Франка. Поэтому то для него „господство“ надъ вещами означаетъ не вообще способность человѣка извлекать изъ окружающей его природы любой матеріальный результатъ, а возможность создавать посредствомъ производства любыя цѣнности. Можно съ увѣренностью утверждать, что „господство“ въ подобномъ смыслѣ никогда не осуществится, ибо даже тогда, когда техническій прогрессъ достигнетъ своего конечнаго пункта, наше производство все же будетъ вынуждено оперировать надъ силами и вещами, находящимися въ природѣ въ различныхъ количествахъ, неравномѣрно разбросанными въ разнообразныхъ мѣстностяхъ, нерѣдко лишь періодически доставляемыми намъ природой, а потому и обладающими совершенно различной цѣнностью. Цѣнность никогда не можетъ стать функціей одного лишь труда, ибо существуетъ до него въ объектахъ, надъ которыми онъ оперируетъ. Понятіе хозяйственнаго „господства“ надъ природой можетъ быть истолковано только, какъ способность человѣка къ совершенной эксплоатаціи окружающихъ его природныхъ благъ (силъ и предметовъ), способность, дающая ему возможность удовлетворить при помощи производства всѣмъ своимъ потребностямъ. Въ этомъ смыслѣ мы, дѣйствительно, стремимся къ господству и приближаемся къ нему.

При примѣненіи всѣхъ своихъ теоретическихъ по-

ложеній къ фактамъ Франкъ попадаетъ въ столь же серьезное затрудненіе, какъ и Марксъ, хотя онъ и пытается отрицать это. Хотя процессъ производства въ современномъ хозяйствѣ не достигъ еще того высшаго пункта въ своемъ развитіи, о которомъ говоритъ Франкъ, однако, казалось бы, что въ тѣхъ областяхъ, куда трудъ уже проникъ, сразу же должно проявиться значительное вліяніе его на цѣнность вещей. Вѣдь если остальные факторы производства суть лишь „передаточный механизмъ“ для приложенія трудовой энергіи, то участіе труда въ производствѣ должно совершенно освободить послѣднее отъ вліянія случайной игры природныхъ силъ и должно способствовать установленію трудовыхъ цѣнностей. Въ дѣйствительности ничего подобнаго этому явленію не наблюдается, и ссылка на временныя „колебанія“ цѣнностей есть не болѣе, какъ удобная увертка отъ признанія этого несоотвѣтствія. Извѣстное движеніе можетъ быть признано „колебаніемъ“ лишь въ томъ случаѣ, если оно происходитъ около одного опредѣленнаго центра, въ которомъ и находится точка устойчиваго равновѣсія. Только при такихъ условіяхъ изслѣдователь имѣетъ право отвлечься отъ временныхъ уклоненій и считать ихъ нейтрализирующими другъ друга. Превращеніе же трудовой цѣнности въ совершенно новую величину, равную издержкамъ производства (всѣмъ въ совокупности) или еще далѣе, приравненіе ея къ степени полезности данной вещи, какое мы находимъ въ дѣйствительности, должно быть признано не „колебаніемъ“ цѣнъ, а отступленіемъ ихъ отъ трудовой цѣнности, которое нуждается въ иномъ, самостоятельномъ объясненіи.

Изъ всего сказаннаго долженъ быть сдѣланъ выводъ о несостоятельности попытки Франка примирить трудовую цѣнность съ оцѣнкой по полезности. Общественный доходъ складывается не только изъ продуктовъ человѣческаго труда, но и изъ естественныхъ продуктовъ, ибо силы природы такъ же способствуютъ „возстановленію“ потребленныхъ благъ; производи-

тельная дѣятельность человѣка въ широкомъ смыслѣ всегда требуетъ участія труда, однако вмѣстѣ съ нимъ и другихъ факторовъ, причемъ „одухотворенность“ и „разумность“ является свойствомъ самаго человѣка, а не необходимымъ признакомъ его труда, что и лишаетъ насъ права удѣлять труду привиллегированное положеніе среди остальныхъ факторовъ производства; „господство“ человѣка надъ природой является властью надъ матеріей, но не надъ „цѣнностью“; и, наконецъ, трудовая цѣнность не проявляетъ своего существованія въ дѣйствительности.

Разсмотрѣніе всѣхъ вышеприведенныхъ теорій, которыя мы назвали теоріями „компромисса“, вслѣдствіе заключающихся въ нихъ попытокъ примиренія или соглашенія различныхъ принциповъ, выставленныхъ для объясненія явленія экономической цѣнности, приводитъ насъ къ заключенію о ихъ несостоятельности. Всѣ эти смѣшанныя теоріи цѣнности не могутъ быть признаны стоящими на высшей ступени развитія въ сравненіи съ остальными ученіями, хотя и заключаютъ въ себѣ „примиреніе“ крайнихъ воззрѣній или, согласно Гегелевской терминологіи, „синтезъ“ противорѣчій. Онѣ суть лишь знаменія того движенія, которое направляетъ умы отъ прежнихъ взглядовъ и освященныхъ временемъ формъ къ другимъ, противоположнымъ воззрѣніямъ, того перехода отъ стараго къ новому, который не можетъ быть внезапнымъ, а совершается съ великой постепенностью путемъ все большихъ и большихъ уступокъ. Какъ извѣстно, той истинѣ наиболѣе обезпеченъ успѣхъ въ борьбѣ за духовное существованіе, которая признается въ равной степени всѣми противоположными взглядами, составляя пунктъ ихъ общаго согласія. Изъ разсмотрѣнія разнообразныхъ теорій „компромисса“ мы можемъ убѣдиться, что всѣ онѣ видятъ себя вынужденными признать значеніе основного положенія теоріи полезности. Это наблюденіе можетъ укрѣпить насъ въ нашемъ убѣжденіи, что именно теоріи полезности должно удаться дать окон-

чательное и правильное разрѣшеніе проблемы цѣнности и вмѣстѣ съ тѣмъ открыть объединяющій философскій моментъ для всей науки политической экономіи.

Заключеніе.

Въ заключеніе намъ бы хотѣлось намѣтить въ самыхъ общихъ чертахъ то направленіе, въ которомъ должно двинуться усовершенствованіе теоріи полезности въ сферѣ изслѣдованія интересующаго насъ вопроса—вопроса о цѣнности. Исчерпывающее научное разрѣшеніе проблемы о цѣнности можетъ дать только теорія полезности, упрочивъ и развивъ свои положенія при помощи болѣе широкаго использованія выводовъ психологической науки и болѣе смѣлаго признанія субъективнаго элемента въ хозяйственной дѣятельности человѣка. Разработка ученія о цѣнности въ этомъ направленіи должна устранить тѣ промахи, которые допустила старая теорія „предѣльной“ полезности въ изслѣдованіи явленія экономической цѣнности.

Импульсомъ хозяйственной дѣятельности, какъ и всякой иной сознательной дѣятельности человѣка, являются извѣстные моменты психическаго характера, могущіе быть названными „ощущеніями“, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Всякое ощущеніе, какъ форма движенія, получившая начало изъ нѣкотораго внѣшняго толчка и претворенная въ психологическую сущность, является стимуломъ для выведенія нашей энергіи изъ состоянія равновѣсія и открытія извѣстной дѣятельности. Ощущеніе, вызывающее въ насъ стремленіе къ опредѣленной перемѣнѣ въ нашемъ внутреннемъ переживаніи—*есть потребность*. Силы и вещи внѣшняго міра, служащія для удовлетворенія потребности—*суть хозяйственныя блага*. Значеніе придаваемое

нами вещамъ, какъ факторамъ удовлетворенія нашихъ потребностей,—*есть ихъ цѣнность*. Та дѣятельность, которая имѣетъ цѣлью способствовать удовлетворенію нашихъ потребностей при помощи хозяйственныхъ благъ—*есть хозяйственная дѣятельность человѣка*. Такимъ образомъ, ощущеніе должно быть признано первопричиной всѣхъ экономическихъ явленій, ибо оно является въ извѣстномъ своемъ проявленіи потребностью, которая обусловливаетъ цѣнность вещей и всю хозяйственную дѣятельность человѣка. Тогда какъ изученіе потребности и цѣнности въ состояніи равновѣсія относится къ области хозяйственной статики, изученіе законовъ хозяйственной дѣятельности составляетъ сферу хозяйственной динамики. Сосредоточивая нашъ интересъ въ настоящее время всецѣло на первой проблемѣ, намъ приходится изслѣдовать природу ощущенія или потребности и опредѣлить законы, управляющіе цѣнностью вещей, безъ отношенія къ изслѣдованію формъ самой хозяйственной дѣятельности (потребленія, обмѣна, производства, распредѣленія благъ). На всю важность такого разсмотрѣнія, устанавливающаго общіе законы экономической дѣятельности было указано нами выше.

Обращаясь къ анализу ощущенія, произведенному съ относительно большой точностью новѣйшей физіопсихологіей, мы можемъ извлечь рядъ обобщеній, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ интересующему насъ вопросу. Двумя наиболѣе важными законами ощущенія являются: законъ о содержаніи ощущенія и законъ о его возрастаніи или законъ „относительности психическаго количества“. Первый изъ этихъ законовъ имѣетъ цѣлью установить, что всякое ощущеніе, переживаемое нами, испытывается нами въ трехъ направленіяхъ—по его качеству, количеству и по степени удовлетворенія, доставляемаго имъ. Для экономиста особенно важенъ послѣдній признакъ, ибо предметомъ его изслѣдованія является дѣятельность человѣка, имѣющая конечной цѣлью извѣстное удовлетвореніе. „Степень удовлетворенія“ ко-

нечно понимается психологіей въ широкомъ смыслѣ, такъ какъ для нея важны не только положительныя ощущенія удовольствія, но и отрицательныя-неудовольствія, сопровождающія извѣстное переживаніе. Положительныя и отрицательныя чувствованія, сопровождающія ощущеніе, могутъ измѣняться по своей интенсивности до высшихъ степеней, вмѣстѣ съ тѣмъ, каждое ощущеніе въ извѣстныхъ предѣлахъ является для насъ безразличнымъ по этому своему „Gefühlston'y" Съ психологической точки зрѣнія всѣ роды ощущеній должны быть признаны равноправными носителями этой категоріи чувствованій, ибо всѣ они способны давать начало пріятнымъ и непріятнымъ ощущеніямъ вплоть до самыхъ мучительныхъ. Такъ какъ „потребность" является только частнымъ видомъ ощущенія, а именно ощущеніемъ, сопровождающимся отрицательными чувствованіями, заставляющими насъ стремиться къ устраненію ихъ, то очевидно, что потребность подчиняется тѣмъ же законамъ, какъ и ощущеніе, лежащее въ ея основѣ. Вслѣдствіе этого всѣ роды потребностей должны такъ же разсматриваться въ качествѣ вполнѣ равноправныхъ носителей отрицательныхъ чувствованій, которыя способны и во всякой потребности возрастать до крайнихъ предѣловъ. Это заключеніе и есть то самое, которое мы выставляли въ качествѣ возраженія противъ классификаціи потребностей по ихъ „важности" или „значенію". Всѣ потребности одинаково способны измѣняться по своей интенсивности отъ степени незначительной неудовлетворенности до высшихъ степеней неудовольствія или страданія, ибо таково свойство ощущеній, одинъ изъ видовъ которыхъ онѣ составляютъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо указать на чрезвычайный субъективизмъ въ оцѣнкѣ ощущеній, который способствуетъ тому, что для различныхъ людей они являются источниками потребностей совершенно различной степени. Индивидуальная конструкція людей оказываетъ самое различное вліяніе на оцѣнку ощу-

щеній, какъ носителей удовольствія или неудовольствія, ибо, въ зависимости отъ чисто субъективнаго физіопсихологическаго склада, мы реагируемъ сильнѣе или слабѣе на одни и тѣ же воздѣйствія. Поэтому, количество ощущенія опредѣленнаго рода, которое вызываетъ наименьшую степень неудовлетворенности, сознаваемую нами, или соотвѣтствуетъ единицѣ потребности, для всѣхъ людей будетъ весьма различнымъ. Возникая только за предѣлами безразличнаго ощущенія, потребность проявляется то вслѣдствіе бо̀льшаго, то вслѣдствіе меньшаго воздѣйствія и измѣняется то медленнѣе, то быстрѣе по своей интенсивности. Такъ, человѣкъ закаленный противъ сырости и стужи т. е. такой, для котораго значительное количество ощущенія холода является безразличнымъ, начинаетъ испытывать потребность въ теплѣ гораздо позже, чѣмъ человѣкъ, изнѣжившій свое тѣло теплыми одеждами и высокой температурой своей комнаты; его переживаніе достигнетъ медленнѣе высокой степени интенсивности, чѣмъ переживаніе послѣдняго. Когда во время товарищескаго ужина друзья испытываютъ потребность использовать свойства алкоголя для того, чтобъ привести себя въ приподнятое настроеніе, то оказывается, что этотъ результатъ достигается для всѣхъ присутствующихъ посредствомъ воздѣйствій совершенно различной силы. Человѣкъ никогда не пьющій пьянѣетъ послѣ первой рюмки вина, а человѣкъ, успѣвшій приспособить свой организмъ къ болѣе значительнымъ пріемамъ алкоголя, является совершенно нечувствительнымъ къ такой малой дозѣ. Мы знаемъ также, что потребности духовнаго свойства возникаютъ у различныхъ людей подъ вліяніемъ воздѣйствій различной интенсивности и, если одинъ человѣкъ готовъ защищать свою честь, свое достоинство противъ маломальски обиднаго слова или жеста, другой — равнодушно сноситъ оскорбленія и даже удары, если они не особенно чувствительны. Такимъ образомъ, то же самое внѣшнее воздѣйствіе, которое въ однихъ случаяхъ

вызываетъ интенсивную потребность, въ другихъ случаяхъ проходитъ совершенно незамѣченнымъ или порождаетъ потребность самой незначительной интенсивности. Ни одинъ родъ ощущеній не можетъ быть поставленъ съ объективной точки зрѣнія выше другихъ, какъ способный порождать болѣе сильныя потребности въ человѣкѣ. Группировка ощущеній возможна, хотя конечно только въ самомъ общемъ видѣ, на основаніи ихъ количественныхъ различій (мы говоримъ объ ощущеніяхъ лишь въ отношеніи ихъ свойства порождать потребности), но не по степени ихъ „значенія". Такъ, замѣчено, что въ низшихъ порядкахъ ощущеній сфера „безразличнаго" весьма ограничена и почти каждое изъ такихъ ощущеній окрашено извѣстнымъ выраженіемъ удовольствія или неудовольствія; вмѣстѣ съ тѣмъ при этихъ ощущеніяхъ непріятныя чувствованія быстро развиваются до высшихъ предѣловъ болѣзненности и страданія, а пріятныя находятъ скорѣе насыщеніе. Для высшихъ же порядковъ ощущеній, наоборотъ, сфера „безразличнаго" гораздо шире и переходы отъ одной категоріи чувствованій къ другой совершаются несравненно медленнѣе и постепеннѣе. Не вдаваясь въ обсужденіе вопроса о необходимости произвести точную классификацію потребностей съ этой точки зрѣнія, мы только должны замѣтить, что принципы подобной классификаціи не будетъ имѣть ничего общаго съ классификаціей потребностей теоретиковъ полезности, которые исходили изъ соображеній объ объективномъ физіологическомъ значеніи потребности.

Исходя изъ качественнаго равенства всѣхъ ощущеній и принимая во вниманіе значительный субъективизмъ въ сопровождающихъ ихъ чувствованіяхъ, мы считаемъ невозможнымъ располагать потребности въ опредѣленныя схемы или таблицы, по степени ихъ важности, если таковыя должны служить выраженіемъ научной истины, а не только грубымъ, наглядным поясненіемъ мысли автора. Впрочемъ, цѣлесообразность послѣдняго пріема является также сомнитель-

ной, ибо представленіе о несуществующей простотѣ и ясности нерѣдко увлекаетъ насъ на скороспѣлые и неправильные выводы. Анализъ содержанія ощущенія, долженъ убѣдить насъ въ значительной сложности тѣхъ явленій, которыя лежатъ въ основѣ всякой потребности, обусловливая ея существованіе и управляя ея интенсивностью.

Переходя къ разсмотрѣнію значенія, которое для насъ имѣютъ вещи, какъ факторы удовлетворенія нашихъ потребностей, а также законовъ экономической цѣнности, мы должны воспользоваться другимъ психологическимъ закономъ—о возрастаніи ощущенія, или закономъ „относительности психическаго количества". (Липпсъ. Психологія стр. 88). Этотъ законъ гласитъ: дабы ощущеніе возростало на абсолютно одинаковыя части необходимо, чтобы воздѣйствіе или раздраженіе увеличивалось на *относительно* равныя количества. „Относительность" предполагаетъ здѣсь отношеніе къ общему количеству раздраженія, такъ напр. ростъ числа жителей отъ тысячи до тысячи пятисотъ человѣкъ представляется намъ равновеликимъ или производитъ на насъ равное впечатлѣніе, какъ и ростъ населенія отъ десяти тысячъ до пятнадцати, или отъ ста до ста-пятидесяти тысячъ. Такова сущность психологическаго закона, установленнаго Веберомъ для возрастанія ощущенія. Дальнѣйшими изслѣдованіями въ области физіологической психологіи установлено, что для различныхъ категорій ощущеній дробь, выражающая отношеніе въ которомъ раздраженіе должно возрасти для того, чтобы вызвать количество ощущенія равное прежнему, является различной величиной. (Такъ для свѣтовыхъ ощущеній оно равно $\frac{1}{100}$, для мышечныхъ— $\frac{1}{17}$, для звуковыхъ— $\frac{1}{3}$ и пр.; въ приведенномъ нами примѣрѣ это отношеніе равнялось $\frac{1}{2}$). Зная, что потребность является ничѣмъ инымъ,

какъ опредѣленнымъ видомъ ощущеній, и что вещи или блага непосредственно воздѣйствуютъ на потребность, мы находимъ возможнымъ примѣнить къ потребности данный психологическій законъ и перевести Веберовское психологическое обобщеніе на языкъ экономической науки. Мы можемъ формулировать его въ слѣдующемъ видѣ: дабы удовлетвореніе возрастало на одинаковыя части необходимо, чтобы число благъ увеличивалось на относительно равныя количества, или, другими словами, для того, чтобы удовлетвореніе возрастало въ ариѳметической прогрессіи, воздѣйствіе должно возрастать въ геометрической. Т. е. если, первая единица удовлетворенія извлекается изъ x количества благъ, то вторая единица получится уже только изъ $x+x.\frac{1}{y}$ третья изъ количества въ $\frac{1}{y}$ разъ большаго, чѣмъ вторая, или изъ $\left(x+x\frac{1}{y}\right)+\left(x+x\frac{1}{y}\right)\frac{1}{y}$ благъ и т. д.; $\frac{1}{y}$ является знаменателемъ отношенія даннаго ощущенія и числовое значеніе его, конечно, можетъ быть столь же различно для различныхъ потребностей, какъ и значеніе x—количества благъ. Такимъ образомъ, весь рядъ возрастающаго въ геометрической прогрессіи количества благъ и вызываемаго имъ возрастанія удовлетворенія въ ариѳметической прогрессіи можетъ быть выраженъ слѣдующимъ образомъ:

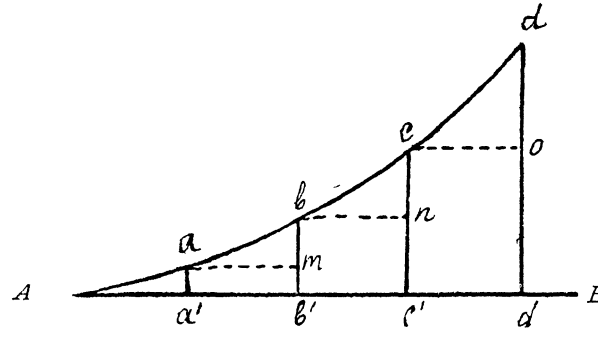
x благъ—1 единица удовлетворенія

$x+\left(x+\frac{x.1}{y}\right)$ благъ—2 един. удовлетворанія

$x+\left(x+\frac{x.1}{y}\right)+\left[x+x.\frac{1}{y}+\left(x+\frac{x.1}{y}\right)\frac{1}{y}\right]$ благъ—3един.

удовлетворенія и т. д.

Или графически:



При чемъ линія AB означаетъ удовлетвореніе, возрастающее на равныя количества Aa', $a'b'$, $b'c'$, $c'd'$; перпендикуляры же aa', bb', cc', dd' суть обозначенія возрастающаго въ геометрической прогрессіи воздѣйствія или количества благъ, необходимаго для возрастанія удовлетворенія. Изъ сравненія отрѣзковъ mb, nc, od мы можемъ убѣдиться въ томъ, что каждая слѣдующая единица удовлетворенія требуетъ все большаго прироста воздѣйствія, знаменатель котораго $^1/_y$ принятъ въ настоящемъ случаѣ равнымъ $^1/_2$.

Если для каждой слѣдующей единицы возрастающаго удовлетворенія, такимъ образомъ, требуется большее количество благъ, чѣмъ для предыдущей, то слѣдовательно, каждая часть блага при этихъ условіяхъ утрачиваетъ извѣстную долю своего прежняго значенія. Такъ какъ мы именуемъ значеніе вещи, какъ фактора удовлетворенія,— цѣнностью, то мы можемъ сказать, что съ возрастаніемъ общей суммы удовлетворенія цѣнность одного и того же количества благъ для насъ послѣдовательно падаетъ. Поэтому для богача, употребляющаго свои деньги на удовлетвореніе самыхъ отдаленныхъ потребностей, каждая часть его капитала обладаетъ меньшей цѣнностью, чѣмъ то же количество, когда оно служитъ бѣдняку: въ первомъ случаѣ оно вызываетъ гораздо меньшую долю удовлетворенія, чѣмъ во второмъ.

Такимъ образомъ, общее теоретическое разсужденіе приводитъ насъ къ тому выводу, что, чѣмъ больше количество благъ, служащихъ для удовлетворенія потребности извѣстнаго рода, тѣмъ меньше цѣнность каждаго изъ этихъ благъ или каждой отдѣльной части общаго количества ихъ. Это положеніе въ принципѣ сходно съ положеніемъ теоріи полезности, однако, расходится съ нимъ въ томъ отношеніи, что оно не приравниваетъ цѣнности каждой части запаса его „предѣльной полезности“ и этимъ избѣгаетъ тѣхъ противорѣчій, на которыя мы указывали выше. Дѣйствительно о «предѣльной полезности» не можетъ быть и рѣчи, когда мы относимъ блага не къ опредѣленнымъ, конкретнымъ потребностямъ, а къ отвлеченнымъ количествамъ удовлетворенія, которое они доставляютъ. Каждое данное количество блага должно съ нашей точки зрѣнія оцѣниваться сообразно той части удовлетворенія, которая приходится на его долю изъ общей суммы удовлетворенія. Эта доля фактически въ нашемъ сознаніи опредѣляется путемъ абстракціи отъ всѣхъ конкретныхъ единичныхъ степеней полезности даннаго блага. Такое толкованіе цѣнности устраняетъ искуственную предпосылку о связи послѣдней съ представленіемъ объ одномъ, опредѣленномъ, конкретномъ назначеніи, исполняемомъ вещью, и не находитъ никакихъ затрудненій въ опредѣленіи цѣнности совокупности. Такимъ образомъ восполняются указанные пробѣлы теоріи «предѣльной полезности». Вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, приведенный взглядъ не можетъ считаться возвращеніемъ къ теоріи пропорціональной цѣнности Гильдебранда. Не касаясь общей неясности и неопредѣленности послѣдней, мы можемъ замѣтить, что Гильдебрандъ не понималъ самого закона паденія цѣнности благъ по мѣрѣ увеличенія количества ихъ, и его идея обратной пропорціональности между количествомъ благъ и ихъ цѣнностью не только не обладаетъ желанной точностью, но выведена вообще изъ ошибочныхъ и со-

вершенно произвольныхъ предпосылокъ. Только углубленіе внутренней, психологической стороны въ изслѣдованіи вопроса о цѣнности можетъ дать полное научное обоснованіе даннаго явленія, а во времена Гильдебранда психологическимъ анализомъ въ области экономической теоріи не интересовались и выводами его не пользовались, что впрочемъ является виной не только экономистовъ того времени, но и психологовъ.

Для полнаго объединенія нашего воззрѣнія на цѣнность, на основаніи принципа полезности, необходимо освѣтить всѣ относящіеся къ этому вопросу явленія съ данной точки зрѣнія. Теорія предѣльной полезности допускаетъ извѣстную двойственность въ разсмотрѣніи явленій, ибо изслѣдуетъ ихъ въ видѣ двухъ самостоятельныхъ рядовъ для каждаго изъ которыхъ устанавливаются различныя, несоизмѣримыя другъ съ другомъ единицы сравненія. Теорія предѣльной полезности измѣряетъ ощущенія „единицами“ удовлетворенія, величиной съ субъективной точки зрѣнія вполнѣ опредѣленной, но „единица“ вещи, отъ величины которой, какъ мы видѣли, зависитъ такъ много, согласно теоріи предѣльной полезности, остается невыясненной, и мы знаемъ, что Бемъ-Баверкъ ссылается на какой то таинственный императивъ, заставляющій насъ опредѣлять въ каждомъ случаѣ значеніе этой „единицы“. Такой произволъ вноситъ полную неустойчивость въ опредѣленіе цѣнности „совокупностей“ на основаніи теоріи предѣльной полезности и рѣшительно препятствуетъ сравненію „единицъ“ разнородныхъ вещей между собой. Причиной этой неопредѣленности является то обстоятельство, что теоретики оставили для измѣренія „вещей“ въ полной силѣ внѣшнее, объективное мѣрило, вмѣсто того, чтобы провести до конца оцѣнку явленій съ точки зрѣнія психологическаго, субъективнаго принципа. „Единица вещи“ въ общемъ, широкомъ смыслѣ становится для насъ точной и ясной лишь тогда, когда она поставляется въ опредѣленное отношеніе къ удовлетворенію доставляемому намъ благомъ.

„Единицей вещи“ должно считаться во всѣхъ случаяхъ такое количество ея, которое способствуетъ насыщенію единицы потребности или доставляетъ единицу удовлетворенія. Это и будетъ экономическая единица вещи (въ отличіе отъ физической или физіологической), единственно способная установить хозяйственное соотношеніе разнородныхъ благъ, которыя не допускаютъ никакого сравненія на основаніи внѣшнихъ, объективныхъ признаковъ своихъ. Изслѣдованіе, ставящее себѣ цѣлью полное и систематическое объясненіе явленія цѣнности должно съ самаго начала основывать ходъ своихъ доказательствъ на понятіи „единицы вещи“ въ указанномъ нами смыслѣ. Только субъективное толкованіе объясняетъ намъ причину, почему одни предметы выступаютъ въ качествѣ „цѣнностей“ индивидуально, другія группируются въ десятки и сотни, одни измѣряются золотниками, а другіе фунтами, пудами, тоннами и пр. Вмѣстѣ съ тѣмъ такое пониманіе предупреждаетъ также возможность ошибочной матеріализаціи „полезности“ вещей, соединенія каждаго отдѣльнаго блага съ опредѣленнымъ конкретнымъ назначеніемъ. Теорія полезности проведенная послѣдовательно до конца на субъективно психологическомъ основаніи знаетъ лишь опредѣленныя количества удовлетворенія, доставляемыя намъ благомъ, и, исходя изъ этой величины, рѣшаетъ всѣ вопросы, относящіеся къ теоріи цѣнности.

Подводя итогъ результатамъ того движенія, которое совершила экономическая наука въ области разработки проблемы цѣнности, мы не можемъ отказать этому движенію въ заслуженномъ наименованіи—прогресса. Успѣхи экономическаго изысканія въ этой области несомнѣнно болѣе значительны, чѣмъ тѣ, которые достигнуты въ разработкѣ всѣхъ остальныхъ отдѣловъ экономической теоріи за тотъ же промежутокъ времени. Существенной причиной такой быстрой эволюціи въ изслѣдованіи явленія экономической цѣнности является то содѣйствіе, которымъ

здѣсь воспользовалась политическая экономія со стороны другой науки, а, именно,—психологіи, выводы которой оказались чрезвычайно важными для уясненія даннаго вопроса. Тогда какъ въ области экономической динамики, разсматривающей дѣйствіе хозяйственныхъ силъ и устанавливающей конкретныя формы, которыя принимаетъ движеніе хозяйственной жизни, особенно крупное значеніе для вывода обобщеній имѣетъ статистическій матеріалъ, еще весьма мало разработанный какъ для прошлаго, такъ и для настоящаго хозяйства, въ области экономической статики предметомъ разсмотрѣнія является хозяйствующій человѣкъ вообще со свойственными ему, какъ таковому, стремленіями; послѣднія же уже подвергнуты частичному анализу психологической наукой и подчинены ею опредѣленнымъ законамъ. Кромѣ того, прогрессъ въ остальныхъ частяхъ экономической теоріи въ значительной степени зависитъ отъ успѣха въ разработкѣ вопроса о цѣнности и потому можетъ только послѣдовать за послѣдней. Конечной цѣлью и вмѣстѣ съ тѣмъ и первопричиной, съ психической точки зрѣнія, всѣхъ хозяйственныхъ процессовъ является стремленіе человѣка къ удовлетворенію своихъ потребностей, вслѣдствіе чего изслѣдованіе этихъ процессовъ предполагаетъ изученіе зависимости, существующей между человѣкомъ и хозяйственными благами или изученіе законовъ цѣнности. Въ настоящее время можно считать, что теорія цѣнности установила философскій, объединяющій моментъ для экономической науки, что должно способствовать болѣе быстрому прогрессу всего остального экономическаго знанія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, новыя положенія теоріи цѣнности даютъ возможность научно истолковать отношенія, возникающія между людьми, какъ членами единой соціально-экономической организаціи, объяснить и оцѣнить фактъ экономическаго господства однихъ изъ нихъ надъ другими. Предположеніе раціоналистовъ о разумности всего существующаго и признаніе какихъ то „естественныхъ“, „справедливыхъ“, цѣнностей, обез-

печивающихъ всеобщее равное благополучіе для всѣхъ людей, отброшено, какъ отголосокъ ни на чемъ не основаннаго и давно вышедшаго изъ моды оптимизма; стремленіе придать „труду“ значеніе единственнаго объективнаго фактора цѣнности, чтобы тѣмъ самымъ санкціонировать „моральную“ идею о необходимости должнаго воздаянія за труды, признано также безплоднымъ и ненаучнымъ; цѣнность опредѣляется, какъ явленіе, имѣющее своимъ основаніемъ внутреннее отношеніе человѣка къ окружающимъ его вещамъ, отношеніе столь субъективное и относительное, что оно напоминаетъ въ области экономики положеніе древнихъ софистовъ—„человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей“. Такая сущность цѣнности устраняетъ возможность объяснять возникающія на ея почвѣ соціальныя отношенія на основаніи идеи „справедливости“, „права“, „морали“ и заставляетъ насъ анализировать человѣческія побужденія не съ точки зрѣнія идеала, а съ точки зрѣнія жизненной дѣйствительности.

Реформаторы соціальнаго строя, ищущіе спасенія для тѣхъ классовъ населенія, которые нынѣ обречены на бѣдственное существованіе, должны обратить главное свое вниманіе на устраненіе дѣйствительныхъ причинъ, приводящихъ къ плачевнымъ соціальнымъ результатамъ. Для этого они должны обратиться къ тому отдѣлу экономической науки, который изслѣдуетъ вопросъ о цѣнности въ связи съ распредѣленіемъ благъ и объясняетъ на основаніи теоріи полезности различіе въ рентѣ, извлекаемой людьми изъ обладанія различными благами, какъ то капиталомъ, землей, трудомъ, талантомъ, знаніями и пр. и пр. Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ придется уяснить себѣ и тѣ соціальныя, политическія и индивидуальныя причины, которыя монополизируютъ обладаніе извѣстными, наиболѣе цѣнными, благами за опредѣленными группами лицъ. Такое изслѣдованіе, построенное на строго научномъ экономическомъ принципѣ, выяснитъ, какъ значеніе отдѣльныхъ благъ для человѣка, такъ и тѣ пути, по

которымъ слѣдуетъ стремиться къ обладанію этими благами. Разъясняя причины исключительнаго обладанія отдѣльныхъ соціальныхъ группъ и классовъ и лицъ извѣстными благами, это изслѣдованіе даетъ правильный ключъ для разрѣшенія соціальнаго вопроса. Обладаніе благами, съ экономической точки зрѣнія, есть господство надъ людьми—съ соціальной точки зрѣнія. Завися отъ вещей, люди по необходимости становятся въ зависимость и отъ ихъ обладателей. Улучшить хозяйственное положеніе человѣка и вызвать болѣе правильное распредѣленіе благъ между людьми могутъ только тѣ средства, которыя вызовутъ болѣе равномѣрное отношеніе людей къ вещамъ, какъ носителямъ экономической цѣнности. Только тогда отчуждающій свой трудъ получитъ за него надлежащее вознагражденіе, когда обѣ стороны въ результатѣ обмѣна обогатятся равнымъ количествомъ единицъ удовлетворенія. Въ настоящее же время обмѣнъ нерѣдко складывается такъ, что одна сторона получаетъ лишь „минимумъ средствъ существованія“ другая же — обогащается бѣшенными барышами. Причина этого явленія, какъ мы указывали, лежитъ въ различіи оцѣнокъ людьми вещей, какъ факторовъ удовлетворенія ихъ потребностей, что въ свою очередь имѣетъ дальнѣйшее объясненіе въ общихъ культурныхъ, политическихъ, соціальныхъ и личныхъ условіяхъ хозяйственной жизни.

Въ тотъ моментъ, когда люди, выносящіе на рынокъ свой трудъ, свои товары, свои услуги будутъ способны оцѣнивать ихъ такъ же высоко, какъ и люди, являющіеся туда же для того, чтобы пріобрѣсти у первыхъ ихъ блага, — въ тотъ моментъ идеалъ равномѣрнаго распредѣленія богатствъ будетъ достигнутъ, ибо въ обмѣнъ будутъ вступать лишь дѣйствительныя равноцѣнности — блага, доставляющія равное количество удовлетворенія обѣимъ сторонамъ, участвующимъ въ обмѣнѣ.

Поэтому представители различныхъ общественныхъ

классовъ, вступающіе въ борьбу между собой за экономическое господство, вмѣсто того, чтобъ сѣтовать на „несправедливость“ и „эксплоатацію“, должны вникнуть въ причины первенства своихъ противниковъ и, стремясь въ качествѣ самостоятельныхъ индивидуальныхъ субъектовъ хозяйства къ развитію своихъ силъ и способностей, выставить лозунгомъ своимъ то положеніе, къ которому приводитъ новая теорія цѣнности и которое провозглашено величайшимъ нѣмецкимъ индивидуалистомъ: „Was du vermagst, ist dein Vermögen“ (Max Stirner).

Новѣйшая библіографія.

(Кромѣ общихъ руководствъ).

Антоновичъ. Теорія цѣнности. 1877.
Baumstark. Volkswirtschaftliche Erlauterungen vorzüglich über Rikardo's System
Bonar I The Austrian Economics and their view on value. Quart. Iourn. of Econom. V. III. October 1888.
Bohm-Bawerk. Grundzuge der Theorie des wirtschaftl. Güterwertes. Jahrbüch f. Nationalök u Stat NF XIII 1886.
Bohm-Bawerk Wert, Kosten u. Grenznutzen Jahrbüch f. Nationalök. u Stat FIII. B 3. 1892
Böhm-Bawerk Referat über Ricardo Jahrbüch. f. Nationalök. u. Stat FIII. B. 1
Bohm-Bawerk Der letzte Maasstab der Güterwerte. Zeitschr. für Volkswirtsch. Sozialpol. u Verwaltung B. 3. 1894.
Bohm-Bawerk. Artikel „Wert"—Handwört. der Staatswissensch.
Бемъ-Баверкъ. Теорія Карла Маркса и ея критика 1897.
Бемъ-Баверкъ. Капиталъ и прибыль 1909.
Böhm-Bawerk Zur neuesten Litteratur über den Wert. Jahrbüch. f. Nationalok u. Stat. F. III. B. 1.
Clark. I. B. The distribution of wealth, 1899.
Clark I. B. Philosophy of value. New Englander July 1881.
Clark I B. The ultimate standard of value. Yale Review November 1892.
Cassel. Replik gegen Wicksell. Zeitschrift für die gesammte Staatswiss. B. 57, 1901
Cannan A history of the theories of production and distribution in Engl. Political Economy.
Dietzel. Die Klassische Werttheorie. Jahrbüch für Nationalok. u Stat. N. F XX 1890.
Dietzel Zur Klassischen Wert—und Preistheorie. Jahrbüch. f. Nationalök u. Stat F. III. B. 1. 1891.
Дмитріевъ. Теорія цѣнности Рикардо.
Fetter F. A. Principles of Economics.
Flatow. Studie über den Wertbegriff. Zeitschr. f. Staatswissensch 1889.
Франкъ. Психологическое направленіе въ теоріи цѣнности. Русское Богатство кн. 8, 1898.
Франкъ. Теорія цѣнности Маркса и ея значеніе 1900.

Gottl. Der Wertgedanke, ein verhülltes Dogma der Nationalökonomie 1897.
Hasbach W. Die allgemeinen philosophischen Grundlagen der von François Quesney u. A. Smith begründeten Politischen Ökonomie. 1890.
Hildebrandt. B Die Nationalokonomie der Gegenwart und Zukunft 1848.
Heyn Theorie des wirtschaftlichen Wertes 1899.
Hobbson The economics of distribution 1900
Jevons. The theory of Political Economy 1879
Komorzinsky Der Wert in der isolierten Wirtschaft, 1889.
Lehr. Wert, Grenzwert und Preis Jahrbüch. f Nationalok u. Stat. N. F. XIX, 1889.
Мануиловъ Понятіе цѣнности по ученію экономистовъ классич школы
Marfarlane Value and distribution, 1889
Menger. Grundsätze der Volkswirtschaftslehre 1871
Neumann. Die Begriffe Gut, Wert, Preis etc. Schönberg's Handbuch B. I.
Орженцкій. Ученіе о цѣнности у классиковъ и каноннстовъ 1896.
Орженцкій. Полезность и цѣна, 1895.
Орженцкій Ученіе объ экономическомъ явленіи. Введеніе въ въ теорію цѣнности 1903
Patten. Die Bedeutung der Lehre vom Grenznutzen. Jahrbüch. f. Nationalok. u. Stat. B. 57.
Sombart Zur Kritik des ökonomischen Systems von Karl Marx. Braun's Archiv B 7 1894.
Scharling Werttheorie u. Wertgesetze Jahrbüch f. Nationalok. u. Stat. N. F. B 15. 1888.
Schäffle. Artikel. Zeitschr. fur die gesammte Staatswissensch. 1885.
Stolzmann. Die soziale Kategorie in der Volkswirtschaftslehre 1896.
Туганъ-Барановскій, Очерки изъ новѣйшей исторіи полит. экономіи.
Vane Mc. Austrian theory of value, Annals of the American Academy November 1893.
Wieser Der natürliche Wert 1889.
Wieser Ursprung und Hauptgesetze des wirtschaflichen Wertes 1884.
Wicksell. Zur Verteidigeng der Grenznutzenlehre. Zeitschr. f. die gesammte Staatswissensch B. 56. 1900.
Wicksell. Ueber Wert, Kapital u. Rente nach den neueren nationalökonomischen Theorien 1893.
Залѣсскій. Ученіе о цѣнности. 1893.
Зиберъ Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ
Zuckerkandl. Zur Theorie des Preises 1889.
Zuckerkandl. Zur Klassischen Werttheorie und Theorie des Grenznutzens. Jahrbüch für Nationalök. und Stat. N. F. B 21.
Шоръ. Основныя проблемы политической экономіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Введеніе	3
Понятіе и значеніе „цѣнности“	7
Теоріи „естественныхъ“ цѣнностей	40
Теоріи абсолютныхъ цѣнностей	75
I. Трудовая теорія цѣнности	79
II. Теорія полезности	106
III. Теоріи компромисса	157
Заключеніе	192